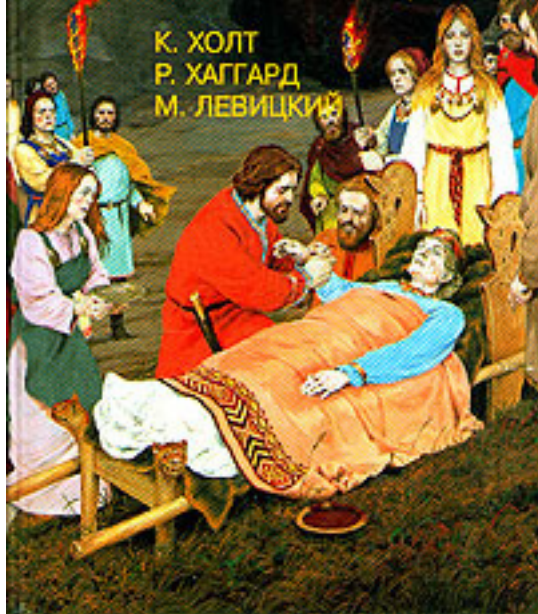

Мризна по женщине

К. ХОЛТ
Р. ХАГГАРД
М. ЛЕВИЦКИЙ

Михаил Левицкий

Варяжские гнезда

Scan by Ustas; OCR&Readcheck by Zavalery

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=154708

Холт К. Тризна по жєнице / Пер. с норвежск. Л. Горлиной. Хаггард

Р. Сага об Эрике Светлооком / Пер. с англ. А. Энквист. Левицкий М.

Варяжские гнезда: ТЕРРА; М.; 1995

ISBN 5-300-00263-1

Аннотация

В очередной том серии вошли роман К. Холта «Тризна по женщине», в котором по-новому трактуется история знаменитого викингского корабля из погребального кургана в Усеберге, «Сага об Эрике Светлооком» Райдера Хаггарда (1856-1925) о жизни в Исландии X века и «Варяжские гнезда» М. Левицкого о происхождении скандинавов.

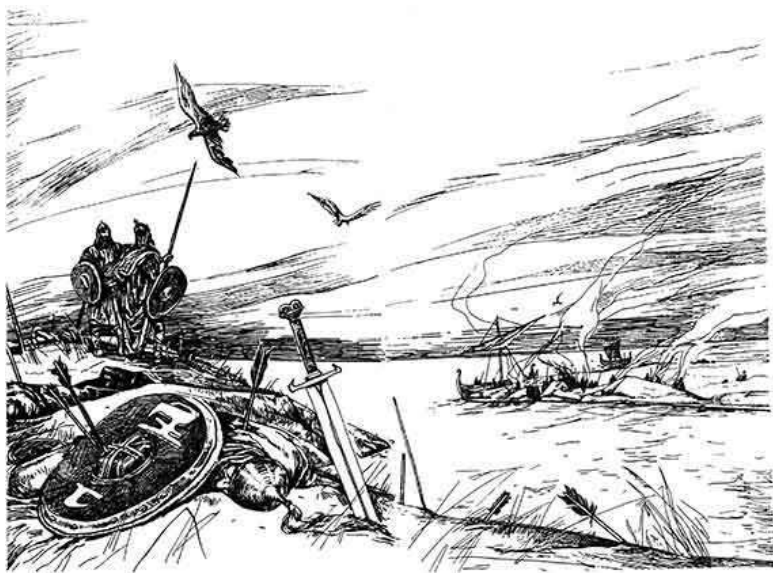
Содержание

ЧАСТЬ I. УЧЕНИК ВЕЩЕГО ДРАГОМИРА	5
ПОСЛЕ БИТВЫ	6
СТАРЫЙ ВОЛХВ	18
НАСИЛЬНО МИЛ НЕ БУДЕШЬ	27
ГОРОД ТАНАИС	34
ТАЙНА ФРИГГ	41
БОГИ НАРОДОВ	46
ГАМАНОВО УХО	53
УБИТ ИЛИ ЖИВ?	68
ВИЛЛЕРИХ	74
БАЛТА МНИТ СЕБЯ ПОБЕДИТЕЛЕМ	84
КНЯЖНА И ВОЖДЬ НА ЩИТЕ	98
ЧАСТЬ 2. ЦАРЬ ВОДАН	104
ИСХОД АСОВ	104
ГИБЕЛЬ ДИДЕРИХА	110
КОГАН САРКЕЛ	114
БЕНЬ-МАТФАН	125
ЧЕРНИГ, БРАНКО И ПОЛТАВ	134
ВЕЛИКИЙ ВОДНЫЙ ПУТЬ	145
ВЕДЬМАКИ И ВЕДЬМЫ	153
НОВОЙ ЖИЗНИ ЗАРЯ	171
ХИВЭВАЙМОТ	187
КЕРЕМЕТ, ЧЕРНОБОГ И УПЫРИ	207

ТОРГОВЫЕ ГОСТИ	221
ВОЛОКОМ	247
ЧАСТЬ 3. ВАРЯЖСКИЕ СОЮЗЫ	254
БОЛЬШИЕ РЕКИ МЧАТСЯ ЧЕРЕЗ МОРЕ	254
САМИ	
ЧАРОДЕЙ МИМИР	268
ЧЕРЧЕНИЕ КОПЬЕМ	281
АЛЫЙ БОР	287
ЧЕСТЬ ВЫШЕ СЛАВЫ	301
КНЯЗЬ ИЗЭ ГЮЛЬФЕ	309
ЦАРИЦА ФРИГГ	318
ПРОЩАНИЕ ДВУХ ВОЛХВОВ	324
КВЕНЫ И ИОТЫ	332
МОРСКИЕ ДРУЖИННИКИ	340
ВЕЛИКИЙ СЪЕЗД В ВИНЕТЕ	350
ВАЛА И САРА	361
КОНЕЦ ВОДАНА	376
КВОЛТИЦКАЯ ТРИЗНА	384
КАРТЫ IX-XI ВВ.	395

Михаил Левицкий Варяжские гнезда

ЧАСТЬ I. УЧЕНИК ВЕЩЕГО ДРАГОМИРА

ПОСЛЕ БИТВЫ

Победа была одержана блестящая. Степные хищники были разбиты на голову. Успевшие спастись бежали в беспорядке, душистая степь на далекое пространство была усеяна трупами. Широкая, глубокая река, краса степей, была неузнаваема; обыкновенно тихие, синие волны ее бурлили, окрашенные человеческой кровью, и несли вниз по течению изуродованные тела и отсеченные члены павших в бою. Давно славная река, много выдавшая кровавых боев, не бывала свидетельницей такого побоища. Греки ее звали Танаис, готы – Тана-Эльф, а язуги и угличичи – Доном-рекой, и не первый раз берегам ее приходилось служить преградой нашествиям хищников.

На этот раз отпор был дан дружный всеми народами Донских степей. Все распри, и родовые и племенные, были забыты, и греки, славяне и готы соединились в громадную рать, дружно разивших буйный разбойничий набег поганных команов. Первыми приняли удар готы с верховьев Тана-Эльфа, к ним тотчас присоединились сарматы, языги, угличы, кыряне и другие из всех укрепленных городищ, разбросанных по степи. Царь босфорский Савромат сам засел за крепкими стенами стольного града своего Пантикапеи¹, но послал сильную рать в Танаис-город², а другую – на встречу с врагами. Вели ее два старших сына царя, князья; Ржешкупор и Котыс и старый полемарх³ танаисский Агафодор. К ним присоединились, уже в Танаисе, римский отряд под предводительством трибуна Валерия Люция Сульпиция и танаисские израильтяне с известным всей стране Киммерийской храбрым вождем Елеваром бень-Охозия, проживающим в Танаисе почти со времен разрушения Иерусалима и пользующимся большим влиянием на своих соотечественников.

Эти разноплеменные войска, действуя дружно, напали с четырех сторон на команов, оттеснили их к Дону и сбросили в воду, перестреляв и перерезав всех, кого могли. Остальным осталось только спасать жизнь бегством. Победителям досталось в руки немало пленных. Греки отвели их в рабство

¹ Керчь.

² Азов.

³ Воевода.

в города, славяне принесли их в жертву богам. Готы в плен не брали, а резали всех на месте.

Теперь беглецы далеко, и вдоль Дона расположились станы победителей. В окровавленных волнах реки отражаются ярко горящие костры, и их заревом залито все небо. Сожжение тел убитых воинов и кровавые жертвоприношения окончены. Воины собрались вокруг костров и около палаток и празднуют победу. Большие части жирных быков, целые кабаны и бараны жарятся на вертелах и в ямах, засыпанных углями; режутся с пылу горячие куски и поедаются проголодавшимися бойцами. Турьи рога с добрым пантикапейским и фанагорийским вином ходят из рук в руки и опоражняются при заздравных и победных возгласах на различных языках – греческом, латинском, славянском, готском и еврейском.

Уже достаточно попировавшие, каждый со своими ратниками, вожди отправились к шатру под большим курганом, к князьям Ржешкупору и Котысю. Здесь тоже были разложены костры, и около них грелись слуги, пока владыки их праздновали победу.

Княжеский шатер был убран в греческом стиле. И стол, и ложа были покрыты алыми коврами, обшитыми золотой бахромой.

Посуда была частью медная, золоченая, частью настоящая золотая и серебряная. Почетным гостям подавались чаши, в работе которых нельзя было не признать руки лучших художников чеканного дела афинских и коринеских. Отец пол-

ководца Ржешкупора, прославленного победами над врагами и мудростью в совете, – царь Савромат⁴, вступая первый из своего рода на престол босфорский, не хотел в роскоши и величии уступать прежним царям Понтийского дома, потомкам славного Митридата. Знал он, какое впечатление добрый царский прием производит не только на варваров, но и на эллинов и римлян, а потому, в подобных случаях, никогда не останавливался ни перед какими расходами, сам же был всегда щедр на ласковые слова и милостивый привет людям, повергавшихся к его царственным стопам. Того же требовал он и от сыновей своих и в мирное время, и во время военных походов.

Молодые царевичи возлежали в середине колена стола. Ложа их приходились одно против другого. Их окружали прочие военачальники всех союзных народностей. Оба князя были в греческих туниках, с пурпуровыми плащами. Оба были еще молоды. Ржешкупору было двадцать семь лет, а Котысю минул только двадцать третий. Станом и лицом они были очень похожи друг на друга; темноволосые, с синими глазами и белым, даже при загаре и румянце, цветом лица. Оба высокого роста и богатырски сложенные, достойные сыны царя Савромата и внуки старого Ржешкупора, боевыми заслугами утвердившего за детьми и внуками своими наследие Митридата Великого. Но воспитание и привычки развили в обоих юношах черты, делавшие их совершенно

⁴ Савромат, сын Ржешкупора, воцарился на 83 г. н. э.

несходными друг с другом. Ржешкупор, воспитанный греческими философами, был эллином во всех приемах и обычаях. Он говорил по-гречески языком Демосфена, слово его было мягко и приветливо. Бесстрашный в бою, он любил на досуге предаться неге и отдохнуть среди поэтов, певцов и музыкантов. Любил он послушать и сарматских певцов и говорил на народном языке наибольшей части своих соратников и будущих подданных легко и изящно. С римлянами он был в хороших отношениях. Очень дорожа любовью всех своих будущих подданных, к варварам-союзникам он относился с недоверием и пренебрежением и с готами говорил не иначе, как через переводчика, а вождей их допускал к себе только на самые короткие свидания, при которых держал себя если не высокомерно, то крайне сдержанно.

Котысь, хотя так же изучал греческий язык, но с местными жителями предпочитал говорить на варварском понтийском наречии, на котором говорил простой народ в Пантикапее, Танаисе, Корсуне, Ольвии, Синопе и других приморских городах. Зато по-готски и на всех сарматских наречиях он говорил превосходно, не забывая вернуть в свою речь излюбленные ими словечки и обороты. Суждения свои он любил пересыпать игривыми славянскими поговорками. О греках и римлянах он говорил, что они совершили уже все земное и что пора явиться среди так называемых варваров новым Ромулам и Кекропсам. Время свое любил он проводить на охоте, или в ратном стане, среди простых воинов всех на-

родностей, населяющих Босфорское царство. Там он знакомился с их верованиями, нравами и обычаями, восхищался прочностью их семейных уз, привязанностью жен и мужей друг к другу и воспитанию детей, готовящихся с пеленок к той боевой жизни, на которую обрекла их матушка родная степь.

– Мой сын Ржешкупор, – говорил царь Савромат, – есть истинный эллин, а Котысь – неисправимый варвар.

В вечер пира после победы, варвар был в совершенном восторге видеть брата своего вынужденным созвать под сень своего шатра всех вождей славянских и готских. Он собрал их вокруг себя, приказывал подавать им чаше вина и расспрашивал о старых боевых их подвигах. Около старшего царевича поместились Агафодор, Валерий Сульпиций, Елеазарь бень-Охозия и их ближайшие сподвижники, и на их стороне стола разговор велся исключительно на греческом языке. Вокруг Котыся греко-понтийская, славянская и готская речи лились вперемежку. Каждый объяснялся как мог и коверкал слова иностранного для него языка немилосердно; но все понимали друг друга, а главное, чувствовали, что сделано было сегодня нечто важное, отчего зависит на многие годы судьба всех, и что в этом деле все приняли участие, себя не щадя, за честь своего родного народа и на пользу всем союзникам. Взаимное уважение было то чувство, которое преобладало во всех речах и воспоминаниях о недавней битве.

– Дорогой брат и славные союзники, достойные вожди

доблестных племен! – заговорил громко по-гречески Котысь. – Воздав всем должное за действительно славные подвиги, мы не должны забывать о деле, о котором я могу говорить лучше кого-либо. Я в этом деле был и, при всей отваге моих сподвижников Пересада, Ржеметалка, Фарнака и Сатира и храбрых дружин их, должен без конца благодарить богов за то, что еще пью сегодня вино с вами. Дрались мы отчаянно, но на каждого из нас приходилось по пяти или шести этих черномазых, скуластых, коренастых и коротконогих уродов, более похожих на исчадия ада, чем на людей. Спасение пришло к нам неожиданно, когда мы уже слышали, как скрипят врата ада. С тыла на дикарей налетела готская конница. Команы были смяты и загнаны в Тана-реку. Мы были освобождены! Мы живы! Доблестные готы увидели нас издали и бросились нам на помощь без призыва. Конный отряд вели два юноши мужественного вида, белокурые и голубоглазые, с распущенными густыми волосами. Воздадим им, нашим спасителям, честь и хвалу за их подвиг. Я их не вижу здесь, но славные готские военачальники несомненно знают их. Не так ли, достопочтенный Фредлав, доблестный Талфарих и храбрый Кунигунд? Я желаю их призвать и при всех вас, славные воины, должным образом отблагодарить и наградить.

Поднялся на своем ложе старый Кунигунд, откинул назад длинные седые волосы, погладил спускающиеся на грудь белые усы и подстриженную бороду и сказал:

– Князь! Обоих молодцов я знаю и не в первый раз сам, при всей моей боевой опытности, дивлюсь их отваге и находчивости. Это будущая слава нашего храброго народа. Только вряд ли удастся нам их сейчас привести перед твои светлые очи.

– Это почему? – удивился царевич. – Разве они не в стане?..

– Увы! – с улыбкой ответил Кунигунд. – Бой кончен. Команы убежали далеко. Лишним воинам мы не запретили отлучиться на короткое время до завтрашнего сбора.

– И твои герои?..

– Несомненно оба воспользовались. Один уже скачет в городок амелунгов, стоящий выше по Тана-Эльфе, часах в трех отсюда, а другой так же гонит коня во всю прыть по направлению к лесу.

– А может быть, и оба разными путями скачут в городок Амала! – высказался Талфарих.

– Да кто эти юноши? – спросил князя Котысь.

– Один – сын присутствующего здесь Фредлава Сигге, – объявил Талфарих. – Другой – Балта, сын Родериха.

Фредлав подошел к князю.

– Вадим не мой сын, а сын моей жены и углича Бориса Бураго, ее первого мужа. Но люблю я его как плоть от плоти моей. С отцом его, Борисом, мы много раз сражались бок о бок и делили радость и горе. На моих глазах он был убит, отгоняя нашествие степных хищников. Я еще не был стар и

взял в жены его вдову. Много у меня и своих детей, но ни одного из них я не люблю больше Вадима. Он такой же для меня сын, как и они все.

– Куда он мог уехать?

– Готы не умеют лгать. Он может быть и в лесу, может быть и в городке. В лесу живет его дядя, брат моей жены Драгомир, а в городок его влечет тоже красавица, о которой бредит и Балта.

– Но дядя так же дорог, как и красавица, – спросил царевич Ржешкупор, – если есть предположение, что к нему он раньше поспешит?

– Так оно и есть! – подтвердил Фредлав. – Только не совсем так. Для сердца юноши любовь девы всего дороже, но дядя обладает скрытой и неотразимой силой, и даже любовь девы может быть в его руке.

– Ты, старый воин, говоришь загадками, – сказал Котысь.

– Драгомир – волхв, и мой пасынок посвящен во многие его тайны! – объявил Фредлав.

– Это вроде наших авгуров? – спросил саркастически Валерий Сульпиций.

– Не совсем, – возразил царевич. – Наука ваших авгуров не велика и над ней даже в Риме многие смеются. Здесь нечто другое, вроде таинств египетских жрецов и персидских волхвов. Они знают о силах природы многое, чего мы не знаем, и творят вещи поистине чудесные.

– Говорят так же, – заметил Елеазарь, – что они веруют во

единого Бога, как мы, народ израильский, но учения своего они никому не открывают, кроме посвященных. Народ же оставляют во мраке невежества.

– Точь в точь как в Египте и Персии! – сказал Агафодор.

– Этими тайными учениями давно интересовались философы и писатели Греции и Рима, – объявил Валерий. – Но странно, что молодой воин ищет посвящения в секту волхвов, а может быть уже, и посвящен в нее. Но ты, Фредлав, ничего не знаешь о том, чему брат твоей жены учит ее сына?

– Они ничего не говорят. По их словам, ум человека без подготовки не выдержит учения и помрачится, а подготовка долгая и трудная.

– Ловкие люди, – засмеялся Валерий. – Умеют отвадить любопытных.

Опасения оказались основательными, но только наполовину. Не найден был только Вадим. Что касается Балты, то его нагнали по дороге в город, построенный готами рода Амала вверх по течению реки, и вернули в стан. Волей-неволей пришлось ему вернуться и явиться к царевичам, еще не окончившим ужина.

Это был красавец гот, с голубыми глазами, свежим цветом лица и длинными белокурыми волосами. На нем был чешуйчатые доспехи из крупных медных пластин, под ними рубашка грубого холста, обшитая голубой тесьмой.

Царевичи его приняли милостиво.

– Благодарю тебя, смелый юноша, – сказал Котысь, – за

спасение моей жизни и за молодецкую отвагу, проявленную тобой. Проси у меня все, чего хочешь, все тебе дам, и тебе, и твоему товарищу.

Глаза гота заблестели зловещим огнем.

– Он мне не товарищ, а мне у тебя, царевича, просить не о чем. Чего бы я желал, того ты мне дать не можешь.

– Он тебе товарищ по оружию и такой же доблестный воин, как и ты, – сказал князь. – Я не хочу, чтобы ты с ненавистью о нем говорил. Если ты ничего не просишь, то я дарю тебе этот меч драгоценной работы. Сражайся им так же мужественно, как сражался до этих пор, но поклянись, что этот меч никогда не будет поднят на брата, на сподвижника, которому я стольким же обязан, скольким и тебе.

Балта пристально взглянул на князя.

– Кто тебе выдал мою тайну? – спросил он.

Котысь отвел его в сторону, к выходу из шатра.

– Как бы я ни узнал, – сказал он, – тебе все равно. Я и в этом деле тебе помогу, если могу это сделать не вредя другому моему спасителю. Ведь любит она лишь одного из вас, а с родителями ее я поговорю.

– Кого она любит, не знаю, – объявил Балта. – Но родителям ее даже твое княжеское слово не указ. Они горды. Они древнего рода Амелунгов, ведущего летопись свою от Мала, с которым наш народ издалека, с востока, пришел в эти степи. И я, и Вадим – люди не столь древнего рода. Мы ее, тот или другой, должны у родителей похитить. Но ни я, ни он

никогда не уступим ее сопернику. Тогда, кого бы она ни выбрала, один из нас должен погибнуть.

– Неужели ты поднимешь меч на того, с кем рядом сражался? – удивился князь.

– Подниму и убью! – твердо заявил гот. – Из-за угла, как вор, не буду убивать, но при каждой встрече будем биться, пока один из нас не падет.

Царевич отпустил упрямого варвара, но решил узнать подробности о деде, ставшей так неудачно на пути двух юношей, которых он так хотел отблагодарить за спасение жизни.

СТАРЫЙ ВОЛХВ

Куда же девался Вадим, другой спаситель царевича Котыся? Он тотчас по окончании жертвоприношений вскочил на коня и погнал его во весь опор по направлению к Танаису, но не доезжая до города за полчаса пути, свернул в сторону и скоро достиг опушки дубового леса, в который углубился, умерив ход коня. Все дороги в лесу ему, видимо, были хорошо известны. Да, кажется, и конь знал дорогу, потому что всадник часто выпускал поводья из рук и ехал, думая крепкую думу.

Скоро в лесной чаще показался огонек. Вадим пронзительно свистнул, и на его свисток последовал такой же громкий, но с переливами в три колена. Вскоре, несмотря на ночную темноту, показалось очертание избы в три окна, через которые светил огонь. На пороге избы стоял высокий, крепкий старик с белыми, как лунь, волосами, разлетающимися по плечам, и с бородой, доходящей до середины груди. Он был одет в длинную белую рубашку без всяких украшений и

не носил никакой обуви. На правой руке его был перстень с зеленым камнем, ярко блестящим, когда его поворачивали к огню.

– Здравствуй, Вадимушко, – приветствовал он прибывшего.

– Здравствуй, дядя Драгомир, – отвечал ему племянник, соскакивая с коня.

Они обнялись и поцеловались.

– Мы победили, – сообщил воин.

– Знаю, дитяtko, – сказал старик. – Я в чаше с водой видел бой; зрел, как бежали поганые Команы, и знаю, что ты с Балтой спасли царевича.

– Да! Столкнула нас судьба! – воскликнул юноша. – Видим, отряд пантикапейцев в ловушку попал. Надо скакать на выручку. Я с одной стороны, Балта, проклятый, с другой. Ударили на команов! Разбили. А там смотрим: среди них сам царевич Котысь. Но Балта от меня не уйдет.

– Сильна в тебе зазноба! – произнес задумчиво дядя.

– Да, так сильна, – потрясенным голосом сказал молодой богатырь, – что не то, что Балту, а себя готов убить, если она не будет моей.

– Этого ты мне и говорить не смей, – строго сказал старик. – Таков-то ты муж? А подвиги боевые? А мудрое учение?

– Ах, дядя! – воскликнул Вадим. – Верю я, что, как ты мне предсказываешь, я ко многому великому призван. Знаю,

в какой высокий мир ты меня ввел. Но без нее мне ничто – ни победы, ни учение, ни сама жизнь – не сладки.

– Образуясь, чадо! Взвесил ли ты всю опасность борьбы со старым Нордерихом. Он Амелунг. Он царской крови. Он дочери ищет жениха знатнее тебя и даже Балты. Он ее ни тебе, ни ему не отдаст.

– Я Фригг похищу! – воскликнул Вадим.

– И весь род Амелунгов будет тебе мстить! И это, когда только что прогнали хищников. Опять прискакать могут.

– Никого и ничего не боюсь! – запальчиво воскликнул юный князь.

– Сегодня вижу ты мало расположен слушать мои слова. А поблагодарил ли ты за победу Того, кто ее тебе дал? Ведь это не Перун, которому только крови лей да жареного мяса подваливай.

– Виновен я, дядя! – сказал юноша несколько смущенно. – Встреча с Балтой мне все испортила. Будь я один тогда около царевича, я бы ни Нордериха, ни его родичей, всех вместе взятых, не побоялся. Царевич Босфорский – человек побольше какого-нибудь Амелунга; он, может быть, и уломал бы старого Нордериха, а Балту отправил бы за моря да за горы с кем-нибудь воевать. А теперь для Котыся что я, что Балта – одно и то же. Он будет нас мирить. А как нас помирить, когда обоим нам на свете тесно стало вместе жить!

– Добро! – произнес Драгомир. – Не можешь сегодня о мудрости речам внимать, постараемся поднять завесу буду-

щего и узнать, что предстоит тебе и твоему сопернику. Костер у меня готов. Травы собраны. Зажжем и будем смотреть. Но прежде воспари духом к Тому, кто сама истина, чтобы лживые духи не осмелились тебя ввести в заблуждение неверными предсказаниями.

К костру в чаще леса позади избы были поднесены факелы, и он запылал. Тогда Драгомир принес сушеных трав и начал их бросать в яркое пламя, которое начало переходить в красный, синий и зеленый цвета, между тем как высокий столб темного дыма с удушливым запахом поднимался над костром. Заклинаний, обычных у кудесников, гадающих для посетителей, старик не произносил, но глаза его, пристально вперенные в пламя и дым, неестественно блестели, и все лицо преобразилось, полное чудного вдохновения. Жадными очами, с сосредоточенным вниманием, следил за каждым движением его и юный воин.

– Кружится дым, вздымается пламя! – говорил волхв. – Много, сын мой, предстоит тебе опасностей. Грозен твой враг. Но для тебя он не опасен. Твое пламя и через дым и кроваво-красные отблески лучезарным столбом поднимается к небу. Возлюбленная твоя будет твоей, и от вас произойдет могучее племя царей земных, господствующих над многими странами и грозных для самых отдаленных народов. Еще многое я вижу, но ныне тебе не скажу. Все тебе предсказывает славу великую. Но больше мне дух не велит сказать. Могу тебе сказать одно: перед тобой путь славный и ве-

ликий.

– Но мне ни славы, ни величия без Фригг не надо! – воскликнул Вадим.

– Она всю твою славу разделит и во многих народах на веки будет славиться женой между женами. Чего тебе больше?

– А Балта? – спросил Вадим. – Я ведь его и ненавижу, и люблю. Он славный товарищ по оружию, но он мне теперь поперек дороги. А потому или я его, или он меня убьет.

– Никто никого не убьет! Оба жить долго будете! – твердо провозгласил старый волхв.

– Этого быть не может. Это тебе лживые духи нашептали! – воскликнул юный витязь.

– Он лежит раненый, – сообщил ему старец, – и только в лихорадочном бреде сражается и, конечно, с тобой. Но для тебя это не опасно.

– Раненый! – удивился молодой воин. – Он из боя вышел невредим.

– Это значит, у него еще битва была.

– Где и как?

– Этого я не знаю. Но сразиться с ним тебе придется не скоро еще. Знай во всяком случае, что ни один из вас не падет от руки другого.

– Что же будет с ним в случае моего торжества, которое ты мне обещаешь? – спросил Вадим.

– Это, надеюсь, могу тебе сказать, – объявил Драгомир. –

У меня есть брэклинд⁵, который он у меня оставил с месяц тому назад. Подсыпь еще в огонь священных трав, а я брошу туда обрезок ремня. Сейчас схожу за ним. Заодно посмотрю, и что у очага делается. Там у меня кефаль варится с маслами и ликийскими яблоками⁶. Две скумбрии сейчас в кипящее масло брошу. Вина я сам не пью, но для гостей у меня амфора синопского есть. Пока мы здесь помолимся Ему, и от Его светлых духов правду узнаем, изготовится и пища для наших бранных тел. Подожди меня, а пока молись и ни на кого злобы не имей. Иначе ничего не узнаешь.

– Это невозможно! – воскликнул юноша. – Как злобы не иметь против врага!

– С врагом честным – честно можешь сражаться в открытом бою! – внушительно сказал Драгомир. – Ты не ангел, а человек. Бейся лицом к лицу, когда надо!

– Иначе я никогда и не поступлю! – сказал Вадим. – В этом, отче, можешь быть уверен. Из-за угла я никогда врага не буду бить.

Волхв ушел в свою избушку и довольно долго там суетился около очага. Наконец он вышел с коротким обрезком узкого кожаного ремня.

– Пусть Творец Всевышний, Тот, который был, есть и будет. Которого боги всех народов и все ангелы неба, земли и

⁵ Брэклинд (brokclindi или brokdelti) у готов и скандинавов ремень у пояса, поддерживающий штаны, вместо подтяжек.

⁶ Solanum lycopersicum – помидоры.

ада только послушные рабы, пусть Он, Величайший из великих, позволит нам, рабам Его рабов, спросить ангелов правды и от них узнать истину!

Такова была речь старого волхва, произнесенная с дрожью в голосе, коленапреклоненно, с глазами, поднятыми к сверкающим звездам синего южного неба. Огонь запылал вновь, и высокие разноцветные языки пламени поднялись вверх к облакам.

– Смотри, сын мой, – заговорил Драгомир. – Видишь, сильнее пламя Амелунгов продолжает ярко гореть. Но рядом с ним поднимается и другое, красноватого оттенка. Это пламя Балты и его рода. Оба высоко поднимаются к небесам, но ни разу нигде не сливаются. Балту и его потомкам не суждено сродниться с Амелунгами. С Фригг он больше никогда не увидится. Но в будущем ему честь и слава великая. Видишь в небесах отблеск и синего, и красного пламени? От Амала и от Балты произойдут великие и славные царства.

– Балта будет царем? – удивился Вадим.

– Этого я не говорю, – возразил кудесник. – Могут быть царями его отдаленные потомки. Но светоч его горит наравне с огнем Амалов, детей готского, царского рода. И в будущем огни их ярче и светлее, чем ныне огни князей, степных племен, на которые распалось старое готское царство. Готы – народ не погибающий, а нарождающийся. Много о них скажут будущие летописцы. Многие сильные державы будут дрожать перед ними, платить им дань и покоряться им. В об-

ломках, пожираемых их пламенем, я вижу даже римские знамена. Вечный Рим, если лживый дух не явился, чтобы ввести нас в обман, вечный Рим преклонит колена и перед Амалом, и перед Балтой, и много веков сильно и могущественно будет их семя. Но огонь Амала погаснет раньше пламени Балты. И оно померкнет, но в такие отдаленные века, о которых мы себе и понятия не составляем⁷.

– Чудно твое предсказание, – удивился витязь. – Но неужели и я с Балтой больше не встречу?

– Встретитесь еще, и будет у вас бой...

– Это нечего и говорить! Я его убью, и все твое пророчество...

– Сбудется, потому что ни ты его не убьешь, ни он тебя. А теперь воздадим хвалу Владыке неба и земли и пойдем вечерять. И похлебка, и рыба поспели. Завтра, если едешь в город, я тебе сопутствую.

Старец и юноша вошли в избу и сели у очага. За ужином Вадим жадно слушал речи своего учителя. Драгомир говорил ему о мощи человеческого духа, ищущего пути истины, верующего Единому Всевышнему и молящего Его о ниспослании ангелов правды, проясняющих ум. Говорил он и о чудесном творении вселенной, о скрытых силах, управляющих

⁷ Ост-Готское царство Амелунгов пало в 553 году. Вест-Готское Бальдунгенов потеряло Южную Галлию еще раньше (531 г.), но в Испании продержалось до 711 года. Из Астурии арабам никогда не удалось их изгнать. В Испании и Южной Франции многие знатные дворянские роды и ныне считаются потомками вестготских королей Испании.

всем, и о доступности их для человека, освещенного светочем мудрости и оживленного непоколебимой верой.

Поздно они улеглись на положенных на сенные подстилки волчьих шкурах. Уже солнце довольно высоко поднялось над степью, когда они встали, и выпив по кубку коровьего молока да съев по лепешке ячменного хлеба, отправились в путь.

НАСИЛЬНО МИЛ НЕ БУДЕШЬ

От поля битвы до городка амалов, управляемого старым Нордерихом, было около ста восьмидесяти стадий. Это было самое южное из Тана-Эльфских готских поселений. Но Балта гнал своего ретивого коня во весь опор, и менее чем через полтора часа перед ним открылся земляной вал с частоколом, из-за которого поднимались высокие, на четыре ската соломенные крыши мазаных домов готских воинов. Городок Амала, подобно всем прочим городкам готов и сарматов, отличался от хуторов южной России только высоким земляным валом, окруженным глубоким рвом и частоколом из заостренных бревен. К валу всегда примыкала сторожевая насыпь в виде высокого холма, заваленного хворостом. В степи находилось множество отдельных таких же холмов, всегда занятых выезжавшими на ночную стражу всадниками. Стоило на одном из холмов заметить надвигавшуюся издали опасность, чтобы все костры мгновенно запылали. Жители всех городков, хуторов и отдельных хозяйств поднимались на но-

ги, сбегались около городков и были готовы встретить степных разбойников – корманов, хозар, хонг-ниу⁸ и других.

Внутри укрепленного городка были обычные домишки. Посредине мазанка с соломенной крышей служила жилищем для князя или владельца городка.

За домами тянулся ряд скотных дворов, конюшен и амбаров. Свободные землепашцы и скотоводы, керлы, жили в степи, каждая семья своим отдельным хозяйством, и прибежали в городок, когда на сторожевой насыпи ночью загорался костер или когда днем над ней развивался стяг их главаря – владельца городка. Между хозяйствами керлей бывало часто расстояние в пятьдесят стадий и больше.

Но Балту не пришлось въехать в городок Нордериха. Поравнявшись с дубовой рощей, стадиях в двадцати от городка, он увидел на реке у берега ладью, в которой сидели две девушки.

– Герта! Фредегунда! – окликнул он их.

– Здравствуй, благородный Балта, – отвечали они ему. – Благородная Фригг в роще гуляет, а вождь Нордерих еще не вернулся из погони за команами. Назад он этим леском пройдет, и княжна его встретить хочет.

Молодой воин углубился в рощу. Он услышал веселый смех, и перед глазами его мелькнули два платья – голубое и желтое, но он проскакал мимо, незамеченный девушками. Дальше, среди ярко освещенной заходящим солнцем зеле-

⁸ Передовые отряды гуннов, уже появившиеся в Европе.

ни он увидел светло-розовое пятно, цвета вечерних облаков. Оно то скрывалось в кустах, то появлялось из-за них. Женский голос напевал песню о любящей деве, ожидающей возвращения витязя с кровавого боя и тоскующей день и ночь в его отсутствие.

Сердце Балты забилося и он направил своего коня через густой кустарник, прямо к певице.

Это была высокого роста, с пышной грудью молодая девушка, белая и румяная. Голубые глаза ее, цвета незабудки, смеялись доброй улыбкой, противоречащей грустному напеву ее песни. Полуоткрытый рот с пухлыми губами обнаруживал ряд ровных, белых зубов. Длинные и толстые косы ее, цвета пшеничной соломы, спускались за спину, ниже колен, и были заткнуты за пояс, чтобы не путались в кустах. Платье ее плотно охватывало тело от шеи до бедер, обрисовывая изящные формы ее стана. Полудлинные рукава оставляли открытыми белые, полные руки красавицы с ямками на локтях. Под розовый цвет платья, на голове девушки был венок из цветов дикого шиповника. На поясе висела сумка черной кожи и кинжал в серебряных узорчатых ножнах. За спиной был легкий колчан с оперенными стрелами, а в руке она держала маленький лук. Она приветливо улыбалась подъехавшему воину.

– Добро пожаловать, Балта, – сказала она. – Отец еще не возвращался. Мы его ждем здесь на перепутье.

– Знаю, – отвечал воин спешиваясь. – Мне твои девы ска-

зали. Я с тобой первой и с уважаемым Нордерихом хотел поделиться радостью славной победы.

– О победе я уже знаю, – возразила девушка.

– Удалось мне не только положить множество врагов! – похвалился Балта. – Я царевича Котыся Босфорского спас, и он мне обещал вечную дружбу. Вот меч – его подарок.

– Радуюсь за тебя! – произнесла добродушно девушка.

– Радуетесь? И только? – воскликнул воин. – Да понимаешь ли, что теперь, по просьбе царя Савромата, князь Дидерих пошлет меня на новые, славные дела. Я скоро не просто благородным воином готским буду, а вождем великой силы.

– От души тебе желаю, – произнесла княжна.

– Холодно ты все это говоришь! – разочарованно сказал молодой витязь.

– Я всегда радуюсь подвигам славных воинов, – отвечала девушка. – Но к чему мне горячиться?

– К чему! – воскликнул Балта. – Как к чему? Подвигами я сделаюсь равным благородным Амелунгам. Нордерих тогда не откажет мне в твоей руке.

– Отец мой прежде всего спросит у меня, люблю ли я тебя! – твердо отвечала Фригг.

– И ты скажешь?..

– Я скажу, что я в тебе вижу славного бойца, честного воина, приятного спутника для катанья по руке и гулянья в рощах. Но не ты избранник моего сердца.

– Проклятие! – не своим голосом закричал Балта. – Я

знаю, кто твой избранник.

– Я тебе его не называла, а потому молчи! – внушительно остановила его девушка.

– Молчать не буду! – продолжал запальчиво воин. – Полюбился тебе бродяга, славянская кукушка, забравшаяся в готское гнездо. Он певец, он и любовные стихи, и былины о древних богатырях слагает. Вот чем он тебе полюбился. Но я его убью!

– И полагаешь, что я тебя полюблю за твое злодеяние? – спросила Фригг.

– Он нечистая тварь, он со злыми духами знает. Брат его матери чародей, кудесник, прорицатель. Они тебя заколдовали. Но я не боюсь ни колдунов, ни ведьм. Не боюсь ни твоего певца, ни твоего отца. Биться со всеми буду, кто мне поперек дороги станет.

– Но если я не хочу идти по твоей дороге?

– Тогда я тебя убью! – вырвалось у обезумевшего влюбленного. – Нет! Неправда! Тебя я не убью! Если, от чего да хранят тебя боги, ты умрешь, то убью я себя немедленно. Но если ты не отвечаешь мне любовью за любовь, я тебя изуродую, вырву один глаз, обрублю уши, рассеку щеки самыми затайливыми узорами. Ты будешь безобразна, и от тебя все поклонники отвернутся. И первый из них твой стихослагатель, злой колдун сарматский. Но я тебя буду любить больше, чем когда-нибудь.

– Зато как я тебя возненавижу! – воскликнула негоду-

щая девушка.

Балта окончательно обезумел и бросился на Фригг.

– Волей-неволей ты моя! Я тебя увожу!

Но не успел он ее обхватить за стан, как у нее в руке блеснул кинжал, направленный ему прямо в сердце. Он уклонился, не выпуская ее из рук. Острие кинжала ударило его в плечо, глубоко вонзилось в мышцы и проехало вниз, скользя по кости до локтя. Кровь ключом забила из зияющей раны. Витязь левой рукой схватил руку девушку выше кисти, а раненой правой пытался вырвать у нее кинжал. Она стала защищаться левой рукой. Не помня себя, девушка хватала обеими руками за лезвие кинжала, рассекая себе пальцы и ладони. Одежда обоих борющихся была залита кровью. Наконец, несмотря на тяжелую рану правой руки и значительную потерю крови, смертельно бледный Балта одолел свою противницу. Кинжал остался в его руке.

– Бешеная! – воскликнул он. – Ты меня искалечить хотела!

– Нет! – твердо ответила Фригг. – Я хотела тебя убить!

– Я мог бы обнажить против тебя меч, – сказал воин. – Я не хотел. Раны, которые ты получила, ты сама себе нанесла. Но теперь я нанесу тебе несколько ран, не опасных для жизни, но которые заставят тебя обо мне помнить.

И левой рукой, одним взмахом он ударил ее острием кинжала по правой щеке. Но в это время зажужжали две короткие стрелы. Одна ударила Балта в спину и скользнув по до-

спехам, упала на землю. Другая вонзилась ему в бедро. Спутницы Фригг бежали к ней на помощь. Ослабев от потери крови, Балта упал на землю и потерял сознание.

Когда он пришел в себя, никого вокруг него не было и стояла глубокая ночь. Раны его были перевязаны и стянутое тонкими шнурками плечо не давало более исхода крови. Конь его стоял привязанный к дереву. Несчастный дикарь начал припоминать все сотворенное им вечером.

– Безумец я и больше ничего! – проговорил он. – Крови-то, крови сколько! И моя, и бедной Фригг кровь. А она моей смерти все же не пожелала. Раны перевязать велела. Мне теперь и в полях около Нордерихова дома не то что останавливаться, но и показываться опасно. Надо скакать лесом в обратную сторону, подальше от готских поселений. Поскачу на восток к северу. Там двory сарматских кметов есть. Отдохну у них. Они меня не знают. А там продолжу путь от дома родительского. Хорош я, нечего сказать. В жестоком бою с команами невредим остался, а три девки одолели.

С ужасной жгучей болью в руке, хромя на раненую ногу, Балта добрался до коня, сел на него и поехал по направлению к жилищам сарматских кметов, у которых он мог отдохнуть до начала выздоровления и, главное, скрыться от гнева Нордериха, который, узнав об оскорблении и ранении дочери, конечно, его не помилует.

ГОРОД ТАНАИС

Едва выбравшись из рощи, Драгомир и Вадим стали встречать, один за другим, отряды ратников, возвращавшихся с поля битвы в город Танаис, в котором царевичи назначили общий сбор. Греки, босфорцы и евреи были большей частью в медных латах, в шлемах с гребнем из стоячего конского волоса, с конским хвостом, падающим на спину. Вооружены они были длинными копьями и короткими мечами. Между евреями заметны были несколько знатных воинов, облеченных в доспехи старого образца, давно было забытого во времена Маккавеев и сирийских царей, но ныне опять вводимого из любви к родной старине. Шлемы у одних были остроконечные ассирийские, увенчанные пучками перьев, и других с плоским верхом, расширяющиеся вверх и нарезанные желобами по всей окружности. Щиты продолговатые, обтянутые кожей и обшитые чешуей из медных блях. Мечи длинные, у иных кривые, у многих серповидные египетские топоры «кхоп».

Сарматы, преимущественно босфорского войска, были вооружены по-гречески, но резко от них отличались. Многие, собранные из степных кметов, и конница, присланная с верховьев реки Дона «господином» Перестеном, под начальством подручных ему царей Пржебора и Буреслава и князей Мутьяна и Кречета. Доспехи на них были чаще всего чешуйчатые роговые или из конских копыт. Мечи длинные, кривые, на ремне через плечо. Копья короткие, метательные. У всех были огромные луки и колчаны, наполненные длиннейшими стрелами. Щитов, за исключением нескольких начальников, почти ни у кого из сарматов не было. Народ был все рослый, крепко сложенный, белокурый, хотя темнее готов. Большие голубые или серые глаза метали грозный взор, громко и бойко лилась их звучная речь.

Римский отряд был немногочислен. Они здесь должны были представлять собой лишь верных союзников босфорского царя, даже с оттенком почетных телохранителей. Они были все в своих характерных доспехах. Вооружение составляли копья, топоры, секиры и молоты.

Белокурые, голубоглазые готы, народ не менее крупный, чем славяне, еще более отличались от греческих и римских войск. Шлемы их были украшены рогами и крыльями. Для нападения им служила «фрамея» – не слишком длинное копье с узким и коротким острием. У правого бока висел прямой или серповидный нож. Многие были вооружены молотами, топорами, секирами и палицами. Целые отряды несли

огромные луки и колчаны, наполненные длинными оперенными стрелами.

За войсками ехали колесницы. На одних стояли или сидели военачальники. На других, больших размеров, сидели и лежали раненые. Многих раненых несли на носилках, и люди, несшие их, часто отдыхали. Здоровые же воины весело смеялись и разговаривали. Многие пели песни. По временам во главе некоторых отрядов проходили музыканты, греческие или римские, играя каждое свое. Шум стоял в воздухе невообразимый. Пролетающая через степь дорога была так же оживлена, как лучшая римская и афинская улицы в праздничный день.

Путники вошли в городские ворота. Танаис был одним из больших городов Босфорского царства. Это было складочное место товаров всех сармато-скифских земель и Малой Азии. Стоял он на правом берегу реки, против места нахождения нынешнего Азова. Пристани были расположены вдоль обоих главных рукавов реки Дона, из коих северный разделяется на три, а южный – на два выхода. Все пять были судоходны и частой расчисткой предохранялись от обмеления. Поэтому от города до устьев все рукава были всегда полны движущихся вверх и вниз по реке или ожидающих на якоре времени удобной разгрузки судов. Город был обнесен каменной стеной с многочисленными башнями. Глубокие рвы соединяли оба рукава реки и препятствовали неожиданному нападению на город.

Улицы были узкие, как во всех городах греческой постройки, но мостовые выложили из широкого, обтесанного по одной поверхности камня.

Дома, почти исключительно одноярусные, были каменные, кирпичные и мазанные из глины и соломы. Большая часть имели плоские крыши. Но многие сарматы делали крыши на четыре ската и крыли их соломой или черепицей, часто разноцветной. Окна всех домов выходили на двор или в сад, находящийся позади каждого дома. Все же стены, обращенные к улице, за редким исключением, были заняты лавками всяких товаров, содержимых купцами всех возможных народностей.

Главная площадь, или Агора, была собранием прекрасных мраморных храмов Зевса Громовержца, Феба, Артемиды и Посейдона, владыки морей. В священном лесу, на горе выше города, славяне-угличичи имели капище Перуна, которому в военное время приносили в жертву часть своих военнопленных. На левом берегу был священный лес сарматов, приносивших туда по определенным дням заветный меч, изображавший бога войны, которому они приносили в жертву коней.

В этот день на Агоре собирался весь народ города и окрестностей, без различия племени и вероисповедания, для присутствия при благодарственном молении по случаю спасения царства от опасности. Как площадь, так и улицы, ведущие к северным городским воротам, были наполнены

горожанами, вышедшими приветствовать победителей. Толкались рядом греки в хламидах и хитонах, римляне в тогах и сарматы в широких штанах от бедра до щиколотки, с телом от шеи до пояса прикрытым только длинным плащом без рукавов, сколотым на плече брошью. Рубашки, довольно длинные, до колена, были у немногих, более богатых; у большинства под плащом было голое тело. Женщины их, полные, белые и румяные, отличались длинной и широкой одеждой с длинными рукавами, у локтя перевязанными лентой или перехваченными обручем. Головы у всех, замужних, девиц, даже девочек, повязаны были пестрыми, ярких цветов платками. Тут же встречались готы в узких рубашках и длинных штанах, с густыми длинными распущенными волосами и их жены. Персы, в длинных широких одеждах; понтийцы с остроконечными мешкообразными, загнутыми то вперед, то на бок шапками; евреи в ярких нарамниках, с голубыми, шерстяными кистями по углам, — все это вместе представляло донельзя пеструю толпу. Все волновались, толкались, кричали каждый на своем языке.

Наконец показался передовой отряд конных сарматов. Полевые значки их представляли длинные шесты с змеиной головкой, от которой шло, извиваясь, кожаное, набитое паклей тело змеи. За ними шли музыканты. Далее, отряд за отрядом, с разнообразными значками впереди, следовали все разноплеменные царские и союзные войска. В середине их, в колесницах, запряженных четверками резвых красивых ко-

ней, въехали царевици и главные военачальники. Крики восторга оглашали улицы и площадь. «Да здравствует царь Савромат! Да здравствуют царевици Ржешкупор и Котысь!» – слышалось повсюду.

Жертвоприношение и торжественная молитва были совершены при громадном стечении народа. Не присутствовали на нем только одни евреи, удалившиеся в дом своего старейшины Елеазара бень-Охозии, которого у дверей уже ждали учителя еврейские и почетнейшие из граждан для совместного моления и благодарения Всевышнему.

После совершения всех обрядов в храмах, царевици вышли на площадь и благодарили всех воинов, участвовавших в бою, и помянули особо всех наиболее отличившихся.

– Здесь ли витязи, спасшие меня и мой отряд? – спросил князь Котысь. – Одного я вчера благодарил, но сегодня желаю видеть и всенародно воздать хвалу его доблести. Другого же, к великому моему огорчению, вчера не сумели отыскать в стане после битвы.

– Он здесь, благородный князь, – отвечал Фредлав Сигге, подводя к царевицу молодого Вадима.

– Благодарю тебя, храбрый воин, – сказал царевиц. – Прими от меня награду, этот меч, украшенный золотом. Ты достоин его носить как один из смелейших между нашими храбрецами. Но где другой молодец?

Кунигунд отвечал:

– Балта, вопреки приказанию моему, не явился в мой от-

ряд. Знаю его я как исправного воина, а потому опасаясь – не случилось ли с ним какой беды.

– Но в погоню он послан не был? – спросил царевич.

– Не был. Но он мог сам ей увлечься или ночью попасть в засаду. Он молод и горяч, и это-то меня и тревожит.

– Жалею, что не могу видеть его еще раз, – произнес Котысь, – но ты, почтенный Кунигунд, передай ему еще раз мою благодарность.

Вечером царевичи с пантикапейцами отправились в путь, а отряды были распущены и стали выступать из города. Вадиму только это и нужно было. Сев опять на коня, он помчался к городку Нордериха.

ТАЙНА ФРИГГ

Стариков Нордериха и Аласвину молодой витязь застал грустными и встревоженными.

– Погоня за хищниками была славная, – сказал ему готский вождь. – Много команов мы положили в степи и остановили на съедение волкам и воронам. Но дома посетил нас гнев богов. Дочь хотела меня встретить, взяла с собой четырех дев и на ладье спустилась по реке до дубового леска. Там на них напали беглецы-разбойники. Скрываясь от преследования мужей, они не постыдились напасть на девушек. Но наши, сами знаешь, не таковы, чтобы без боя сдаться. Выпустили несколько стрел и вступили в рукопашную. Разбойники бежали, и ни одного не удалось поймать и на кол посадить перед воротами городка. Но бедная моя храбрая девочка вернулась домой вся израненная.

– Ее жизнь в опасности? – воскликнул Вадим.

– К счастью, нет! – сообщила Аласвинта. – Теперь она сидит в саду. Пройди к ней. Она будет рада тебя видеть. Очень

она скучает, что работать не может. Обе руки поранены.

Фригг сидела в саду на скамейке. Раны на щеке и руках были перевязаны полотном, и более глубоко порезанная правая рука была на перевязи. Простое голубое платье сидело на ней ловко и изящно. На шее было ожерелье из золотых пластинок. В левое ухо вдет серьга с блестящим яхонтом.

Скучая от бездействия, она вполголоса напевала грустную песенку.

– Здравствуй, витязь, – приветствовала она гостя. – Хорошую меня видишь?

– Рана – прибыль твоя; то прямая украса мужам, говорят готы, – сказал с улыбкой воин. – Но и дева, славно сражавшаяся с разбойниками, уподобляется самому доблестному из мужей. Ты же мне всегда мила, и какие бы следы ни оставили на твоём прекрасном лице и на твоих милых руках полученные раны – я их буду целовать. От какой-нибудь царапины не уменьшится краса твоя, но и то знай, не одну твою красу люблю я, а всю тебя, какая ты есть.

– Знаю, – горячо воскликнула девушка. – Знаю, милый, дорогой. И я тебя люблю. Если отец не отдаст меня тебе волей, я сбегу от него. Но подожди. Я еще надеюсь укротить его гордость. Теперь у меня красоты убудет, и поклонники знатных родов реже станут заезжать на наш двор. Старый Горанд меня лечит, прикладывая травы, размоченные в масле и вине, и говорит, что кроме рубца на ладони правой руки, нигде никаких следов не останется, но это меня не заботит,

если даже обезображение меня может сблизить с тобой. Я же тебе поведаю мою тайну.

– Какую?

– Отец и мать не знают истины. Раны я получила ради тебя.

– Ради меня! От команских бродяг!

– Команов здесь не было. Злодей, вернее безумец, был гот.

– Балта! – воскликнул с ужасом Вадим.

– Он.

– За что же щадишь его? Если твой отец команов хотел на кол сажать, то с него он бы с живого кожу снять приказал и погрузил бы его в соль по самое горло.

– А его род, – спросила девушка, – не стал бы мстить за него? Все племя Дидериха поднялось бы против нас. Другие приняли бы кто их, кто нашу сторону, и опять пошли бы междоусобия, которых, хвала богам, давно не было. Об этом подумал ли ты? Но и я с моими девушками его не пощадили. Он остался в лесу израненный, хотя вчера его там не нашли. Он уже бежал или нашел помощь и был вынесен из лесу.

– Ты бы ему хоть голову отрубила, – горячился молодой воин, – и принесла бы отцу. Теперь он, если не умрет от ран, поднимет всех своих на мщение.

– Я его знаю, этого он не сделает! – убежденно сказала Фригг. – Новые попытки похищения еще могут быть, но он их будет предпринимать или один, или с наименьшим числом сообщников.

– Я его убью! – воскликнул Вадим.

– Бейся с ним, если хочешь, – одобрила девушка. – Да даруют боги тебе победу. Но пусть единоборство ваше не будет поводом к кровопролитию между братскими племенами. Время ли сеять раздоры среди князей, и должна ли смута возникать из-за того, что два воина полюбили одну деву? О поступке его со мной никто не должен знать, и ты клянись мне хранить мою тайну.

– Клянусь! – произнес нехотя Вадим. – Твое слово для меня закон.

Молодых людей позвали к столу. Обед был готов. Дымилась вкусная похлебка, на блюдах лежали осетр, дикая коза, окорок кабана. Турьи рога заполнялись то медом, то вином. Вадим сидел около Фригг. Рассказывал ей подробности боя и проводов царевичей и старые былины о тех временах, когда еще готы жили далеко за морем Хвальынским, о славных победах царя Амала, о переселении в степи сиеские, о разделении племен на многие княжества. Не забывал он и сказания старых сарматов, воинов Архэанакса и левконидов, а так же и сподвижников Митридата Понтийского и его наследников. Звучен был стих старинной былины, образна Вадимова речь. Не только дева, но и старики слушали его жадно. Старая Аласвинта, слушая его и любуясь его красотой, думала про себя: «Как жаль, что этот славный юноша не княжеского рода! Лучшего бы мужа нашей Фригг и не надо!»

Но она сознавала, что быть этого никогда не может. Что-

бы властвовать над самым незначительным племенем, надо было быть потомком Амала, а чтобы породниться с Амелунгами, надо было принадлежать к одной из семей первых сподвижников древнего готского царя. Но Фригг сказала Вадиму: «надейся и жди», и он ей верил, а потому на сопротивление гордых готов, родителей красавицы, вовсе не предполагал обращать внимания, готовясь встретиться с любой опасностью. Он распрощался с ней и с ее родителями и отправился вдогонку за воинами своего племени. В одном только он поклялся себе: найти Балту и убить его во что бы то ни стало.

БОГИ НАРОДОВ

Не скоро удалось Вадиму встретиться со своим недругом. Жизнь во всех готских городках проходила почти одинаково. То отражались набеги степных хищников, то делались на них облавы, и они загонялись подальше вглубь широкой степи. Остальное время проводилось на охоте и в пирах.

Молодой Вадим скучал на хуторе Фредлава. Ни набеги, ни охота его не утешали. Его тянуло к устьям Тана, к городку Нордериха, к священной роще Драгомира. Протерпев несколько месяцев, он объявил родителям, что едет в Тану, снарядил ладью, набрал гребцов и по Осколу и Донцу спустился в реку Дон.

К радости своей, он нашел свою возлюбленную Фриг совершенно здоровой. На руках девушки остались самые незначительные следы, а на лице не осталось ни малейшего рубца. Радостно забились сердца молодых людей при свидании. Много переговорили они наедине в тенистом саду. Опять она ему сказала: «Терпи, надейся и жди». Старики

приняли гостя, как всегда, радушно и угостили на славу. Но он знал, что с ними объясняться не время. Прогостив день, он отправился в рощу к старому волхву.

Велико было удивление молодого воина найти перед жилищем своего дяди несколько лошадей и отдыхающих вокруг небольшого костра конюхов. У старого отшельника были гости. Он хотел остаться на дворе вместе с конюхами, но дядя, увидев его, крикнул в окно:

– Войди, сын мой. Для тебя тайн у меня нет, а здесь люди тебя знающие.

Вадим еще больше удивился, найдя гостями Драгомира танаисских военачальников Агафодора и Сульпиция, и с ними сарматского князя Мутьяна, приведшего их к славянскому волхву. Они сидели на волчьих шкурах, на полу, вокруг низкого стола, уставленного яствами, рыбой, овощами и медом, и пили из турьих рогов вино, разливаемое из амфоры, которую Драгомир держал исключительно для гостей, так как сам не пил.

– Садись с нами, неустрашимый витязь, – сказал Агафодор. – Мы здесь поучаемся у твоего учителя и родственника. Он великий мудрец, но мало тайн нам открывает.

– Многое мы уже знали от наших философов, – прибавил Сульпиций, – но признаюсь, я им, мало верю. Почтенный же Драгомир нам открыл из прошлого каждого, из сокровенных даже мыслей и уважаемого Агафодора, и моих, такие тайны, что мы поражены, удивлены, но не знаем, как объяснить та-

кое нечеловеческого знание.

– Почтеннейший Люций Валерий, – сказал ему Драгомир глубоко поклонившись, – я человек, и мое знание только человеческое. Объяснить тебе то, что ты желаешь, я не хочу. Чтобы понять ответы на твои вопросы, надо пройти великий искус и многому учиться. И тело, и душу надо подготовить за долгие годы к уразумению истин. Поэтому они недоступны непосвященным. Но что тебе сейчас доступно – это изучение эллинских и римских философов. Когда их хорошо узнаешь, не так непонятна будет тебе и наша наука.

Сульпиций громко расхохотался.

– Надо им отдать справедливость, они умеют очень красноречиво рассуждать о том, что было, когда ничего не было. Но дать нам объяснения относительно тайн нашего бытия, относительно того, кто руководит нашей судьбой, относительно того, что такое жизнь и смерть – на это у них ответов нет.

– Ты слишком разочарован, – вступился Агафодор. – Софрат, Платон и даже Зенон дали многие ответы.

– Пусть они сами покажут нам, как жить добродетельно. Мы на половину будем готовы поверить их учению.

– Были многие философы, люди высокой добродетели! – возразил Агафодор.

– Может быть, были, – согласился Сульпиций. – Но теперь их не видим. Сенека поощрял все злодеяния Нерона, до матереубийства включительно.

– Проповедывают они все разное. Учение одного опровергает учение другого.

– Ты сам мысли и молись! – сказал Драгомир.

– Молиться! Но кому?

– Неужели ты никогда не чувствовал, что есть Дух Правды, бесконечно выше стоящий, чем все боги Олимпа?

– Его я не знаю! – мрачно произнес римлянин.

– А ты? – обратился волхв к греку.

– Я полагаю, что Сократ и Платон Его понимали, но мне Он мало доступен! – сознался Агафодор. – Все-таки я верю, что Он есть.

– Но Зевсу вы оба приносите жертвы.

– Я зову божество Зевсом потому, что не знаю, какое имя ему дать.

– Не в имени дело! – сказал Драгомир. – Стремится ли твоя душа к неведомому, к высокому, к небу?

Агафодор отвечал:

– Таково было учение наших великих наставников: Сократа, Платона, Ксенофонта, Плутарха, – мудрейших людей Греции. Стремление к пониманию необъятного есть обязанность всякого мыслящего человека, но житейские заботы мало тому оставляют досуга.

– Я учение это читал, – сказал Сульпиций. – Но оно меня мало убедило. Мои сыновья, Люций Антоний и Люций Клавдий, им и ныне зачитываются. Я же не ломаю себе голову над непонятным. Вчера меня не было, завтра меня не бу-

дет. Мой долг самому жить и не вредить тому, кто мне жить не мешает. Богам я жертвы приношу потому, что они боги Рима и что жертвоприношения – такая же государственная повинность, как военная служба.

– Ты, значит, считаешь свое существование на земле случайным? – спросил его волхв.

– Почти что так! – не смущаясь отвечал римлянин. – Образовалась земля, на ней всякие твари, а в числе тварей очутился однажды и Люций Валерий из благородного дома Сульпициев.

– Да природу-то кто создал? – допрашивал его волхв. – Раз ты думаешь, что вчера тебя не было, а завтра тебя не будет, можешь ли ты удивляться, что духи не приближаются к тебе и не открывают тебе своей воли?

– А ты веришь прямому общению с духами? – спросил римлянин.

– Верю, потому что чувствую их, – убежденно сказал Драгомир. – Много раз я имел доказательства их силы. Но приходят они на зов не всякого.

– Это и я могу подтвердить, – вмешался до сих пор молчавший и внимательно слушавший князь Мутьян. – Я не раз воочию видел могущество наших волхвов и не раз убеждался в справедливости их предсказаний.

– Но ты преклоняешь колена перед мечем, воткнутом в землю? – спросил его Агафодор.

– Кланяюсь я не железу, из которого сделан меч, и не зо-

лоту его рукояти. Поклонение и молитва относятся к Тому, кто направляет руку с мечем и дает ей победу.

– А прямое общение с высшими духами разве возможно? – спросил Агафодор.

– Возможно! Но для посвященных! – отвечал Драгомир. – Для этого нужна чистота духа и тела, воздержание в пище и питье, надо много молиться, много мыслить и изучать природу всех вещей и телесную, и духовную. На это надо много лет учения и труда. Это наука великая; у непосвященного в тайны нашего учения разум помрачится, и он жалкой смертью умрет.

– Это говорят и египетские жрецы, и персидские волхвы! – объявил Сульпиций.

Гости простились со старым славянским мудрецом и уехали в город. Вадим, жадно слушавший, но молчавший все время, остался ночевать у Драгомира.

Прежде, чем лечь, он сказал своему дяде:

– Однако, гибнет вера у греков и римлян.

– Ты этого разве не знал? – удивился Драгомир. – Кроме простого народа, никто из них не верит в олимпийцев. Евреи, сарматы, готы твердо держатся своих верований, но эти владыки мира, какими они себя считают, не веруют ни во что. Люди, как Агафодор, свято почитающий учение древних мудрецов, между нами редки.

– Мнится мне, – сказал молодой воин, – не пора ли проповедовать народам новую веру.

– Какую? – спросил старик. – Истину? Да разве народ способен познать истину?

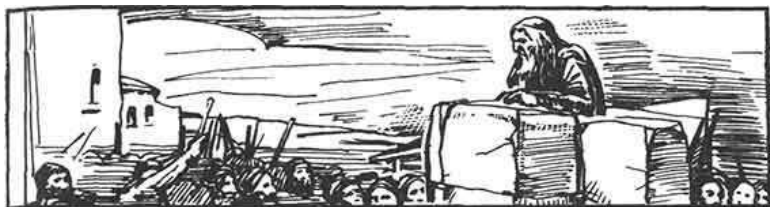
– А евреи? – заметил Вадим.

– Евреи! – возразил волхв. – Их учение во многом сходно с учением мудрецов. Но разве и у них народ его не искажил? Сколько у них разных толков? Есть между нами и тайно поклоняющиеся тельцу из золоченой меди, есть и поклонники Молоха, финикийского бога, требующего человеческих жертвоприношение, как Перун у тиверцев и угличей.

– Я бы стал проповедовать веру, доступную народу! – объявил витязь.

– Когда ты был у меня после битвы с команамы, я видел в твоём будущем нечто, чего я тогда тебе не сказал. Это было именно то, что твой путь опасен. Будут дикие варварские народы, которые пожелают тебя обоготворить и возвести в свои Зевсы. Ты их образумь и воздержи от этого стремления. Зачем слыть богом, когда суждено быть великим человеком? Встретишь народы совершенно дикие – учи их поклоняться силам природы, они священны и управляют духами благими. Учи их любить добро и бороться против зла, не поклоняться ему. Учи чтить предков. А теперь ложись. Спи спокойно и да осенят духи правды твой сон.

ГАМАНОВО УХО

От старого Драгомира Вадим отправился в город и нашел его далеко не в обычном состоянии. Многие лавки были заперты, на улицах толпился народ и не давал проезда колесницам. Возницы и седоки при этом неистово ругались, но это не помогало. Через густую толпу не было возможности проехать. Многие пробивались вперед, щедро раздавая удары направо и налево. Чаще всего получали сдачу и завязывалась драка. Молодой воин дал себя увлечь потоку и скоро очутился на Мытарской улице, главном мощеном пути, среди переулков, населенных евреями.

Здесь происходило нечто невообразимое. Все двери в домах были выбиты. На крышах были толпы сорванцов, преимущественно молодежи. Сверху вниз бросались драгоценные сосуды, домашняя утварь, лоскутья драгоценных одежд, что еще более увеличивало давку. По воздуху, как зимний снег, летел гусиный пух и облеплял одежды собравшихся на улице. Мягкие перины и одеяла выносились на крыши, рас-

парывались и содержимое их пускалось по ветру. Несколько убитых валялось на улице. Раненые оглашали воздух стонами. В дверях многих домов происходили свалки. Евреи не пускали нападающих, которые рвались все с большим ожесточением. В погроме участвовали греки, сарматы, персы, даже немногие находящиеся в городе готы и степные скифы.

Вадим пустил коня во всю прыть.

– Эй, эй! Народ подавишь! – крикнул ему кто-то из толпы.

– Народ! – гаркнул он. – Да разве вы народ? Вы звери! Днем дома разрушать! Что сегодня? Ради какого праздника весь город пьян?

Громкий хохот раздался в толпе.

– По роже будто не жид, а как за этих подлецов заступается! – крикнуло несколько голосов.

– Я только что приехал, – громким голосом провозгласил витязь. – Дел ваших не знаю. Вижу только, что вооруженные воины громят жилища жителей своего же города, грабят и разоряют их имущество.

– Убирайтесь, пока целы! – послышались возгласы. – Вот защитник нашелся. Вздернуть его под первую крышу.

– Вздернуть меня успеете, – загремел голос Вадима. – Слушайте, люди танайские! Кто бы какому богу ни веровал: Белобогу, Тору, Зевсу или Ахура-Мазде! Слушайте! Кто из вас мстит за свою обиду?

На такой вопрос мало кто нашелся ответить. Но решительное положение, принятое удалым витязем, на многих

произвело впечатление. Вокруг него столпились, оставив на время еврейские жилища в покое.

– Воин благородный! – заговорили некоторые. – Они кро-
вопийцы, они мытари, они ростовщики, они наши разорите-
ли.

– А на разорителей разве суда нет? Градоправитель? Фе-
смофеты⁹? Да и в Пантикапеи мудрый царь, которому жало-
ваться можно!

Один старик выступил вперед.

– Судились мы много раз. Присуждали их к пеням. Мы же
эти пени сами и платили.

– Неправдоподобны слова твои, старик, – удивился ви-
тязь.

– Правда! Заплатят пенью. На другой день во всех еврей-
ских лавках весь товар вздорожает. Все опять в их руки вер-
нется, и пострадавший от суда окажется вознагражденным с
избытком.

– Да разве в городе нет лавок, кроме еврейских?

– Есть-то есть, да они как-то нашим женам, дочерям и ев-
нухам угодить умеют.

– Заколдовали их! – насмешливо сказал воин. – Отчего же
на их хитрость хитростью не отвечаете, а мешки с их золотом
опоражниваете и перины на ветер распарываете?

– Они очень дружно друг за друга стоят, и старейшины их
в повиновении держат.

⁹ Судьи.

– Кто же вам мешает так же дружно один за другого держаться и повиноваться вашим старшинам... Слушайте, люди разумные, не опьяненные ни вином, ни неблагородной страстью. Погром, недостойный мужей, граждан, воинов, помогите прекратить. Срамников, позорящих свои народы, разгоните по домам. Кто же обижен – те за мной. Идем жаловаться старшинам еврейским. Они рассудят. Елиуду бень-Иеремию, Елеазара бень-Охозию и Иоада бень-реубена я знаю за мужей праведных. Не они станут прикрывать своей властью ростовщиков и грабителей. Кто не потерял разум, все за мной!

Слова и все поведение Вадима на многих повлияли. Стали перешептываться между собой и скоро вокруг молодого воина собралась достаточно большая кучка людей разных племен, которые двинулись вперед по улице, унимая не в меру расходившихся буянов. Скоро им встретился отряд воинов под предводительством двух сотников. Народ продолжал выкрикивать громкую брань, но от домов евреев начал отступать, избегая копий и мечей ратников.

Теснимый ратниками и кучкой образумившихся граждан, собравшихся вокруг Вадима, народ стал стекаться на рыночной площади, прилегавшей к северному рукаву Дона. Скоро прибыл туда Агафодор и старейшины еврейские. Городская площадь, Агора, отдаленная от еврейских улиц, была отрезана выстроившимися по разным улицам воинами и доступ к ней был прекращен и для участников, и для жертв погро-

ма. По еврейским же улицам продолжали ходить вооруженные дозоры. Евреи стали понемногу выходить из домов своих и так же собираться на площади, где находились городские власти. На площади они теснились друг к другу и старались не смешиваться с язычниками, продолжавшими их осыпать бранью. Можно было ждать каждое мгновение, что, несмотря на присутствие войска и начальствующих лиц, безобразная свалка возобновится.

Вадим остановил коня среди сопровождавших его мирно настроенных граждан. К нему подъехал, так же на коне, начальник небольшого сарматского отряда Величар.

– Бывал я в боях, – сказал Вадим. – Кровь меня не страшит, но зверя в человеке видеть не могу.

– Евреи сами во многом виноваты, – сказал Величар. – Еврей от всех сторонится. Честно торгует еврей только с евреем, иноверца он считает добрым делом обмануть где только можно. И много лет это так у них ведется.

– Много лет, говоришь, Величар? – остановил его Вадим. – Отчего же сегодня такой взрыв негодования и в таком озверелом проявлении?

– Тут случай особый был, – объяснил Величар. – Перс, Хозрой-Аршак, полюбил Гофолию, дочь Иорама, богатого купца. Иорам хотел выдать ее за своего, еврея Авессалома. Но Гофолия любила перса и бежала в его дом. Иорам со всю семьей ворвался в жилище дочери и торжественно, при муже, проклял ее. Хозрой велел своим слугам прогнать дерз-

ких со своего двора.

– Но ведь она изменила вере своих отцов, – заметил Вадим. – Евреи очень стоят за веру свою.

– В том-то и дело, – возразил Величар, – что ничему она еще не изменяла. Хозрой сказал ей: «Думается мне, что твой Адонай и мой Ахура-Мазда один и тот же бог, под разными двумя названиями. У тебя пророк Моисей, у меня Заратустра. Ты читай свои книги, я свои. А наши дети пусть читают и те, и другие. Подрастут, сами выберут то, во что сердцем уверуют. Да и ваша Эсфирь не была ли подругой и одной из жен царя Агасфера».

– Хороший человек Хозрой-Аршак! – сказал Вадим.

– А теперь слушай, что они с хорошим человеком сделали. Все евреи перестали вести с ним какие-либо торговые дела, а другой стороны скупили все его долговые обязательства. Но Хозрой богат. Все долги уплатил сразу, а для торговли он в евреях не нуждается. Он скифские меха скупает и отправляет их прямо в Грецию и Рим. Против него бессильна была их злоба. Тогда веришь ли? Они стали подкупать его корабельщиков, чтобы его корабли на мель сажали и груз топили.

– Неужели такие мерзости творятся с ведома таких людей, как Елиуд, Елеазар и Иоад? – недоумевал Вадим.

– Их никто не винит! – ответил Величар. – Но в их руках власть показная. Когда надо ограбить язычника, они соединяются в такой союз, который и буйным насилием, вроде сегодняшнего, не всегда разрушишь. Но продолжаю тебе

печальную повесть о Хозрое-Аршаке. Не на радость упоминал он жене своей о царе Агасфере и Эсфири. Сказание о них мне говорил сам Хозрой. При царе Агасфере, или Артаксерксе, оспаривали власть у престола персы, главой которых был вельможа Гаман, и евреи, руководимые родным дядей Эсфири, Мордохом. Евреи при помощи красавицы, царской возлюбленной, одержали верх, и Гаман был повешен за свою любовь к царю и народу. Евреи же овладели управлением всех дел в государстве. В день поминания перса они пекут особое печенье, называемое Гамановым ухом, и едят его, запивая вином и проклиная всех, кого прозывают неверными и язычниками. Так было и в этом году, в доме Иорама. Сыновья его и друг их, отвергнутый красавицей Гофолией, жених Авессалом, перепились и вспоминая о Гамане, издумали устроить неприятность одноплеменнику его, Хозрою-Аршаку. Принесли виселицу, изготовленную домашним столяром Иорама. Ее, пользуясь мраком ночи, установили и повесили на ней соломенного человека, облеченного в персидские одежды. По сторонам виселицы расположили два костра и окружили их самыми позорными нечистотами. Потом зажгли и все бежали тем же путем, которым пришли. С Матридатовской улицы прохожие, видя огонь и опасаясь пожара, стали сбегаться в переулок. Шум разбудил и Хозроя, и домашних его. Они выскочили из дома, увидели повешенное чучело и костры, обложенные нечистотами. У персов огонь есть образ Ахура-Мазды на земле и ничто нечистое не долж-

но его касаться. Поэтому они и не сжигают своих мертвецов. Хозрой приказал не медля убрать все устроенное безобразия, а с рассвета произвел поиски на месте события. В траве он нашел голубую шерстяную кисть, доказавшую, что это дело рук еврейских, в чем и так не сомневался. Скоро он сделал и еще более ценную находку. На дорожке близ забора лежала пряжка с именем Ахаза бень-Иорама, одного из сыновей своего врача. Через несколько дней он поймал и Ахаза, и Авессалома, в участии которого в учиненной мерзости был уверен. Он привел их в дом свой и приказал рабам дать каждому по сто ударов палок по пяткам. Обиженные жаловались фесмофетам. Судьи решили; что за взаимным обменом оскорблений, взыскивать ни та, ни иная сторона ничего не могут, но за нарушение порядка и тишины обе стороны повинны уплатить пеню по десяти минь каждая. Евреи, по обыкновению, эти 10 минь разложили по оболам на своих покупателей, но в то же время всех персидских купцов пригласили к немедленной уплате всех лежавших на них долговых обязательств, а персов, живших в еврейских домах, выбросили на улицу со всеми пожитками и с семьями. Мало того, заставили опорожнить все товарные склады, принадлежавшие иудеям, с Фарнаковой пристани согнали прочь все корабли, на которых был персидский груз. Добро еще, что в городе у нас только одна Фарнакова пристань в руках евреев.

– Да, это зловреднейшие заговорщики! – воскликнул Вадим.

– Подожди еще! – остановил его Величар. – Этим дело не кончилось.

Хозрой, не должный евреям ни обола, чувствовал себя превосходно и помогал обиженным землякам. Но врагам его надо было непременно добраться до него и вычеркнуть его из числа наших граждан. И они добились своего. Хозрой сидел с женой раз в послеобеденное время под навесом у дома своего, в тени плюща и дикого винограда, вдыхая благоухание душистых цветов их сада. Перед ним лежал свиток Зенд-Авесты, перед Гофолией – книга Моисея. Они читали вместе и часто находили в обоих книгах одинаковые предписания, выраженные разными словами. Но случилось, что Гофолия вспомнила одно речение и сказала мужу: «Дорогой! Сходи в покои. Там найдешь книгу пророков. Там тоже сказано, что ты читал сейчас. Я тебе найду это место, хотя не помню, кто именно из великих пророков сказал тоже, что Заратустра. Верь, что один Бог рек устами пророков всех народов, хотя не всем поровну открывал истину». Хозрой пошел в дом и в книжном ларце стал искать желаемые свитки. Вдруг он был поражен душу раздирающим криком жены. Выбежав в сад, он нашел несчастную Гофолию распростертой на полу, с окровавленным лицом. В руке ее была стрела, вырванная из раны. Стрела эта пронзила ей правый глаз, который уже больше не открывался и представлял глубокую окровавленную рану. Хозрой поднял больную, призвал слуг и вместе они отнесли ее на постель и сделали перевязку. На дрове

стрелы была вырезана еврейская надпись: «Да истекут кровью очи, отвратившиеся от Господа. Эта стрела для правого глаза. Левый свою получит долго не медля». Преступник, несомненно замечательный стрелок, не был найден. Хозрой дал несчастной жене отлежаться три дня, пока продолжалась лихорадка. На четвертый ночью, украдкой, он сел с ней на корабль и отправился в Трапезунд, где имел родственников. Вернулся он месяц спустя и начал продавать дом и все имущество, решившись более в Танаис не возвращаться.

– Добрались своего! – возмутился Вадим. – Довольны были?

– То-то и есть, что не были довольны! – сказал Величар. – Ведь Хозрой-Аршак уезжал с золотом, мехами и любимой женой. Его надо было разорить. Дом его покупали и евреи, и понтийцы, и колхиды, и армяне, и наши бродяги. Все давали один другого дешевле. Но Хозрой продал дом и лавку Громославу, старому меховщику, с которым давно имел дела. Тогда гнев иудеев обратился на Громослава и его друзей из греческих и сарматских купцов. И их стали гнать с Фарнаковой пристани, не пускать в еврейские дома и всячески выживать из города. Те же, которые не могли сразу погасить своих долгов или перевести в нееврейские руки, те заплатились крупными убытками. Понимаешь ли ты, какая злоба здесь накопилась и как страшно она должна была разразиться не сегодня – завтра. Но вот полемарх хочет говорить. Послушаем его. Он верно скажет правду.

На Рыночной площади была возвышенная каменная трибуна. Агафодор, сошедший с коня, взошел на нее и сделал знак народу, приглашая всех к молчанию.

– Граждане танайские, – заговорил он. – Прискорбно все то, чему сегодня все мы были очевидцами. Одни, пользуясь богатством, притесняли бедных. Другие, вместо того, чтобы обратиться к защите закона, произвели буйство и не остановились перед истязанием и убийством своих сограждан. У команов, у степных скифов есть суд старшин. Вы, горожане благоустроенного города, прибегаете к самосуду и кровопролитию. Виновных, которые найдутся, будут судить фесмофеты. Стыдитесь насилия и помните, что есть суд и закон, который всегда правого и виноватого разберет.

На трибуну взошел Кайнан бень-Абиафар, один из известнейших в городе законников. Это был сгорбленный старик с длинной седой бородой, морщинистым лицом, орлиным носом и пронзительными черными глазами.

– Великий полемарх, честные граждане танайские и сыны Израиля, обитатели города сего. Покарал наш Адонай Господь, попустив совершиться гнусному насилию над нами, нашими женами и детьми. Покаемся Господу и вознесем молитвы, да избавит нас от нового пленения вавилонского. Но причина, почему разразился против нас гнев народный, нам непонятна. Мы, сыны Израиля, люди самые смиренные и спокойные в городе. Мы никому вреда не делаем. Мы лучше всех соблюдаем законы страны этой. Мы никого не притес-

няем и во всех делах наших строго законны. Кто же сеет против нас ненависть, кто взводит на нас злую клевету? Зависть людская, зависть бездарных, зависть ленивых, зависть невоздержанных. Сын Израиля довольствуется малым и трудится в поте лица, помня заветы Господа и великих пророков Его. Еврей торгует удачно, и прибыли к нему приходят там, где другие терпят убытки, еврей знает закон и пророков, как ни один философ не знает писания своих мудрецов. Но народ, чернь темная, завидует нашим удачам, и те, кто сами ничего не умеют сделать, всегда рады поднять против нас темных людей, поддонки общества. Против таких-то врагов взываем мы к помощи властей, законов страны и, если надо, то и вооруженной силы для укрощения буйных.

– Внемли, Израиль! – раздался старческий, но громкий голос среди площади.

Елеазар, на коне, протеснился через толпу и стал под самой трибуной. Он был в полном вооружении. Длинные курчавые белые волосы выбивались из-под шлема, и седая окладистая борода лежала на золоченых бляхах наборных лат.

– Взойди на трибуну, бень-Охозия! – пригласил его Агафодор.

– Я старый ратник, – сказал еврей. – Я не привык говорить с трибуны. Мой боевой конь – моя трибуна. На нем сидя беседовал я с друзьями моими у стены осажденного Иерусалима. С него я скажу и сегодня два слова тем, кто верит, что старый Елеазар лжи не скажет и добра желает всем сынам

Авраама, Исаака и Иакова. Многих старых соратников вижу я здесь. К ним и к их детям и братьям обращаюсь я и повторяю: «Внемли, Израиль!»

Елеазар говорил то по-гречески, то по-еврейски, стараясь повторять те же слова на обоих языках, чтобы быть понятным всеми.

– Не могу не присоединиться к высказанному почтенным равви Кайнаном и не выразить чувства глубокого душевного прискорбия при виде всего, что произошло сегодня. Не могу я винить и тех, которые обнажали мечи и вооружались камнями, защищая свои дома и семьи. Но не похвалю я воинов, перешедших с оружием в руках в нападение на своих же сограждан и тем обостривших борьбу. Еще менее могу я одобрить тех, которые вызвали своим поведением те грустные явления, которых свидетелями мы были. Вы меня все знаете. Я всегда честно стоял за святыню Господню и за славу Израиля. Таков был и весь мой род. Праотец мой Тсерор был дедом Киса и прадедом Саула царя. Верно служили предки мои всем царям рода Давидова и Соломона, верны они остались Израилю и в горькие дни пленения вавилонского. Поэтому, сыны Израиля, внимая простым искренним словам старого воина, вы ради правдивости простите то, что может показаться неприятным для некоторых из вас. Не одна зависть, о которой так много говорил равви Кайнан, причиной тому, что иудеи имеют много врагов. Слишком многие все сами делали, чтобы люди были им врагами и чтоб Господь отвра-

тился от них. Когда мы лишились родины, разоренной врагами, мы нашли приют и второе отечество в этой стране, где давно в мире и согласии живут столь разноплеменные народы, соблюдая каждый веру отцов своих и обычаи своей страны. Что же сделали многие из нас? Обогащаясь торговлей среди жителей страны, уединились от них, выказывая всячески им ненависть и презрение. Нет ли среди нас радующихся всякой беде, постигающей необрезанного? Не сговариваемся ли часто всем обществом, чтобы лишить огня и воды всякого, кто не угодил одному из наших? Нет, сыны Израиля, будем торговать, будем работать в поле и винограднике, будем производить ремесленные изделия, будем храбры на войне. Все эти заслуги оценятся, и за них воздастся нам и от Господа, и от людей, но не будем оскорблять сограждан наших незаслуженным презрением за то же золото, которое мы наживаем от них.

– Не посоветуешь ли, – сказал насмешливо равви Кайнан, – для большего почета иноплеменникам, посещать языческие храмы и есть идоложертвенное?

– Насмешка твоя, – ответил Елеазар, – не идет к твоим годам и к твоей учености. Все люди танайские знают мои верования и, уважая меня, уважают и их. Они все будут приветствовать нас, когда мы вернемся в Сион и восстановим его. Они не будут нам врагами, если мы их не будем раздражать высокомерием и давить силой нашего золота.

Часть евреев, преимущественно воины и ремесленники,

собрались вокруг старого вождя и объявили, что они согласны жить в мире с прочими гражданами и постановлений о преследовании того или другого принимать не будут. Другие же, среди которых преобладали купцы и законники, удалились с площади с бранью и с пожеланиями, чтоб среди них появился новый Моисей, который бы их вывел из этой земли языческой.

УБИТ ИЛИ ЖИВ?

Переночевав в городе, Вадим рано поутру отправился верхом к городку Нордериха, надеясь увидеть свою возлюбленную. Он уже выехал в поле, когда издали увидел несущегося навстречу так же, как он, одинокого всадника. Взглянув на него, он тотчас узнал Балту. Обнажив меч, он поскакал к нему.

– Давно я ждал тебя! – воскликнул он.

– И я тебя тоже! – отвечал Балта. – Сегодня покончим.

– Я готов!

Мечи скрестились. Удар сыпался за ударом, но броня витязей не давала себя пробить и только тупила мечи. На легкие царапины воины не обращали внимания. Наконец Вадиму удалось ударить своего противника по правой руке выше локтя, поперек недавно зажившей раны. Но гот подхватил меч левой рукой.

– Ловко, – сказал он. – По ее следам ударил. Но я и левой рукой сражаться умею. Не оставлю без оплаты эту двойную

отметку на моем теле и не дам так хорошо бьющим рукам соединиться в пожатии взаимной любви... Живой отсюда не уйдешь.

Опять скрестились мечи, опять посыпались удары. Оба воина уже получили несколько глубоких ран, но продолжали держаться на конях и биться с отчаянием. Наконец Балта зашатался и грузно свалился с коня на землю.

Вадим соскочил с поднятым ножом, вложив меч в ножны.

– Дядя Драгомир, – сказал он мысленно, – прости меня, но не сбудется твое предсказание. Я его убью.

Но в это время красные и зеленые круги заходили у него в глазах, рука задрожала, и он упал рядом со своим противником.

Над ним стоял высокий старик в белой одежде с длинной седой бородой и рассыпанными по плечам белыми волосами. Это был не Драгомир, но молодому воину казалось, что он его много раз уже видел.

– Ты кто? – спросил он незнакомца.

– Я вещий Богучар.

О Богучаре, волхве, жившем на Дону лет двести перед тем, Вадим слышал много раз. Как же это он мог его видеть?

– Я умер? – догадался он.

– Нет! Ты жив, и твой противник тоже жив. Предсказание было не обманно. Оба вы еще долго проживете и ни один из вас другого не убьет. Восстань и иди.

И Вадим встал и пошел. От ран не осталось ни следов,

ни боли. Вокруг него собралась многочисленная рать. Были готы, были славяне, были так же (в меньшем числе) персы, евреи, греки, даже команы и хозары. Все провозглашали Вадима своим царем. Подвели к нему белого коня с раззолоченной сбруей. На другом таком же коне подъехала Фригг и поехала рядом с ним. На голове ее, на распущенных, длинных соломенного цвета волосах, был золотой венец с камнями самоцветными. Одежда ее была выткана из тончайших серебряных нитей и обшита мехом, белым как снег. Все тронулись в путь. Шли степями и лесами, строили городки и городища. Сражались с народами неизвестных язычников, с другими вели дружбу и заключали союзы. Вадим чувствовал, что это не сон. Сны такие ясные не бывают. Сыновей его и Фригг разные народы провозглашают своими царями. Наконец, пришли к стране, где множество озер среди высоких каменных гор, поросших древними елями и соснами. А среди озерных стран обширное море. Зимой вся земля покрывается снегом, и солнце едва поднимается над землей на несколько коротких часов. По морю плавают льды, которые ветром прибиваются к берегу. Летом же солнце почти не сходит с небосклона, и заря утренняя сменяет зарю вечернюю. И летом в белые ночи, и зимой среди мрака и плавающих льдов по морю бегут на всех парусах корабли, управляемые сподвижниками Вадима, и завоевывают племена озерных стран. И все это Вадима нисколько не удивляет. Ему кажется, что он давно уже живет так и давно вместе с дорогой Фригг цар-

ствует над народами.

Но вдруг видения изменяются. Является опять Богучар, берет Вадима на руки и они вместе отделяются от земли и улетают далеко-далеко в беспредельность. Во все стороны одна бездонная пропасть, наполненная туманами. Среди бездны бьет ключ живой воды, и из него текут двенадцать рек. Среди туманной бездны встает и несется неведомо куда великан. Вот подо льдом появляется гробница. Крышка от гроба поднимается и из него выходит отец Вадима – старый вождь сарматский Борис Бурый. Он подает Вадиму меч и говорит:

– Рази великана и детей его. Они злодеи. От них и холод, и мрак в мире. И вот два славных витязя тебе в помощь. Да будут они тебе родными братьями.

И из-под ледяной горы вышли два богатыря в золотой броне с мечами в руках. И трижды поменялись мечами Вадим и два богатыря. Затем они бросились на старшего великана и убили его. Тело его полетело в бездну. Кровь его залила землю и образовала реки и моря, мышцы превратились в землю, на которой выросли деревья, кустарники и травы; из костей воздвигнулись скалы, из зубов и обломков челюсти получились камни. Дети великана были живыми сброшены в бездну.

Много войн, много битв выдерживают храбрые витязи. За битвой следует пир, на котором вино и мед льются рекой, и красивые девы прислуживают за столами пирующих. Все они

молоды, сильны и храбры. Слабых и трусов они сталкивают в бездну, где их пожирает злая ведьма. Но великаны, сброшенные в бездну, рвутся на волю. Они заставляют дуть холодные ветры, покрывающие землю льдом. Ни солнца, ни луны, ни звезд не видно. Снег валит выше домов и выше сосен высоких. Море замерзает. Мерзнут люди, звери, птицы, гибнут деревья. Великаны вырываются из бездны. Вперед они пускают волка, столь огромного, что когда он зевает, верхняя его челюсть касается неба, а нижняя опускается в преисподнюю. Одним глотком он пожирает солнце, затем бросается на луну и проглатывает ее. С оскаленными зубами он нападает на Вадима и богатырей, товарищей его. Витязи видят, что им нет спасения. Но вот радуга, по которой лезли великаны, обрушивается, и они летят в бездну. Новое солнце, новая луна восходят на небе. Богатыри, товарищи Вадима, раздирают волку пасть до ушей и разбивают челюсти. Но сам Вадим не может встать. Ни руки, ни ноги не действуют, а над ним все еще стоит, хоть искалеченное, но злобно на него глядящее чудовище. Перед ним же в облаках прекрасный юноша весь в сиянии блестящих лучей является и тихо спускается на землю¹⁰. Волк исчезает.

На его месте стоят Драгомир и Богучар, и говорят беспомощно распростертому на земле витязю:

– Много раз тебя еще посетят духи добра и истины, и много раз ты услышишь слова правды. Верь им! Избегнешь мно-

¹⁰ Бальдр, древнескандинавский бог света и красоты.

гих грехов и бед. Зачем слыть богом, когда суждено быть великим человеком.

– Что же я? Убит или жив? – кричал Вадим в бреду.

ВИЛЛЕРИХ

– Тише! Он зашевелился! Кажется, он просыпается. Он спал хорошо! Опасность, кажется, миновала!

Так говорил под ухом Вадима нежный голос девы, или мальчика на искаженном греческом языке, с трудом подыскивая слова. На это предупреждение последовал ответ погречески же, с сильно еврейским выговором. Говорил старческий голос:

– Равви Исаак бень-Невфалим придет, обрадуется. Он так и говорил, что в эту ночь надо ждать перелома болезни. Воспаление мозга исчезнет. Он спасен. Хвала Элоиму, мы с тобой да с Сарочкой спасли молодца из когтей смерти. И ты молодчина, Виллерих. Такой юный воин, и так ухаживать умеешь за больными.

– На войне бывал, поневоле привык! – отвечал мягкий голос.

Вадим открыл глаза. Он был в полутемной комнате, в постели под теплым шерстяным одеялом. Голова была обвяза-

на. Правую ногу он не мог передвинуть без жгучей боли. Все тело ныло, как избитое и изрезанное.

– Где я? – спросил он. – Я жив? Я не убит? Меня волк не съел?

– Успокойся, сын Фредлава, – сказал ему старик. – Ты у друзей. Потом все узнаешь. Теперь тебе вредно говорить.

– Бень-Охозия! – воскликнул больной.

– Конечно! – улыбнулся старик. – Ты в Танаисе, у старого Елезара, и он тебя выпустит только совершенно здорового. Избил тебя твой противник, но и ты его не пощадил. Умиряющего взял к себе один из наших воинов. Долго не в состоянии он будет вонзить копьё и ударить мечем.

– Ты не один был сейчас? – спросил раненый.

– Да! Часто приходит тебя проведать мальчик гот Виллерх. Он служит на стоящем у пристани корабле и знает тебя и твоих родных. Пока ты был в опасности, он не покидал тебя ни днем, ни ночью. Я и дочка моя Сара ходили за тобой, а врач наш, равви Исаак, посещал тебя дважды и трижды в день. Но не будь около нас этого юного гота, не знаю, как справились бы мы с твоей болезнью. Лекарство дает во время, не позволив песчинки лишней пересыпаться в часах, перевязку сделает с ловкостью, которой сам равви Исаак удивился, примочки на голове твоей держал, не давая им согреться ни на мгновение; укладывал, переворачивал, накрывал тебя иногда по десяти раз в час. Будь такой юноша не гот, а еврей, я бы лучшего мужа моей Сарочке не пожелал. Ты на

это не обижайся. Мы берем жен для сыновей, а мужей для дочерей только нашей веры. Вот он идет, ты его поблагодари.

Вадим взглянул на Виллериха и потрясенным голосом воскликнул:

– Фригг!

– Молчи, – сказала ему девушка по-готски. – Никто не знает, что я здесь. Отец ушел на Осеред-реку преследовать набежавших туда хонг-ниу. Мать меня считает в гостях на хуторе у старого Готтана и его дочерей. Я на корабле приплыла в город, как только узнала, что ты ранен.

– Кто тебе говорил?

– О битве твоей с Балтой говорили многие шедшие из города путники и плывущие вверх по реке корабельщики. Ты знаешь мою Фредегунду? Она любит расспрашивать и прохожих, и проезжих. Она мне сообщила печальное известие. Я сейчас отпросилась у матери к Гаттону и побыв у него день с дочерью его Кунегильдой и моей Фредегундой, отправилась на корабле вниз по реке. В этом же доме меня знают только как корабельного прислужника Виллериха. Кунегильда давно вернулась к отцу, но на другой день прислала мне корабль с корабельщиками и предоставила его в мое распоряжение.

– Милая, дорогая!

– Хотела я тебя везти в наш городок, – продолжала она, – но бень-Охозия и бень-Невфалим не позволили. Да и я скоро увидела, что ты в хороших руках. Эти евреи тебе жизнь

спасли.

– Они говорят, что спасла меня ты! – сказал больной, ловя руку девушки.

– Оставь, – засмеялась она. – Где же это видано, чтобы воин целовал руку корабельного служки. Но теперь ты вне опасности. Я должна тебя покинуть.

– Я не позволю!

– Будь благоразумен, милый! – сказала Фригг. – Я не хочу, чтобы родители узнали, где я была. Время не пришло. Я твоя, твоей буду, но надо сладить с гордостью стариков, а, знаешь, луки гнутся из дерева осторожно и с терпением, а не выковыиваются молотом.

– Если ты уедешь, я опять заболēju, мне хуже сделается, я умру! – начал уверять юноша.

– Ты тогда докажешь, что меня не любишь! – возразила девушка. – Вот тебе залог моей любви, но жди меня терпеливо. «Виллерих на своем корабле еще вернется в город», а пока до свидания.

И наклонившись к больному, она его горячо поцеловала. Две слезинки капнули ему на лицо.

– Не прощай, а до свиданья, – сказала она. – Верь преданности Виллериха и любви Фригг.

Вечером корабль старого Гаттона шел вверх по реке, увозя Фригг, переодевшуюся в женское платье, и верную Фредегунду, поверенную ее в тайне.

Выздоровление шло медленно. Лихорадка ослабевала.

Сон из тревожного стал более спокойным. Раны заживали одна за другой. Больная нога все еще держала витязя в постели. Дочь Елеазара, юная Сара, и врач Исаак продолжали ухаживать за больным. Елеазар проводил у его постели все время, которое был свободен от безотлагательных дел.

Больной припоминал страшные сны, которые посещали его в разгар болезни и, лежа в постели, слагал их в звучные готские стихи. Когда же собиралась вокруг него семья хозяйина, врач и иногда посещавшие дом гости, он охотно с ними разговаривал обо всем, но ничего не сообщал о бреде своего больного воображения.

Однажды он спросил Сару:

– Не говорил ли тебе Виллерих, в котором месяце опять придет его корабль?

Молодая еврейка вспыхнула. Румянец густо залил ее смуглые щеки, она потупила взоры и заговорила робким голосом, не находя слов для выражения мыслей на мало знакомом ей греческом языке.

– Нет! То есть говорил, что вероятно скоро. А долго стоят здесь не будут. Еще куда-то уйдут. Ты его семью знаешь?

– Знаю! Честная и благородная семья! – отвечал Вадим.

– Издалека ли? – спросила девушка.

– Издалека! – солгал больной.

– Какая вера у готов? – спросила Сара.

– Они многим идолам молятся, – объяснил ей Вадим, – но меня научил один славянский мудрец чтить Единого, Непо-

стижимого, Всемогущего и Вездесущего, но учение о Нем мы держим втайне.

– Наши пророки из учения правды не делали тайны, – возразила девушка. – Книжники нам закон объясняют всенародно, чтобы всякий уразумел заповеди Господни. Но я не то у тебя спросить хотела. Во что Виллерих верует? Служит ли он идолам?

– У него не было такого учителя, какой был у меня! – сказал Вадим. – Но он многое знает из того, что я знаю, и не поклонится идолам, как это делает простой народ и даже вожди, не умеющие ни читать, ни писать. У нас ведь своих письмен нет. Да ты бы его обо всем сама расспросила.

– Спрашивала! – растерянно призналась девушка. – Но я не знаю по-готски, он не понимает по-еврейски. По-гречески я говорю плохо, а он еще того хуже. Едва слова связывает. Иначе хотела я его с законом и пророками ознакомить. Отец и врач говорили с ним раз и показывали свиток семидесяти толковников, писанный по-гречески. Как думаешь, может ли он уверовать?

– Не знаю! – улыбнулся Вадим. «Бедная девочка! – подумал он про себя. – Видно полюбила ты сердцем, да и нельзя ее не полюбить. Беда лишь в том, что не подозреваешь, кого ты полюбила. Мою возлюбленную за корабельщика считаешь. Не думал никогда я, что в любви мне соперником молодая еврейка явится. Бедная, велико будет твое разочарование. Но это Фриггны тайна, а не моя, и раскрывать истину

я теперь еще не вправе».

О верованиях готов спрашивали Вадима и прочие собиравшиеся в доме евреи, и сам хозяин Елеазар. Но их видно занимал вопрос сам по себе, а не в связи с тем, может ли уверовать тот или другой гот. Ученик Драгомира своим взглядом на готских богов вполне удовлетворил понятиям Елеазара и его гостей. Но, подобно своему учителю он отстаивал необходимость скрывать от невежественной толпы главные тайны истинного учения, уверяя, что у неподготовленного к нему разум помутится. Возмущались они и мнимой необходимостью идолопоклонства для темных людей.

Старый равви Гур бень-Ахаз держался другого мнения. Ученик Садока, он не признавал духов, ни воскресения мертвых. Но и по его мнению, великий грех ложится на мудрецов, учащих народ не тому, во что они сами веруют. С особенным омерзением говорил он об обрядах греков и римлян, о школе разврата, представляемой воспеванием подвигов их богов и богинь, наконец о богохульном обычае обоготворения смертных. В этом соглашались с ним прочие присутствующие.

Долго затем в Танаисе Виллериха не видели, но в доме бень-Охозия каждую неделю являлась старая женщина под густым покрывалом и осведомлялась о здоровье больного. По выговору ее можно было догадаться, что она готка.

Наконец силы вернулись к раненому воину настолько, что он мог вставать. На больную ногу он не мог еще ступить, но

опираясь на костыли, уже ходил по дому и саду. В это время опять приехала в город Фригг под видом Виллериха.

– Сердце тосковало, не зная ничего про тебя! – сказала она, бросаясь на шею своего друга. – Хотя я посылала сюда старую хуторянку Атанагунду, но ее известий для меня было слишком мало, а главное – я тебя не видела. Наконец ты встал! Скоро и совсем будешь здоров. Рвалась я, рвалась к тебе, но не было предлога, чтобы покинуть хоть на время дом родительский. Выздоровливай скорее. Если отец своей рукой не приведет меня к тебе, я убегу.

– Во время болезни, – сказал Вадим, – я видел тебя во многих дивных снах, где всегда ты была в чудесном блеске красоты и славы.

– Да! Но ты, видно, и много мрачных, ужасающих снов видел? – спросила девушка. – Ты метался и бредил так, что мне страшно становилось. Особенно часто грозил ты великанам вечных льдов и боролся с каким-то волком.

– Эту часть снов моих, страшных, неестественных, но упительных в жуткости своей, я тебе сейчас расскажу. Они сами просятся в стихи, и стихами я их запомнил.

Долго он говорил, а Фригг слушала. Слушая, она бледнела, и дрожь пробегала по всем членам ее.

– Какие прекрасные стихи, – сказала она, – и какие ужасные картины.

– Не видишь ли в них сходство с природой, засыпающей зимой и пробуждающейся весной? Ты знаешь, что выше по

нашим рекам зимы суровые и продолжительные. Снег подолгу покрывает землю. А еще дальше к северу должны быть именно такие страны, как те, которые я видел в горячечном бреду. Видел я их и в других снах. В них и ты постоянно была бок о бок со мной. То были сны великой славы, блистательных побед. Расскажу тебе и их. И в них те же страны снега и льда. Верю, что есть такие страны и что среди них ждет нас великая будущность. Это же говорил мне и дядя мой и учитель – вещий Драгомир.

С жадным вниманием слушала Фригг этот длинный рассказ. В заключение она обняла своего друга и с чувством сказала:

– Не надо мне ни царского достоинства, ни венца из золота и камней самоцветных, ни серебряной одежды. Буду я счастлива, пока ты со мной. Сегодня я тебя опять покидаю. Какое-то предчувствие говорит мне, что надо мне быть дома. До свидания под нашим кровом. Я твоя и ничьей иной быть не могу.

– А знаешь ли, что ты полонила сердце Сары? – спросил со смехом Вадим.

– Догадываюсь, – улыбнулась Фригг. – Но посуди сам. Ради тебя, могу ли я теперь открыть им, кто я. Пропадет без вести Виллерих. Бедная девочка осудит его, как легкомысленного юношу, забывшего о ней, или будет оплакивать, как убитого на войне. Поплачет и утешится. Да для нее и немислим брак с язычником. А жаль ее. Славная она девочка. Но

для этого края Виллерих перестанет существовать только, когда исчезнет из него Фригг.

БАЛТА МНИТ СЕБЯ ПОБЕДИТЕЛЕМ

Предчувствие внушало Фригг, что пора спешить домой. Издали, подъезжая к городку, она с отчаянием увидела, что над ним все небо было залито заревом пожара и что весь городок пылает в огне. Вокруг него горели и многие хутора керлей. Сторожевые огни были все зажжены.

– Корабельщики! – крикнула девушка. – Вскиньте весла, навалитесь, гребите скорее. Видите что у нас дома делается.

Вокруг городка происходила общая свалка. Сражались на берегу. Сражались на воде. Одни струги бежали вверх по реке. Другие их преследовали, осыпая друг друга градом стрел.

– Будем сражаться и мы! – воскликнула мужественная девушка. – Стрелять в разбойников! Фредегунда, подай мне лук и бери свой. Готы князя Нордериха, смелей на грабителей. Не давать им пощады!

С соседних двух лодок понесся рой острых, оперенных стрел. К счастью, никто не был ранен. Заревو пожара недо-

статочно освещало местность, чтобы можно было верно прицеливаться. Но на приблизившихся лодках Фригг с ужасом увидела готские одежды и готское вооружение.

– Разбойники! На кого напали? – крикнул кормщик с лодки Фригг.

Ответом был новый град стрел и возглас:

– Люди царя Дидериха и князя Гелимера! Бейте Нордериховских собак!

На городок напали не иноплеменники, не степные хищники, а свои готы, племени известного Дидериха.

Напавшие на Фригг две лодки настолько приблизились, что стрелы пролетали большей частью над самыми головами корабельщиков. Одному сбросили с головы шапку, другому стрела вонзилась в плечо. Но кормщик круто повернул и быстро удалился на веслах от преследователей. Стрелки же послали им еще стрел, поразивших несколько из их людей. В это же время подошла большая лодка. На ней был кормщиком Фастил, узнавший свою молодую хозяйку.

– Это ты, благороднейшая? – окликнул он ее.

– Я! Что случилось?

– Пересаживайся скорее ко мне. У меня безопаснее. Вооруженных людей и гребцов у меня больше, и лодка быстроходная.

Фригг и ее служанка перешли на подошедшую лодку. Продолжая отстреливаться, они скоро добрались до хутора, стоящего несколько выше городка. Он был окружен кустар-

никами, в которых скрывались защитники, не подпускаявшие никого из нападающих. Городок они сожгли, но приближение помощи с северных хуторов заставило сообразить, что они малочисленны и что возмездие их ждет. Они садились на лодки и бежали вверх по реке, только позаботившись, чтоб в городке ни одно здание не осталось целым.

Впрочем и это было не хлопотливо. Соломенные крыши, скирды хлеба, деревянные заборы, сеновалы – все слилось в одном громадном костре.

Войдя на хутор, Фригг застала мать в слезах.

– Страшная кара богов, – сказала Аласвинта. – Ночью нежданно подошла снизу лодка и остановилась за кустами. Менее чем через час загорелись у нас амбары, потом скирды хлеба. Когда запыхало все, стали быстро подходить лодка за лодкой с вооруженными людьми. Ворвались в городок неожиданно. Или измена была? Но я этому не верю. Кто у нас может быть изменником? Или же, что вернее, заранее забрались люди с первой лодки, незамеченные прокрались в городок и впустили своих, когда мы тушили пожар. Это не воинское, а разбойничье дело. Наши дрались уже в городке и выгнали грабителей. Но у нас все сгорело. Сколько у них кораблей, ты видела? Они бегут вверх по реке. Твой отец и братья отправились их преследовать. Все хуторяне сходятся. Им приказано собраться в отряд и идти вверх вдоль реки. Отец хочет дойти до пределов князя Гелимера и потребовать у него ответа за содеянное его людьми. Ни с ним, ни подавно

с царем Дидерихом никогда никаких столкновений не было. Никаких требований они не предъявляли. Нападение, сделанное их именем, – нападение разбойничье. Или они должны наказать виновных, или мы на них войной пойдем.

– Но у пленных не узнали ли что-нибудь? – спросила девушка.

– Пленных не брали, – отвечала Аласвинта. – Твой отец так разгневался на неожиданное нападение, что приказал всех колоть и резать без пощады.

– Если есть время, мать, то отмени это распоряжение и вели захватить, кого удастся. Если он того стоит, его после казнить можно.

Аласвинта последовала совету дочери. Нападение было уже обращено в бегство, и люди Нордериха их преследовали и рекой на ладьях, и вдоль берега конными и пешими отрядами, постоянно усиливавшимися присоединением хуторян с северных поселков. Но раненых в кустах подобрали несколько человек. Тяжело изувеченных прикончили, двух получивших незначительные повреждения привели к жене вождя. Один оказался гот, другой перс.

– Кто вами предводительствовал? – спросил оставленный Нордерихом для начальствования над охраной хутора Книва.

– Предводительствовал молодой Респа, тысячник князя Гелимера! – отвечал гот. – Пришли мы в город Тану на пяти кораблях для закупки товаров для нашей земли. В городе

встретили готов нашего же племени. Они корабельщики и слуги благородного Балты.

– Балты! – воскликнула Фригг. – Он в городе! Он ведь, говорят, очень болен был.

– Он и теперь болен, но участвовал в походе. Правая рука у него на перевязи и, кажется, высохла, ходит он, опираясь на палку, а лицо обвязано полотном. Но он все время был среди сражавшихся и давал указания для действий. Вел он себя как храбрый витязь, хотя и не сходил с лодки.

– Не он ли приказал Респе идти на нас? – спросила Ала-свинта.

– Не знаю, княгиня. Респа и Балта часто виделись в городе. Уходя, мы не знали, куда идем. Одна лодка ушла вперед. На ней был Балта. Мы подошли, когда городок уже почти сгорел.

– Значит Балта нас поджег! – воскликнула Фригг. – Неужели боги не пошлют ему постыдную смерть за такие дела!

– В городок он, вероятно, не входил! – объяснил гот. – Он хромает, и нога его обвязана в колене и ниже. Я говорил, что он с палкой ходит. Ему пролезть тайным ходом невозможно. Перелезли через насыпь и частокол его корабельщики или греки, привычные к дальним плаваниям по морям.

– У вас греки были? – спросил Книва.

– И греки, и персы, – отвечал пленник. – Вот тебе и тут перс стоит.

С персом пришлось объясняться через переводчика.

– Нас наняли! – объяснил он. – Наши корабли стояли у пристани, а караваны с грузом еще не приходили. Много было кораблей и наших, и греческих, и из других городов. На наши корабли стал ходить Амилкар из Сидона. Хороший купец. Мы его давно знаем. Сказал нам, что у готов война будет, что дальний царь на ближнего князя разгневался за то, что он его царем не почитает. За один набег он нам выдал от имени готского царя по три мины на корабль, и весь грабеж нам обещал. Только не в обиду будь сказано, грабить-то у вас оказалось нечего.

– И ты об этом очень сожалеешь? – насмешливо спросила Аласвинта.

– Как хочешь, благородная! – отвечал, не смущаясь, перс. – Мы, корабельщики, живем чем можем. Товар доставить – доведем в исправности. А прикажут город разрушить, и это сделаем по приказу, и камня не оставим. Не то, что солому пожечь. Это дело самое легкое. А у вас соломы-то больше всего и было.

– Теперь, по милости твоего Амилкара, – сказал Книва, – ты в петле ногами поболтаешь.

– На то воля богов! – смиренно произнес перс. – Еще говорил нам Амилкар, что здешний князь персов не любит, а дружит с богатыми евреями. Подосланные им сарматы помешали недавно нашим с кровопийцами как должно расправиться.

«Я знаю теперь, кто этого сидонца подослал!» – подумала про себя Фригг, но громко она только спросила:

– А еще ничего Амилкар не говорил?

– Помнится – ничего! Надеялись мы, правда, найти на твоих хуторах евреев, спасшихся от погрома из города со всем имуществом.

– Значит, на грабеж очень рассчитывали? – спросила презрительно Фригг.

– У тебя, говорили, скрывается сармат, злой колдун, который проданся евреям и колдует для них, нам на погибель.

– Понимаешь ли, мать, – воскликнула девушка, – все это сплетение клеветы!

– Вот грекам, – продолжал перс, – тот же Амилкар говорил о красавицах княжнах, которых князь Гелимер приказал привести под его светлые очи.

– Каких княжнах? – спросил Книва.

– Про то не ведаю, благороднейший! Говорили мне только греки, что на одном их корабле женское помещение устроено и отделано с большой роскошью. На этот корабль, кроме греков-корабельщиков, село и несколько готов.

– Не ясно ли тебе, мать, – спросила Фригг, – к чему клонилось все это предприятие? Книва! Кончай с этими разбойниками. Нечего больше у них спрашивать.

Пленные были отведены к ограде хутора и повешены на двух деревьях. Оставшись одна с матерью, Фригг бросилась с рыданиями к ней на шею.

– Это все дела Балты. Он хотел меня силой похитить и для этого не постоял за тем, чтобы уничтожить все наше достояние. Мать! Я должна у тебя и отца прощение просить. Я вам солгала. Тогда, помнишь, меня изранил не команский разбойник, а Балта в припадке ревности и неистового чувства, которое он называет любовью ко мне!

– Неужели! – всплеснула руками Аласвинта. – Я его знала за бешеную собаку, но не знала за подлеца. Смерть ему! Попадись он нам только в руки!

Фригг рассказала матери во всех подробностях безобразное похождение Балты в дубовой роще. Аласвинта не сдерживала громких возгласов негодования и клялась, что негодяй должен за эти злодеяния поплатиться жизнью. Он ведь первый нарушил мир, царивший между готскими племенами. Истязание и смерть – единственное возмездие, достойное его подлых дел.

В следующие дни Книва окапывался на хуторе и окружал его частоколом. Крепость получалась плохая и тесная. За неимением лучшего, можно было и в ней отстояться некоторое время. Но не подходило подкрепление от хуторян. Все они бросились в погоню за врагами. Многие же хутора, особенно находящиеся по реке, были сожжены, а жители их все перебиты. Ясно было, что незначительное княжество Нордериха разорено в конец, а горячность вождя, бросившегося преследовать своих обидчиков, окончательно все погубила.

Несчастливая Аласвинта, видевшая уже много набегов и

стычек с неприятелем, призвала на совет старого опытного воина Книву.

– Мы в пустыне! – сказала она ему. – Вокруг нас своих никого. Что нам делать? Нам помощь нужна. Теперь надо ждать такого же нападения. А пока муж не вернется, я с места не сойду. Лучше, с дочерью вместе и со всеми вами, умрем.

– Это и мы все решили! – отвечал ей Книва. – Умрем, но не сдадимся. А сил у нас не то что мало – их вовсе нет. Нас с десятью кораблями можно уничтожить. Мой совет тебе, благородная, послать гонцов в Тану и в Пантикапею. Проси помощи у царя босфорского. Он в ней не откажет. Но проси, кроме того, Валерия Сульпиция немедленно прислать своих воинов.

Аласвинта так и решила поступить. В тот же вечер были отправлены гонцы в Пантикапею и Тану.

Не прошло недели, как Валерий со своими воинами занял хуторок и расположился вокруг него укрепленным лагерем.

Прошла после того еще неделя. Известий от Нордериха не было. Не было и угрожающих признаков близкого нападения. Вечером, после ужина, римский вождь сидел у владительниц разрушенного городка Амала. Долгое отсутствие новостей и его тревожило. Он понимал, что здесь, между равными силами двух племен одного народа, борьба разыгралась не на шутку. Но теперь можно было быть более спокойными. У него достаточно силы, чтобы дать отпор дерзкому нашествию. В готовности царя Савромата остановить

всякое покушение на его границы нельзя было сомневаться. Приход его войска был только вопросом времени. Утешив женщин как мог, Валерий старался их развлечь, рассказывая о своих юношеских годах, когда, вместе с другом своим Марком Кокцием Нервой, он бывал при блестящем, но развратном дворе цезаря Нерона. Распушенность нравов римского двора приводила в ужас честные сердца Аласвинты и Фригг. Их удивляло, что Рим, владыка мира, мог дойти до такого падения нравов.

– Не все одинаковы и у нас, – заступился за своих сограждан Сульпиций. – Назову вам того же моего друга Нерву. Он старше меня лет на пять¹¹, но мы из одного города Нарпия в Умбрий и учились в Риме у тех же философов. Нерва был юноша даровитый. Музы его полюбили. Сложенные им стихотворения нередко напоминают божественного Вергилия. Нерон сам писал стихи и любил Марка Кокция. Заодно расположился он и ко мне и осыпал нас милостями. Нерву он часто звал: «мой Тибулл» – вспоминая о великом стихотворце славного века Августа. Припоминаю и стихи дорогого моего Марка. Он всегда чист и честен в мыслях; любит до страсти природу, поля, леса, горы и море. Часто он грустен, но и в грусти находит наслаждение. Любит женщину, но глубоко чтит в ней человека. Таковы были встарь и Вергилий,

¹¹ М.К. Нерва родился в 32 г., а умер в 98 г. н. э., пробыв два года римским императором. Стихотворения его не сохранились, хотя историки о них часто вспоминают, указывая на его близость к Вергилию и Тибуллу.

и Тибулл. Мог ли быть такой человек, как Нерва, у места при дворе Нерона, где царило вино и бесстыдство? И все же Нерва сохранил свободу мыслей и свободу действий. Он не участвовал ни в одном из безобразных пиршеств, не был ни на одном из кровавых представлений в цирке, где погибали сотни беззащитных, убиваемых гладиаторами и растерзываемых дикими дверями. Он продолжал изучать философию древности и в древних законах наших предков искал причину славы старинного Капитолия. Много вечером провели мы вместе, мечтая о лучшем будущем для Рима. Нерон злился на нас, но терпел, и кончил тем, что перестал обращать на нас внимание. Тем не менее цезарь Гальба счел нас приверженцами павшего императора и отправил Нерву в Галлию, меня в Сирию. Когда Веспассиан был избран консулом, власть с ним разделил и Нерва, но император Веспассиан оказался тяжелым по нраву человеком. Он был скуп, суров и часто несправедлив, не понимая в других людях тех чувств и страстей, которых не было в нем самом. С ним Нерва не поладил и удалился от него, хотя и без ссоры. Император Тит царствовал слишком короткое время и не успел вспомнить о Нерве, которого искренне любил. Домициан, ныне царствующий, никого кроме себя не любит, а людей с сердцем и волей – боится. Таким образом человек, такой как Марк Кокций, пробыв два года консулом, опять вернулся в Галлию к своему войску и много лет живет со своими соратниками далеко от родины. Я так же сделался почти азиатом, прожив

долго сперва в Сирии, потом на Босфоре. Но верьте, будь в Риме не один Нерон, а десятки их, Рим будет жить, пока будут живы истинные римляне, с сердцем и душой. А такой Рим будет всегда другом и покровителем соседних народов. Не притеснять их будет он, а только научит следовать славным преданиям древнего Рима.

В это время вошел гонец, запыленный, с грустным и потрясенным видом.

– Благороднейшая! – заговорил он, и слезы выступили у него на глазах. – Горе нам! Славный Нордерих и сыновья его погибли в бою против полчищ Дидериха. Мы осиротели, Вражьи войска идут на нас, чтобы окончательно разорить наши жилища.

Вдова и дочь готского вождя залились слезами. Сульпиций стоял перед ними молча, понимая, что никакими речами в таком горе утешить нельзя. Он обратился к гонцу:

– Расскажи, как дело было!

– Гнались мы за разрушителями нашего городка успешно. Они быстро уходили от нас, лишь изредка отстреливаясь. Падали наши, но пало много и их. Свернули они в реку, именуемую у готов Тронг-Тана, а у сарматов Донец. Мы несколько отстали от них. Но благородный Нордерих решил преследовать врагов до их селений. К нам подоспела подмога от наших северных хуторян. Мы шли вперед все вдоль реки. Встретившиеся нам рыболовы известили нас, что у Соленых озер собралась рать великая готов, не их племени и не на-

шего, а дальнего, идущие с запада. Мы догадались, что это должны быть люди Дидериха. Но около ста стадий от Соленых озер попали мы в густой лес. Там сидели наши недруги, и передовые отряды наши были перебиты. От Соленых озер скакали другие готские всадники, которые окружили нас кольцом. Сражение продолжалось целые сутки, день и ночь. Нордерих, доблестный воин, и сыновья его сражались как львы. Но на каждого из наших приходилось по пяти врагов. Несчастные князья наши были изрублены у нас на глазах. Но это еще не конец великой скорби.

– Что же еще! – воскликнула Аласвинта. – Говори!

– Много наших храбрецов было избито, хотя и врагам дорого досталась победа. Но раз узнали о славной кончине князя и его сыновей, немногие бросились вперед, чтобы отомстить за него. Многие же прекратили бой и с победителями отошли к Соленым озерам, где был стан князя Гелимера. На другой день собрались на народный совет. Большинство решило, что не зачем возвращаться к устьям Таны, где все пожжено и разорено. Небольшая кучка верных села на ладьи и вниз по рекам возвращается домой на старое пепелище. Большая же часть наших признали власть царя Дидериха и остались на его службе.

– Презренные негодяи! – воскликнула с горечью Аласвинта. – Остается мне только умереть.

– Не умирай, мать! – сказала, нежно обнимая ее, Фригг. – Не велика честь царствовать над подлыми предателями. Со-

берем верных и будем отстаивать каждую пядь земли. Если это нам не удастся, то широка земля у богов. С преданными нам людьми найдем, где жить, и оснуем новое царство, более славное, чем прежнее наше княжество.

КНЯЖНА И ВОЖДЬ НА ЩИТЕ

На другой день к вечеру пришло из города войско под начальством самого Агафодора. Он объявил, что скоро должен последовать и другой такой же отряд из Пантикапеи с одним из лучших вождей. В следующую ночь стали приходить и беглецы с Соленых озер. О сражении рассказывали они самые грустные подробности, а измена товарищей вызывала в сердцах их ожесточенное негодование. Все клялись в верности княгине и княжне. О Балте сообщили, что в боях он не участвовал и оставался на своей лодке, причем ранен не был. Но пустившись в такой дальний поход до полного излечения ран, от усталости и волнения он так заболел, что его лодка еще до конца боя ушла вверх по реке. Говорили, что он одержим страшной и весьма опасной горячкой и что его жизнь в большой опасности.

Вожди собрались на совет. Но не было сомнения, что победители придут сами или пришлют каких-нибудь степных хищников для разорения края. Сил ратных, чтобы дать им

отпор, было достаточно. Но важнее было наказать дерзких пришельцев и идти им навстречу, хотя бы до Соленых озер. В случае же победы над грабителями и доброй добычи от них, легко было отстроиться на более удобных местах. На следующий день все готские хутора пылали в огне, а римляне и босфорцы двигались навстречу неприятелю. Только небольшой отряд сопровождал женщин до города. Раненые, а так же Аласвинта с Фригг и несколькими служанками отправились вниз по реке.

Фритт выждала первого случая, когда мать ее отправилась в город. Она оделась в мужское платье, туго скрутила свои длинные волосы и уложила их в сетку, какие часто носили готские воины, и пошла к дому бень-Охозия. Она нашла Вадима почти здоровым. Он уже свободно ходил, почти не прихрамывая, только слегка опираясь на трость. Свежий румянец юности сменил мертвенную бледность, покрывавшую его лицо во время болезни. Он уже все знал о случившемся. Она бросилась ему на шею и горько заплакала, осыпая его поцелуями.

– Дорогая, – сказал он, – как я рвался к тебе. Но Люций Валерий обещал прислать мне гонца, когда достоверно узнает, где я могу тебя найти. Он же меня известил, чтоб я тебя ждал в городе. Не сегодня – завтра я могу сесть на коня. Я отомщу за твоего отца и братьев. Пусть оставшиеся верными твоей матери готы изберут меня своим вождем. Я завоюю тебе больше того, что было у твоих родителей, а после побе-

ды сложу власть перед избранником твоего сердца Амелунгом, которому ты протянешь свою княжескую руку.

Она подняла руку и зажала рот Вадиму.

– Не смей мне этого говорить. Не хотела я никого кроме тебя и прежде. Не хочу и теперь.

– Но простой воин не может быть князем у готов.

– Ты и будешь не князем, а вождем; а после побед и завоеваний никто не посмеет тебя попрекнуть в происхождении. Ведь и Амал был простой воин, а сделался царем всех готов.

– Мне не слава нужна, а твоя любовь! – воскликнул витязь. – Хотя и вещей Драгомир, и пророческие сны мне обещали славу великую. Подними друзей из сарматов, присоединяться к ним и некоторые евреи, которым распри с персами надоели; но из них возьму одних воинов. Торгашей мне не надо. Найду ратников и среди других племен. Не пройдет двух недель – выступим. Что бы ни сделали Агафодор с Сульпицием в царстве Дидериха, но я его разрушу и накажу всех негодных изменников. Еще Сатир с пантикапейцами идет к нам на подмогу. Война будет на славу, но я ее доведу до конца! – горячился Вадим.

Вошли Елеазар и Сара.

– О чем так горячо говорите, друзья мои? – спросил старый еврей.

– О войне, – отвечала Фригг. – Идем бить готов Дидериха, нарушителей мира и изменников против всего готского народа.

Сара побледнела, зашаталась и, сев на скамью, горько заплакала.

– И ты, Виллерих, идешь? – спросила она, рыдая. – Я думала...

Слезы ее душили, и она не могла более выговорить ни слова.

Фригг побежала, принесла воды и, сев рядом с ней, сказала:

– Милая Сара, выпей воды, успокойся и выслушай меня внимательно.

– Я думала, ты уверуешь, мой Бог будет твоим Богом! – продолжала всхлипывать еврейка, не обращая внимания ни на остолбеневшего отца, ни на тщетно пытавшегося ее успокоить товарища ее возлюбленного.

– Слушай же, Сара! – заговорила опять Фригг. – Была тайна, которая ввела тебя в заблуждение. Но тайна более не существует. Я тебе ее открою, и ты не плакать, а смеяться будешь!

– Неужели ты думаешь, что когда ты меня покинешь, смех не оставит меня навсегда, не сделается для меня невозможным! Останутся лишь горькие слезы. Я выплачу глаза свои до слепоты.

– Ничего этого, не будет! – властно сказала Фригг. – Я тебя люблю всей душой, как ты меня. Но послушай. Я такая же женщина, как и ты.

Сара взглянула на мнимого Виллериха безумными глаза-

ми.

– Ты, Виллерих, – женщина?

– Нет! Не Виллерих, а Фригг, дочь Нордериха, убитого в бою с воинами Дидериха.

– Княжна Фригг! – воскликнул не менее пораженный Елеазар.

– Да! Это я! – объявила готка. – Я люблю Вадима, и чтобы быть при нем во время его болезни, надела это платье и приняла не принадлежащее мне имя.

– Хвала Елоиму! – воскликнул Елеазар, поднимая руки к небу. – Сколько затруднений и опасностей устранилось.

Сара бросилась Фригг на шею.

– Милая, хорошая, – говорила она. – Позволь мне тебя любить, как сестру. Буду вечно молить Бога Авраама, Исаака и Иакова, да отстранит он от тебя все беды и напасти, и да благословит тебя и избранника сердца твоего, и потомков твоих, и народы, которые произойдут от славного вашего рода.

– Да будет так воистину и ныне, и во веки веков! – закрепил пожелания старый Елеазар.

Вадим и Фригг отправились вместе на корабль, где застали вернувшуюся Аласвинту. Она была поражена, увидя дочь свою в мужском наряде. Молодые люди объяснили ей о происшедшем и открыли все прежние тайны.

– Мы изгнанницы, лишённые всего! – сказала Аласвинта. – Не полагала я, что витязь благородный, именно в день

несчастья, пожелает соединить свою судьбу с нашей. Придите, дети мои, в мои объятия, и боги вас да благословят.

На другой день состоялось обручение, и старейшины готские соединили брачными узами Вадима и Фригг. Собрание всех готов, находящихся в Танаисе, провозгласило мужа княжны своей вождем их племени, и обоих вместе, обнявшихся, подняли на щит, в виду всего народа. До тех пор еще никогда не поднимали на щит ни женщин, ни воинов, чуждых роду Амала.

ЧАСТЬ 2. ЦАРЬ ВОДАН

ИСХОД АСОВ

Сборы заняли много времени. Желавших идти против гот царя Дидериха нашлось немало. Около нового вождя собрались все готы разоренного княжества, вернувшиеся после поражения у Солёных озёр. За их преданность молодой княжне и её мужу, боевые подвиги которого все не раз видели, можно было ручаться. Такие же верные ратники нашлись в большом числе среди степных сарматов, особенно из северо-восточных поселений. Недавно они потерпели от набегов команов и хонг-ниу, и поход мог поправить их дела.

Евреев и финикийцев присоединилось не много. Были среди них люди, разоренные при последних распрях с персами, греками и другими иноплеменниками. В распрях и погромах финикиянам доставалось обыкновенно наравне с евреями, так как они тоже занимались торговлей и ростовщичеством. Нередко попадались они и в похищении инородческих детей для жертвоприношений Молоху. Обличенных перед судом высылали вниз Босфорского царства. В случае же, если подозреваемым удавалось оправдаться, следовал разгром финикийских домов, при котором нередко расходившаяся толпа набрасывалась и на еврейские жилища. К ним присоединились и другие, теснимые еврейским обществом, или изгнанные из него. Это были вступившие в брак с иноверками или подозреваемые в сношениях с египетскими, персидскими или славянскими волхвами и звездочетами. Еще более было самарян, которых евреи презирали и с которыми избегали общения. Несмотря на разнообразие причин, побудивших семитов оставить гостеприимные берега Дона – их было немного, не более трехсот человек. Зато в большом числе сбежались люди с Кавказа – адиги, акеане, сванеты, колхи, иверы, армяне, массагеты, саки, косоги, а так же закавказские гирканцы и парфяне. Много представителей этих племен бывало в Фанагории; иные заглядывали и в Пантикапею. Распространившийся слух о наборе большой рати для нашего шествия на дальние степи привлек их к Танаису, и все охотно шли на призыв молодого вождя. Это были все люди, привык-

шие жить набегами и грабежом. Почти все имели прекрасных коней, стреляли из лука без промаха и были сильны и ловки; могли не утомляясь совершать дальние переходы и оставаться долго без пищи и сна. Многие корабельщики – греки и понтийцы – предлагали провезти по рекам всех пеших ратников, между тем как конные будут следовать вдоль берега.

Эта многочисленная и разноплеменная толпа не могла поместиться в городе. Кроме немногих, преимущественно начальствующих лиц, все пришельцы расположились станом большей частью вдоль реки, между разделением ее на два главные рукава, окружающие город, и тем местом, где отделяется от реки длинный, узкий и мелководный самый северный рукав. Здесь же стали и корабли, предназначенные для похода. Часть же стана вытянулась вдоль этого северного рукава, куда могли заходить только мелкие лодки.

Вадим ежедневно объезжал стан, осведомлялся о нуждах своих воинов, знакомился с их обычаями и подготавливал их к походу.

От Агафодора приезжали несколько раз гонцы. Война шла успешно. Готы Дидериха были оттеснены от Соленых озер, и война, была перенесена по ту сторону реки Лопани, в пределы царства Дидериха, более чем на тысячу стадиев к северу. Уже было разрушено два княжеских городка и разорено множество хуторов, но Дидерих все отступал к западу и не принимал общего сражения сосредоточенными силами.

Пора была двигаться в поход. Готы, тяготясь бездействием, уже учинили расправу над столь навредившим им финикийцем Амилькаром. В одно утро его нашли в роще распятым. Обнаженное тело его было с ног до головы вымазано медом и облеплено мухами и пчелами, поедавшими его живьем. Вадим выговорил подозреваемым в убийстве за самоуправство. В стане после этой казни не произошло никаких ссор, так как Амилькар был жестокий ростовщик.

Перед выступлением в поход Вадим простался со стариком Драгомиром в его лесной хижине. Старик благословил его в поход. Наблюдение пламени костра, как и прежде, предсказало ему победу и славу великую. Старый волхв сказал своему племяннику:

– Тайну призывания духов ты постиг вполне. Умей только всегда оставаться под охраной духов добра и правды и избегать нападков и козней злых и лживых. Ты призван быть великим человеком. Не пожелай слыть богом, даже когда невежественные люди будут возбуждать твое честолюбие и призывать тебя подняться выше, чем судил Господь единый. Духи истины всегда будут раскрывать мне все твои дела, и я, пока жив, буду следить за твоим каждым шагом. И ты, через духов, всегда узнаешь, доволен ли тобой твой учитель или нет. Но даю тебе еще способ сообщения, более прямой. Можешь мне писать письма, и я тебе буду писать. Ты кадмовы письмены знаешь. Для славянского языка имеющихся в них 23-х знаков недостаточно. Поэтому я прибавил их еще пять. Все

эти знаки начертаны на этом деревянном жезле. Если будешь держать в правой руке жезл этот, призывая духов, жезл заходит у тебя в руке взад и вперед, и из знаков, на которых будет останавливаться жезл, составятся слова и речения. Прими их за приговоры духов. У готов нет письмен. Имеющееся общение с городами пишут кадмовыми знаками. Степные не пишут и не читают вовсе. Дай им письмена по языку их. Велика заслуга твоя будет. Для доставления же писем ко мне, дарю тебе двух гонцов. Бери эту клетку, в ней два ворона. Приглядевшись к ним, легко научишься их различать. Да и они сами знают свои имена. Этого зовут «Мысль», а этого «Память»¹². А вот тебе два кольца раздвижных с замками. На каждом алый рубин. И вот два таких же кольца с зеленым изумрудом. Надень ворону кольцо с рубином на правую ногу, а кольцо с изумрудом, на тесемке или цепочке, на шею; он полетит от тебя ко мне. Я же надену ему кольцо с изумрудом на ту же правую ногу, а кольцо с рубином укреплю на шее, – и он полетит от меня к тебе. Послание же, писаное на тонкой древесной коже, сверни в трубочку и свяжи с перьями хвоста. Вороны наши не заблудятся никогда. Пролететь 900 стадиев в час им ничего не стоит, а раз в день, где бы ты ни был, сей на пути семена травы, которые я тебе дам. Запах трав тонок, но высоко поднимается к облакам и дойдет всегда до летящего ворона. Наблюдай и звезды, и по ним определяй свой путь и ту сторону, в которую я от тебя на-

¹² По скандинавским сагам, «Hugin» и «Munin».

хожусь. Да благословит тебя Единый Всеблагий и да подаст тебе победы и славу.

Вернувшись от старого волхва, Вадим приказал убирать шатры, садиться на коней и на корабли и выступать в поход. Многочисленная толпа танайцев провожала конницу и корабли, и громогласно высказывала удаляющимся воинам свои пожелания победы над врагами и богатой добычи – в вознаграждение за труды и опасности. Среди провожающих были Елезар и Сара. Бедная девочка горько плакала. Чувство, возросшее на почве нелепой, по недоразумению, любви, не ослабло, перейдя в дружбу, и она не могла утешиться при мысли, что, может быть, более никогда не увидит дорогих друзей.

ГИБЕЛЬ ДИДЕРИХА

По Дону и Донцу прошли благополучно. Встречали только несколько раз команов, налетавших как вороны на места законченных побоищ, чтобы разграбить остатки уже достаточно разрушенного. Они попадались малыми отрядами, и с ними расправа была коротка. Сарматские стрелки и иудейские пращники кончали всегда с ними скоро. У Меловых гор встретились и хонг-ниу, к которым уже успели присоединиться многие сарматские изгои, отщепенцы своих родов, которым, кроме разбоя, больше ничем жить не оставалось. Многие из них, сдаваясь в плен своим одноплеменникам, изъявляли желание поступить на службу в их рать. Как добрых воинов, их брали без затруднения. Вызвались служить и многие туранские хонг-ниу. Это были все люди малорослые, крепко сложенные, с весьма некрасивыми чертами лица. Кожа желто-бурого цвета, лоб низкий, голова круглая, как капустный кочан, и огромная, глаза узкие, раскосые, черные и блестящие, скулы выдающиеся, нос широкий, корот-

кий, вздернутый вверх, как будто раздавленный, губы толстые, мясистые; зубы даже у стариков белые, острые и широкие. Борода густая, но короткая, и растет только на подбородке, почти не захватывая щек, всегда черная, как смоль. Брови широкие, часто сходящиеся над носом.

– Что это за звери? – шутили некоторые сарматы и готы. – Это, кажется, помесь черта с ведьмой.

Но один из этих зверей, заметив на шее вождя победителей изумрудную звезду странного очертания, потребовал, чтоб его привели к нему. Став перед Вадимом, он поднял правую руку с вытянутым указательным пальцем вверх, согнув локоть под прямым углом. Три средних пальца левой руки он приложил раздвинутыми птичьим хвостом ко лбу, потом перенес их к сердцу, при этом произнес довольно длинное речение на непонятном горловом языке. Вадим повторил те же движения и отвечал по-славянски:

– Хвала Ему, Единому, Всевышнему, на земле, на небе и за небесами, ныне, до века и после веков! Говори, кто ты?

– Я Зур-Иргак, – отвечал степной дикарь, через переводчика, пленного комана, знавшего по-готски.

– Когда посетили тебя духи правды?

– Пять лет назад в Богучаровой степи.

– Кто раскрыл тебе очи?

– Вещий Родимир.

– Но ты сарматских слов не знаешь?

– Не знаю, но духи великие вложили в уста вещего учите-

ля слова нашей речи златаусской.

– Велик был древний Богучар, – сказал Вадим. – Мудростью прославились ученики учеников его. Брат мой Зур-Иргак, вступи в ряды нашей рати и из своих бери всех, кто пожелает. Поход у нас будет великий и славный. А теперь позаботься, чтоб нам иметь больше коней. На кораблях мы далеко идти не можем. Нам надо для быстроты движения усилить конные отряды.

– Это легко сделать, великий хан, – сказал Зур-Иргак. – При разгроме готских хуторов, сбежало много коней. В степи за Солеными озерами диких тарпанов много. У тебя же, хан, видел я, арканщики есть такие же, как в Богучаровой степи. Тех я видел в деле. А наши и команские арканщики таковы, что ты, хоть и молодой витязь, а верно наслышан о них. Облаву сделаешь и доволен останешься.

Дело было выполнено прекрасно. Коней и диких, и одичалых наловлено множество. Самых необузданных взяли себе команы, хонг-ниу и степные сарматы. Более объезженные были переданы босфорцам.

Корабельщики получали расчет золотом и серебром, которого было довольно у заправил похода. Добычи до сих пор не было, так как все время шли или через дружественные или через вконец разоренные страны.

Готы уходили в степи все дальше и дальше от преследующих, но часто обращались против них неожиданно и делали внезапные набеги. Городков и хуторов было разрушено

МНОГО.

КОГАН САРКЕЛ

Долго шли степью, встречая разбросанные готские хутора и укрепленные городки. Везде жители встречали их хорошо и провожали пожеланием побед. Но вот хутора стали встречаться реже и реже, и наконец они увидели громадный стан, состоящий из войлочных шатров, окруженных громадными телегами, связанными железными цепями. Вокруг пасся скот в изобилии – огромные серые волы с длинными, загнутыми в обе стороны и вперед рогами, жирные бараны и овцы, козы с длинной и тонкой шерстью. Засеянные и окруженные плетнями поля показывали, что жители – народ не вполне кочевой, а собирающий жатвы и перемещающийся только в случае крайней необходимости. Кони их небольшие, крепко сложенные, были похожи на команских и сарматских. Шапки на них высокие, остроконечные, из белого войлока, одежда – длинная рубашка и короткий плащ из шерсти или звериной шкуры. Доспехи – на одних из толстых воловьих шкур, на других – из больших блях разного очер-

тания, нашитых узором на кожу. Черты смуглого лица правильные, носы строгие, прямые, черная борода острижена по сторонам, образуя клин, широкие брови сдвинуты и нахмурены, глаза глубоко сидят под густыми ресницами и горят темным огнем. Женщины очень красивые, но и они смотрятся суровыми ратниками. И мужчины, и женщины держатся осанисто, говорят медленно, придавая вес каждому произносимому слову. Видя приближение скопища инородцев, они сели на коней, и вооруженная сотня выехала вперед.

– Что за люди! – крикнул их предводитель.

Язык их оказался понятным для многих. В нем были и команские, и сарматские слова.

– Мы асы! – отвечал высланный к ним для переговоров. – Идем из-за Дона реки. Разорили царство гота Дидериха. Идем, ищем поселения в лесах. В степи добрых людей обижать не станем.

– Доброе дело сотворили, – сказал старший из всадников. – Царь Дидерих и его готы нас часто обижали. Были у нас станы по реке Лопани. Разорили они нас и загнали в эти степи на запад.

– Не продадите ли нам скота? – спросили пришельцы.

– Можем! И на золото, и на серебро продадим. И на оружие менять согласны. Надо Когана нашего спросить, да старейшин. Располагайтесь станом по ту сторону ручья. Да ночью разъезд вышлите. Пусть нашему помогут. А то команы иногда по ночам бродят да наш скот воруют. А вот и сам Ко-

ган Саркел едет на вороном коне.

Саркел был высокий, плотный старик с белой бородой. Броня его состояла из больших шестиугольных и четырехугольных железных пластин. Шапка медная имела очертание чешуйки на плоде ели. Меч его был длинный и кривой. В руке он держал длинное копьё. На плечах была медвежья шкура, подбитая красной шерстяной тканью.

К нему выехали гот Тотила и сармат Пересвет, за которыми следовали несколько начальников малых отрядов и ратники от разных племен, около ста человек.

– Я желал бы видеть вашего вождя или царя! – сказал Коган.

– И наш царь Водан будет рад тебя видеть! – объявили ему.

Водан со своими приближенными подъехал к Саркелу, а вокруг них собрались поодаль как пришедшие чужеземцы, так и жители кочевья, число которых все прибывало.

– Намерения мои самые добрые, – объявил Водан. – Мой народ ни тебя, ни твоих одноплеменников не обидит. Мы здесь только сделаем привал на несколько дней и запасемся скотом и хлебом, Конечно, если ты согласишься.

– Разрешаю, – сказал Коган, протягивая руку Водану. – Видал ты наш скот, когда проходил степью?

– Свиной только не видал, а мои люди любят свиное мясо.

– Мы их не держим. Мерзость они нам. Но быков, баранов, коз тебе продадим. Благословил нас Господь приплодом

в этом году. Располагайся станом за ручьем, а сам войди в шатер мой вкусить пищу и меду стоялого. Будь гостем, и да будет благословение Адоная над тобой.

– Ты еврей? – спросил Когана Елисей бень-Матфан, сопровождавший царя.

– Мы не евреи. Хозарами называется наш народ! – объяснил Саркел. – Многие из наших родов доньше пребывают в гнусном язычестве и поклоняются идолам, мерзости праотцев наших. Но есть роды, наш в том числе, просвещенные Господом и свято соблюдающие закон, данный от Господа великому пророку Моисею. Прошу и тебя, и других друзей царских посетить шатер мой. Увидишь, что живем мы подобно праотцам вашим: Аврааму, Исааку и Иакову, как они жили до переселения Иакова в Египет. Городов не строим, пасем скот, сеем и собираем в житницу до следующего посева. Сами никого не обижаем, но и себя в обиду не даем, и на хищников идем войной, как Авраам ходил войной на царей, ограбивших Содом и полонивших Лота, когда его благословил Мельхиседек.

Хозарские вожди разделили между собой вождей асов и в шатрах своих угощали их всем лучшим, что имели. Воины-асы расположились станом, отделяясь от хозар ручьем, протекавшим по неглубокому оврагу. Царь и царица асов с несколькими приближенными отправились обедать в шатер Когана Саркела. Подали им умыть руки и ноги из глиняных, красиво расписанных сосудов, поднесли благовония

для омочения головы. Затем они не возлегли, а сели, поджавши ноги под себя, на обширном войлоке вокруг низкого деревянного стола. Коган прочел молитву и преломил хлеба, которые раздал гостям. Около него сел почтенного вида старец с длинной и широкой белой бородой. Это был учитель и книжник равви Иеред бень-Ламех из колена Завулона, давно проживающий среди хозар, первый советник Когана. Он говорил хорошо по-еврейски и несказанно был рад найти в войске асов Елисея бень-Матфана, Давида бень-Иозефа и Нафана бень-Гедеона из Иудеи и Исава бень-Израэль и Иону бень-Маниссию из Самарии, которых царь Водан привел на пир к Когану.

Царь и Коган рассказывали друг другу о происхождении их племен. Видимо, хозары пришли оттуда же, откуда и готы: из-за далекого моря Хвалынского, с Иаксарта-реки и из северной Согдианы. Но много веков уже кочуют они по степям Понтийским. Долго не знали они истинного Бога, но пришельцы от Иегуды и Израиля, нежелавшие подчиниться чужеземцу идумеянину, пришли к ним и осветили их лучом солнца правды. Хотя и ныне многие хозары продолжают пребывать во тьме и поклоняться идолам, но многие так же познали свет правды и знают истинного Бога, явившегося в стране Израиля Аврааму, Исааку и Иакову.

– А твои люди, – спросил он Водана, – какому Богу веруют?

– Люди мои, – отвечал Водан, – племен разных и веры раз-

личной. Есть – обученные греческими и восточными мудрецами. Есть степные люди, верующие в своих духов, нам неизвестных. Есть, как тебе уже известно, мудрый Коган, евреи и от Иегуды, и от Израиля. Но все веруют, что призвание наше – основать великое царство на западе на реках великих, в лесах непроходимых, где врагам доступа нет.

– В союзе сила! – изрек равви Иеред. – Придет день Господен, и Елоим просветит всех темных, и они узрят свет. Протяну руку малому, и он поддержит тебя в деле великом.

– Мудро изрек ты, равви Иеред, – сказал Водан. – В стране Босфорской и где течет Дон-река, слышал я такое сказание, завезенное к нам издалека финикийскими мореходами. Жил был в селении бет-Таханак близ славного города Тира, бедный рыбак, именем Имилькон. Была у него жена Арис, добрая, красивая, но в первый год по свадьбе случилась с ней беда. Хотела мужу помочь щоглу¹³ ставить, да дерево свалилось ей на ногу и перебило колено. Арис осталась хромой и не могла далеко отходить от хижины своей и собирать плоды земные. В доме готовила она пищу из приношений мужа, но ходила, только опираясь на костыль. А детей мужу своему Имилькону принесла Арис много. Прошли годы, и было у Имилькона и Арис девять сыновей и девять дочерей. Старшие сыны сопровождали его на рыбную ловлю, дочери, перворожденные, нянчили младших детей и собирали по скалам рыбы остатки и травы морские для единственной козы, мо-

¹³ Мачту.

локом которой вся семья питалась, когда улов был плохой. А несчастная Арис старела от тяжелой жизни. Ей не было еще сорока лет, когда и не сломанная нога стала ее плохо поддерживать, и вместо одного костыля пришлось ей взять два, подкладывая их под оба плеча. Но Имилькон верил в своих богов. Главный бог их – Молох, жестокий бог. Он любит человеческие жертвы. Однажды Имилькон отправился на рыбную ловлю один. Старшие сыновья остались при матери. На море сошел густой туман, поднялась буря. Лодку затопляло волнами. Лихой мореход был Имилькон, но волны били все сильнее и сильнее и угрожали потопить его каждое мгновение. Долго носился он, надеясь добраться до берега, но время шло, туман сгущался, буря крепчала, а все не видать было признаков земли. Понял бедняга, что его уносило бурей в открытое море. В свисте ветра слышались дикие звуки отвратительного пения.

«Это духи бурного моря поют мне погребальную песню, – подумал он. – Видно пришел мой последний час».

Имилькон вознесся душой к богам и молился им, не за себя, а за жену и детей. Мимо лодки пронеслось бревно от сломанного корабля. На нем сидело три ворона, которые неистово кричали. Имилькон задрожал при виде зловещих птиц, но их пронесло в одну сторону, его в другую. Голод и жажда мучили несчастного морехода, силы его истощились, он упал на дно лодки и потерял сознание.

Вдруг почувствовал он, что его лодка днищем царапнула

по отмели и толкнулась в берег. Солнце ярко светило на ясном синем небе. Холмы и горы заросли пальмами, смоковницами, чинарами, сливовыми деревьями. Поля и нивы пестрели хлебом и травой, издававшей восхитительное благоухание.

На встречу Имилькону шел старец в белой одежде. Борода его доходила до пояса и в ширину покрывала всю грудь. Он опирался на посох из слоновой кости, выложенный золотом. Перед ним бежала великолепная, совершенно белая длинношерстная коза с золотыми рогами и весело попрыгивала по траве.

– Откуда, мореход? – спросил старец.

– Из страны Тирской, – отвечал ему Имилькон.

– Далекое! – сказал старик. – Ты на Счастливых островах¹⁴. Живут на них лишь духи морские. Но я тебе вреда не сделаю. Не знаю только, как сыновья мои. Любят они кровь человеческую сосать. Все же переночуй у нас. Если умилиставишь их, то вернешься домой без вреда. Не встречал ли ты их в море?

– Нет, я только видел трех воронов, – отвечал Имилькон.

– Да это они и были! – сказал старик. – Но все равно. Пойдем. Ты верно очень голоден, а у меня на столе и дичь лесная, и рыба морская, и вино, и мед стоят.

И старик ввел Имилькона в пещеру под самой высокой из гор. В пещере все сияло золотом и камнями самоцветными.

¹⁴ Канарские острова.

На столе было более ста кушаний мясных, и рыбных, и хлебных, и молочных. Имилькон ел и пил, как никогда. Старик хозяин ел мало, а говорил еще меньше. Вдруг послышался шум и крик. Старик вышел и вскоре вернулся со своими сыновьями, обратившимися из воронов в богатырей, страшного вида. Имилькон испуганно вскочил при их виде, но те усадили его, стали с ним пить и есть и скоро совсем подружились с тирцем и даже пригласили его с собой на другой день на рыбную ловлю, чтоб ему было с чем домой вернуться.

Вышли они в море в сильнейшую бурю. Один из великанов сидел у руля, другой на носу, третий у паруса. Имилькон – у черпака. Они неслись, как бешеные, не уменьшая парусов, лодка смело резала волны, и с кормы лился настоящий водопад. Наконец буря утихла, и они принялись за свой промысел. Рыбы было такое множество, что богатыри безостановочно вытаскивали добычу. Имилькон тоже чувствовал беспрестанно, как его лесу тянула рыба, но лишь только дотянет он ее до поверхности воды, как она сорвется; так ему от этой ловли ничего и не попало, а великаны наловили полную лодку. Бедняга Имилькон вернулся с пустыми руками. Стал он жаловаться старику хозяину. Тот дал ему волшебную дудочку, и на другой день Имилькон ловил так же удачно, как и стариковы сыновья, и, вернувшись, получил на свою долю полные три корзины рыбы.

Но он скоро затосковал по семье и, от души поблагодарив хозяев, собрался домой. Старик дал ему при прощании но-

вую восьмивесельную лодку, полную муки, полотна, шерстяной ткани и других полезных вещей, и пригласил его весной вернуться на его остров для новой добычи. Имилькон с радостью согласился еще раз посетить своих друзей, но спросил, какого направления надо ему держаться, чтоб попасть на Счастливые острова.

– Держись за вороном, когда он летит в море, – сказал старик. – Счастливо до дому добраться! – добавил он на прощание.

Имилькон отошел от берега, и тотчас Счастливые острова скрылись в тумане, а кругом засверкало безбрежное море. Но лодка его росла и росла. Он не мог уже с ней справиться и должен был зайти в город и нанять корабельщиков. Лодка сделалась большим кораблем, и весь он был нагружен рыбой и разными товарами. Придя в город Тир, они стали выгружать рыбу и товары, но сколько ее ни вынимали, все корабль оставался полным. Имилькон продал и рыбу, и товары. Корабль, уходя из Тира в бет-Таханак, опять стал уменьшаться и сделался опять восьмивесельной лодкой. Имилькон купил себе корабль и нанял корабельщиков. Еще два раза ходил он на кораблях своих на Счастливые острова, но всегда брал с собой восьмивесельную лодку, выраставшую каждый раз в огромный корабль и обращавшуюся опять в прежний вид по разгрузке. Он скоро сделался самым богатым человеком в Тире, сыновьям всем выстроил корабли, а за дочерьми дал в приданое богатые дома. Ног своей дорогой жене Арис не мог

возвратить, но ее носили в золоченых носилках или возили в богатой колеснице, запряженной четверкой прекрасных белых коней, и она, живя в довольстве и покое, стала крепче и здоровее и менее чувствовала свое несчастье. Человеческих жертв Молоху Имилькон не приносил, но каждый год, в день, когда он впервые прибыл на Счастливые острова, он убирал дома и корабли свои цветами и зелеными ветками.

БЕНЬ-МАТФАН

– Замысловата, царь, твоя сказка! – сказал Елисей бень-Матфан. – Конечно, смелость и доверчивость Имилькона полонили сердца волшебников или духов, хотя они и жестокие людоеды и оборотни были. И ты, царь, милостями своими и радением о всех воинах твоих завоевал сердца этой разноплеменной и разноверующей толпы и можешь надеяться, что царство твое разрастется, подобно кораблю финикийца. Но не очень льсти себя надеждами, что лютые звери, которых ты много принимаешь в свою рать, когда-нибудь сделаются людьми, и не гневись на нас, слуг твоих, что прикосновение иных из них нам кажется нечистым.

– Может ли быть человек нечистым для человека? – строго сказал Водан. – Веруй каждый по своему, это я сам требую, но приравнивать своих соратников к диким дверям, этого я не могу допустить.

– За дружбу с язычниками и избрание жен среди дочерей их, – сказал Елисей, – не был ли сам мудрый царь Соломон

осужден Господом, и не за этот ли великий грех его десять колен Израиля были отторгнуты из рук сына его Ровоама? Не за общение ли с инородцами рука Господня поражала в Израиле Иеровоама, Ахава, Иоахаза и других царей до Оссии? Не за то же ли карал Господь Ровоама, Ахаза, Аммона, Иоакима, Иохазу и Седекию – царей иудейских?

– Не за то! – отвечал ему равви Иеред. – Лучшие годы дружбы царя Соломона с тирцами и сидонцами были годами построения и освящения храма и великой славы Соломона. Господь карает вероотступничество, а не общение с иноверцами.

– Мы, следуя заветам учителей наших, даже руки омываем не только по общении с язычником, но и с евреем, если не знаем, до чего идет его благочестие, – сказал Елисей.

– Мы из писания только одному Моисею верим, – сказал Иона. – Пророков читать нет греха, это то же, что греческие писатели. Верить же каждому их слову нет веления от Господа.

– А вот почему нет достоверных, неопровержимых преданий, – сказал Иерд. – Это знают все люди книжные. Царь Иоанн Гиркан, разоритель врагов, завоевал Галилею, Самарию и покорил идумеев, принудив их к принятию закона Моисеева. При завоевании Самарии, он до основания разрушил храм Гаризинский, где самаряне собирались праздновать священные дни и приносили жертвы Господу. Он хотел заставить их приходить на молитву в Иерусалим, но они зна-

ли, как их там принимают – наравне с нечистыми животными, и неохотно шли в град Давида и Соломона. И от разрушения храма Гаризинского велика была скорбь во всей Самарии. И совершив все дела свои, царь и первосвященник Гиркан собрал священников, левитов и книжников на великий пир. И в конце пира он сказал им: «Отцы мои и учителя. Вам всем ведомо, что я покорный ученик и почитатель ваш. Всегда я слушал и исполнял ваши мудрые указания. Говорите каждый! Кто из вас думал, что я в чем-либо уклонился от пути истины? Говорите, советуйте! Если я брожу во тьме, укажите мне свет! Дайте мудрый совет. Я ему последую немедленно». Все встали. «Благословение Елоима над тобой, царь, – заговорили и священники, и книжники, и левиты. – Мы ли осудим великие, перед Господом, дела твои? Мы все единодушно встаем, чтобы заявить перед Израилем и миром, что мы в тебе всегда видели величайшего из царей и достойнейшего из первосвященников и великого правителя Господа на земле. С путей, указанных Господом, ты, царь великий, никогда не сходил, и счастлив вовеки тот, кто пойдет путями, тобой указанными». «Так и будет во веки веков! – изрек царь Гиркан. – Вы мне верьте – как я вам верю».

– Славный царь был, – радостно заметил Водан.

– Погоди радоваться, – остановил его Саркел, – дай равви Иереду досказать эту историю, в которой, я уверен, ни я, ни ты, не пожелали бы быть участниками.

Иеред продолжал:

– Но среди собрания пирующих был священник и великий книжник Елеазар, из рода Елеазара, сына Аарона. Он стал среди палаты, где происходило пиршество, и громко воскликнул: «Да здравствует на многие лета царь Гиркан! Великий царь! Если хочешь быть воистину праведным, ты меня, раба своего, послушай. Если хочешь, как ты говорил, внять голосу правды, последуй совету меня, недостойного: будь царем, надень золотые доспехи и веди нас на бой с врагами. Но звание столь высокое, первосвященника, передай иному, которого изберет Адонай-Господь, чрез недостойных рабов своих, священников и левитов». Царь удивился и спросил: «А какая тому может быть причина? Отец мой Симон и дядя Ионафан разве не со славой исполняли священные обязанности первосвященника? Разве не достаточно славны в летописях народа иудейского имена Маттафия и сыновей его? Род Маккавеев освободил Израиль от чужеземного ига и славно его будущее во веки веков!» «Все так! – ответствовал Елеазар. – Но, во имя славного рода Маккавеев, я тебя и прошу сохранить царство и отказаться от первосвященства». «Так открой мне причину! – сказал Гиркан. – Было тебе видение или откровение свыше?» «Царь! – сказал коленопреклоненно Елеазар. – Тебе самому ведомо, что, когда город Модайн был взят сирийскими воинами царя Антиоха Епифана, твоя мать попала в плен к сирийцам и оставалась в их руках, пока блаженной памяти Симон, отец твой, не взял города обратно. Теперь мы не знаем, чей ты сын:

Симона, Антиоха или неведомого сирийского военачальника?» Слыша такие слова, все книжники онемели. Сорок лет царь Гиркан уже был первосвященником. Заявление Елеазара его возмутило. «Что скажете, священники, книжники и левиты!» – воскликнул он. Все продолжали молчать. Царь был до того разгневан, что призвал воинов своих и приказал им всех присутствующих избить, кроме Елеазара, который был отведен в темницу и затем всенародно сожжен заживо. Но многие книжники не были на пиру у царя Гиркана. Они стали мстить за учителей и братьев своих, и враждовали с царем до самой его смерти. В народе тогда уже начали появляться чистые, обособленные, как они себя начали звать. От слова «фарас» – отделиться, они стали называться фарисеями, и, мнится мне, что уважаемый бень-Матфан из их числа.

– Ты это сказал, а я этим горжусь! – горячо воскликнул Елисей.

– И я тебе скажу, – продолжал так же спокойно равви Иеред, – что ваши люди чаще всего люди почтенные. Они горячи, они очень уверены в своем уме и совершенстве. Но они не враги истины, и им часто мучительно хочется иметь откровение, подобное Моисею и пророкам. Явись учитель, не согласный с их учением, они будут его оспаривать, они запретят ему говорить, но на убийство они не пойдут.

– Велико человеконенавистничество среди учеников бень-Шетарха, – сказал Иона бень-Манассия. – Я колена Манассии. Был я в Иерусалиме раз в жизни. Везде принимали

меня хуже язычника. Бывали такие, которые мне серебреники, которые я должен был от них получить, не давали в руки, а швыряли на скамью, говоря: «На! Бери, самарянин!» И раз я, уходя из их дома, вижу, сейчас начинается моление, кропление благовониями, окуривание. Одно мое присутствие делало уже дом их нечистым. Но не все иудеи одинаковы, – продолжал Иона бень-Манассия. – Моя бабушка часто рассказывала нам, как еще в молодости встретила она одного иудея, который, говорила она, верно пророк, гораздо больший, чем все те, которых книги хранятся в храме Иерусалимском. Бабушка моя была колена Ефрема и жила в городе Сихар, близ участка земли, данного праотцем Иаковом сыну своему Иосифу. Бабушка была молодая и красивая женщина, но все работы по дому выполняла сама. Ходила за водой сама очень часто. Идет под гору к колодцу. На голове у нее амфора. Колодец же у нас священный. Его приказал вырыть еще патриарх Иаков и сам при рытье его несколько лопат земли вынул. Сняла амфору с головы, привязала к ней веревку и опустила в колодец. «Дай мне пить!» раздался близ нее мягкий, кроткий голос. Она обернулась и увидела молодого иудея, с длинными волосами, раздвоенными по сторонам. Глаза его пристально на нее смотрели. Было что-то доброе, вдумчивое в этих глазах. Бабушка моя стала перед незнакомцем и как-то оцепенела, не зная, что сказать. Она столько иудеев на своем веку видела и так много терпела от них оскорблений, что в эту минуту своим ушам не

верила. «Ты, – сказала она, – просишь пить у меня? Кто ты и кто я?» «Если б ты знала, кто я, – сказал незнакомец, – ты бы у меня попросила воды живой. Кто выпьет ее, тот не будет жаждать во веки, а вода сделается в нем источником жизни вечной». Бабушка не понимала слов этих и сказала иудею: «Неужели ты более отца нашего Иакова, который дал нам этот колодец? Он сам из него пил, и дети его, и скот его. Дай мне воды живой, чтобы мне более не иметь жажды и не приходиться сюда черпать». Но потом она сама не рада была, что продолжала этот разговор. «Поди, позови своего мужа и приди сюда!» сказал ей странник. Услыхав требование иноплеменника, смотревшего на нее своими кроткими, но пронизательными глазами, она растерялась и едва внят-ным голосом проговорила: «У меня нет мужа». Он ей ответил: «Правду ты сказала, что у тебя нет мужа. Ты имела пять мужей, а тот, которого ныне имеешь, не муж тебе; это справедливо ты сказала». Бабушка остолбенела. «Я вижу, что ты пророк!» – воскликнула она. Взглянув на Гаризинскую гору и увидев развалины храма, разрушенного Гирканом, она рассказала пророку о скорби всей Самарии, и доньне терзающей сердце всякого сына Иосифа. Он тогда произнес слова, которые бабушка так часто повторяла, что я помню их слово в слово: «Поверь мне, что наступает время, когда не на горе сей и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу. Настанет время и наступило уже, что истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников

Отец ищет себе. Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине». А ведь правду сказать, именно духа-то у учителей иудейских и нет, а потому и учение в устах их не трогает сердца. Два дня прогостил чудный незнакомец в Сихаре, в доме и ныне принадлежащем моему отцу. Много сходилось людей из Сихема, Сихары, Самарии и других мест. Многие поучались у пророка, а многие и поныне верят, что Мессия, обещанный пророками, уже пришел на землю и свет учения Его скоро озарит весь род человеческий. Что касается моей бабушки, то она всю жизнь помнила чудного незнакомца и часто видела его во сне. В горе он ей был утешением, в сомнениях ниспосылал решения благие и удерживал от зла. Прошлого года, когда я был уже в Танаисе, она умерла и, умирая, видела его в облаках, в сиянии славы. Лицо ее приняло радостное выражение. Она громко, с великим восторгом воскликнула: «Иду, Господи, иду. Прими меня, грешницу!» И почил.

– Верю я, – сказал Елисей, – что твоя бабушка была почтенная женщина. По словам твоим, я полагаю, что ее пророк был один из учителей ессеев. Они одеваются просто, имеют общий стол, молятся при восхождении и захождении солнца, постятся, воздерживаются от клятвы. Многие пребывают в безбрачии. Они много говорят о поклонении Богу в духе и истине, и для них все люди равны. Но, конечно, не из ессеев изойдет Мессия. Время его близко. Семьдесят седьмин пророка Даниила завершились. Царствие вавилонское,

персидское, македонское погибли; четвертое, железное римское царство идет к упадку. Придет скоро великий вождь Израиля. Он низвергнет цезарей с престола римского и сделает народ Божий властителями мира. Земное царство Мессии, – продолжал Елисей, – продолжится тысячу лет. По окончании их, Господь призовет Мессию к себе. Тогда же сторит земля и все дела ее. Затем последует воскресение мертвых и последний всеобщий суд для человеков праведных и злых, верующих и язычников.

– Все это возможно, – отвечал Елисею Иона. – Но не возможно ли и то, что Мессия будет не царь, а лишь великий пророк, который научит людей быть праведными и любящими, и укажет им путь к царствию Божию? Так мыслили многие друзья, собравшиеся у моих деда и бабушки.

– Так царствие Божие не придет на земле! – возразил резко Елисей.

– Как не придет? Придет и вселится в нас! – отвечал горячо самарянин.

– Как это так? – спросил раздраженно Елисей. – Царствие без царства и царя я не понимаю.

ЧЕРНИГ, БРАНКО И ПОЛТАВ

Около месяца простояли асы в степи, располагаясь станом через ручей против хазарского. Сарматские кузнецы поставили свои огни и наковальни над ручьем и работали для хозар обоюдоострые мечи, перерубающие всякое железо, щиты из воловьих кож, обитые медью и железом, грушевидные и сходные с еловой шишкой шлемы, доспехи наборные. Хозары за оружие платили им быками, баранами и козами. Многие воины ходили на охоту в степь и в небольшой лес, не слишком отдаленный от стана. Приносили оленей и диких коз. Били и диких свиней, и множество зайцев, которых хозары не трогали, как животных нечистых, и которые поэтому развелись в стране в невероятном количестве. Сарматы и готы жарили их на своих вертелах в стане. Евреи же смотрели с омерзением на это потребление поганых зверей.

Они не ели и не пили, собирались три раза на молитву и, расходясь по шатрам, сидели неподвижно и пели, славословя Господа. Они даже старались не выходить на солнце,

чтоб не нарушать субботу, делая тень. Водан приказал своим в этот день не входить в стан хозарский, а для песен и веселья удаляться от него возможно дальше. Хозары очень оценили такое уважение к их обычаям и за это оказывали асам всякую помощь во всех делах. Однажды в хозарский стан вошли люди конные и пешие. Саркел выслал к ним на встречу своих людей, и начальники прибывшего отряда вошли в их шатер. С Коганом говорили они через переводчика по-хозарски. Между собой же они объяснялись на чистом сарматском языке. Коган пригласил Водана присутствовать при переговорах.

– Это соседи наши, люди добрые, – объяснил Коган. – Они живут по Днепру реке и по другим добрым рекам. Зовутся они северянами. Просят у нас помощи, команские племена от Сулы-реки прочь отогнать. Не хочешь ли, царь, и ты нам помочь? Они тебе и лесные страны укажут, где ты со своими людьми поселиться можешь.

– Воевать я всегда готов, – сказал Водан. – Дай услышать голос грома, дай услышать бури вой! Лишь среди тревог и шума у меня в душе покой. Со славянами же я пойду на край света. Ответствуйте, витязи доблестные, каким князьям и царям повинуетесь? Кто у вас славный господин?

Воин с седой бородой отвечал Водану:

– У нас ни князей, ни царей нет. В селах каждый род живет особо, и на войне, и на молитве, и в управе, и на суде все решает старший в роде и мир. Старшина против мира нико-

гда не идет, но и мир редко когда восстает против старшины. Он ведь всегда храбрейший и мудрейший из нас всех. А в городах, где много родов живет вместе, там все собираются на вече, и всем правит избранный вечем посадник. Вот я на Суле посадник, а зовут меня Черниг Усмаревиц, а это добрые богатыри наши: Бранко Мечиславич и Полтав Микулич.

– А великого господина у вас нет? – спросил Водан.

– Великих господ у нас много! – отвечал Черниг. – на Суле, на Орле, на Десне, на Трубеже великие господа – города крепкие, частоколы дубовые, насыпи высокие, рвы глубокие, вокруг засеки с тесными проходами и леса дремучие. Великие господа – все города северские, и положить вече идти войной на какого врага – вся страна поднимается, и дружно и смело выходим мы на своих обидчиков.

– Но кто у вас на войне главный начальник?

– Да кого города великие удостоят и изберут на вече. Ныне меня избрали! – сказал Черниг. – Ходили и Бранко, и Полтав не раз бить врагов. Кого мир избрал – того нельзя не слушать.

– Значит особого царя царей, как у сарматов, у вас нет? – допытывался Водан, все вспоминая о сарматском господине.

– У нас всякий город сам себе великий господин, – повторил Черниг, – и своей властью избирается всеми городами ратный воевода всего народа северского.

Сборы в поход были непродолжительны. Оба стана были разобраны и сняты и двинулись к западу. Саркел решил уста-

новиться несколько ближе к северной стране. Там он и поставил вновь свои шатры, в которых оставил жен, детей, скот и часть воинов для охраны. С отборной же ратью он пошел дальше вместе с асами и северянами.

Страна северская представила для пришельцев много нового, доселе невиданного. Степь еще не кончилась, но вдали виднелся темный густой лес. Хаты глинобитные с соломенными крышами напоминали задонские жилища сарматов и готов, но разбросанные по степи хутора более не встречались. Огромные скирды хлеба показывали обилие собираемых жатв. Попадавшиеся навстречу люди напоминали станом и лицом донских сарматов. Это были преимущественно люди высокого роста и крепкого телосложения, менее белокурые, чем готы. Во всех деревнях родовые старшины выходили воинам навстречу и подносили вождям большой печеный хлеб, среди которого было сделано углубление, в которое была насыпана соль. Деревянное блюдо, на котором лежал хлеб, было покрыто полотном, расшитым пестрыми узорами. Всех старейшин вожди спрашивали о готовности людей и из многих деревень вводили за собой толпы вооруженных воинов.

Встречи в двух городах, через которые приходилось идти, были оживленные. Оба города были на берегах рек. В середине того и другого возвышалось на горе городище, окруженное частоколом и земляной насыпью. По склонам горы шли широкие улицы, такие же, как в деревнях, составленные

из таких же мазанных хат с соломенными крышами. Вокруг слобод шла вторая кольцевая земляная насыпь, окруженная ровом, наполненным водой из реки, от которой ров шел в виде рукава.

В городах иноземных и родных витязей встречали с хлебом-солью все родовые старшины; во главе их был посадник. С высокой вежи¹⁵ в городище раздавался громкий звон колокола, и народ сбегался на площадь у выхода из ворот городища. Собиралось вече и объявляли вождям, сколько воинов при каких начальниках идут на выручку Сулы-города. За собранием вече следовала общая трапеза. Посадник и старшины угощали вождей, именитые горожане – простых воинов. Мед и пиво ячменное лились рекой. Столы гнулись под тяжестью быков, баранов и кабанов, оленей и зайцев. Старшины затем провожали воинов, призывая на головы их благословение богов.

– Ни в селах, ни в городах, – заметил Водан, – я не вижу храмов, а среди встречающих старшин не видно жрецов.

– Жрецы богов мы все, – объяснил Полтав. – Каждый родовой старшина учит младших своих молитвам, угодным для ушей богов. А храмов мы не строим. Великий Сварог, создавая мир, сам построил для нас величайший из храмов. Оглянись вокруг себя, мудрый царь. Где найдешь ты храм великолепнее того, что нас окружает? Леса, поля и нивы, цветы душистые; реки широкие, ручьи серебристые, синее небо,

¹⁵ Башни.

мать-кормилица сыра земля, производящая деревья, плоды, травы и злаки. Разве все это не храм великих богов!

– Тиверцы и угличи, живущие на Дону, имеют капища Перуна и делают изображения его из дерева, которому обрубают ветки и к верхушке которого приставляют медную голову! – заметил Водан.

– Неразумные они дети, – отвечал Бранко. – Зачем делать Перуну медную голову, когда мы его видим самого так часто. Небо покроется тучами, загремит гром, засверкает молния. Перун перед нами. Мы ему поклоняемся и приносим в жертву молодого коня.

– А других богов вы не видите? – спросил Водан.

– Как не видим! – воскликнул Черниг. – Взгляни! Вот солнце красно плывет по синему небу. Это Дажь богов горящий едет из сияющего чертога на золотых конях к своему брату Месяцу. Ночью брат этот поедет к нему на конях серебряных. Восходит колесница Дажь бога, заходит ли она, мы ему молимся. Молимся мы и месяцу ясному – когда он лицо свое обращает к нам и поднимает все свое забрало. Велесу мы молимся, когда сеем жито, когда выпускаем весной первый раз коней и волов в поле, когда собираем жатву. Последний сноп мы обмолачиваем с молитвой зимой на коляды, когда дни всех короче, а ночи всех длиннее. Гасим в домах старые огни, зажигаем бедняк, в честь Дажь бога. Его головней окуриваем пчелок и улья их, а золой посыпаем поле, чтоб Велес нам хлебушка уродил. Тогда же обмолачива-

ем в дар Велесу последний сноп жатвы. Ради почета зовем мы его Житным Дедом. На колядах делимся с беднейшими из людей наших тем, что даруют нам боги в излишестве. Все время коляд в домах наших стоят столы накрытые. У каждого все люди его рода перебивают, а кто не придет, тот на веки ему не люб будет. Идут и чужие гости. И всем добрый хозяин рад.

– Хороший обычай.

– А у вас Перуну пленных не жертвуют? – спросил царь.

– Пленных берем в рабство, а Перуну режем только коней и быков. Когда умирает вождь, то из холопей его режут слугу и служанку, чтоб они ему и там служили. Да и тех не неволят, а зовут, кто хочет показать верность хозяину. На это всегда идут слуги верные. Знают, что боги за гробом воздадут им за то во стократ. И на тризне их еще накормят, напоят, нарядят и будут чествовать пуще родовых старшин. И имена их во всем роде на веки помнятся, как имена слуг верных, до конца любивших своего хозяина.

– А волхвы у вас есть? – сказал царь.

– Есть! Как быть без волхвов! – сообщил Бранко. – У нас в земле северской их не так много. У полян гораздо больше. Они ведают прошедшее и будущее и настоящее за тридевять земель в тридесятом племени. Их боги любят и открывают многое, что нам недоступно. Впрочем, и нам, и женам нашим, и детям покойнички дорогие многое говорят, когда их спрашиваем. На колядках все гадают: на воде, на топлёном

воске и снеге. Часто узнавали люди свою судьбу. Иным даже покойники являлись и говорили, что каждому на роду написано. Скоро праздник у нас, и ты, царь, еще застанешь его. До него не много дней осталось, пока месяц совсем забрала не снимет. Это Красная горка будет. Жены напекут блинов, и кто не в походе, все пойдут на могилки. Могилы поливаются медом и уставляются яствами. Старой песнью будем окликать покойников. И слетятся они для еды больше всего в виде птиц небесных. Добрые люди прилетят жаворонками, синицами, соловьями; злые – коршунами, сычами, воронами. Все поедят, что будет сложено на могилках, и все лето будут охранять и дома, и поля, и леса наши. Вот и сильны волхвы наши тем, что они и птицу, и зверя, и травку знают, и по виду, какой принял твой дед, скажут, как его боги полюбили или еще карают. Волхвы знают нрав каждой травки, каждого цветка.

Таким образом знакомился Водан с нравами и верованиями северян. До Красной горки подошли к Суле реке. Вокруг города было несколько кочевых команов, но близко к городу их северяне не пускали, и дело ограничивалось стычками в полях. К вождям выехали люди из города и сообщили Чернигу, где находятся враги, успевшие, впрочем, разграбить несколько деревень. Вожди собрались на совет и решили, собравшись большим войском, окружить команов кольцом, которое стягивать, пока все они не попадут в западню, из которой им не выйти. Кольцо стягивалось несколько

недель, причем часто происходили жестокие схватки между передовыми отрядами. Во время этих постоянных передвижений наступила Красная горка. Разноплеменность асов помогла славянам справить великий весенний праздник. В эти дни посылались в разъезды исключительно неславяне, но и им было приказано до решительного дела не доводить, а только не давать никому из хищников прорваться до города. Находящиеся в походе не могли ходить на могилки предков, но блины испекли, так же как и жаворонков из сдобной муки с маковым зерном для приветствования прилета первых вестников весны. С жаворонками в руках все молодые воины собрались на высоком холме. За ними следовал конь, которого вели под уздцы старики. На нем сидело соломенное чучело, одетое в белую холщовую рубашку, с волчьей шкурой на плечах. Остановились под горой.

– Прощай, Зима, баба яга, костяная нога, – сказал один из стариков. – Довольно погуляла, нам пути заметала. Довольно морозила нас. Пришел и твой час.

Молодежь подхватила «Зиму», сняли с коня и понесли к костру, разложенному под горой. Зажгли костер, и «Зима» сгорела у всех на глазах, пока молодые плясали в круговую с громкими песнями. В то же время другие юноши и собравшиеся из окрестных деревень девушки стояли на горе и пели хвалу Дажь богу и Велесу и кричали: «Весна Красна, приди! Весна Красна, приди!» К ним присоединились и сарматки, сопровождавшие мужей и отцов в войске асов. Потом все

оживились, размели костер, на котором только что сожгли «Зиму», и все, обращая взоры на юг, закричали: «Слава богам великим! Идет, идет, Весна Красна». Ехала одна из лучших боевых колесниц, запряженная шестеркой белых коней, богато убранных. На ней было положено колесо, изображавшее солнце. А на колесе стояла, вся разодетая в алые одежды и увешанная бусами и золотыми подвесками, красивая молодая девушка, изображавшая Весну Красну. К ней подходили старшие воины, и она раздавала им печеных жаворонков. Потом начался пир, продолжавшийся до захода солнца. Кострами освещался весь стан, пекли блины, жарились быки, бараны и всякая дичь.

Несколько дней спустя и евреи справили в лесу свою Пасху, и их так же освободили от необходимости самим следить за неприятелем.

Когда все праздники кончились, положение команов было доведено до того, что они должны были стоять на месте и не могли двинуться ни в какую сторону. Ни Красная горка, ни Пасха еврейская не помешали приведению их в безысходное положение. Тогда со всех сторон набросились на них северцы, хозары и асы и перебили лучшие силы команов. Хищники были разбиты на голову и бежали на юг. Их преследовал отряд всех трех ратей. Главные же силы вошли в город, где расположились на долговременный отдых. Благодарственные жертвоприношения были совершены в поле перед воротами городскими. Как главный воевода союзных сил,

посадник Черниг Усмаревич прочел молитву за всех людей северских. Он же руководил и погребением павших на поле брани воинов. Тела их были сожжены на кострах.

Когда вернулась погоня, преследовавшая команов и успевшая нанести остатку их шайки новое поражение, северные разошлись по городам и селам, и Черниг вступил в исполнение прежних обязанностей посадника. Полтав и Бранко вернулись в роды свои. Коган Саркел ушел со своими хозарами в новое становище. Водан решил идти дальше, пока не найдет места, согласно с его желаниями, для поселения своих людей и основания оседлого царства асов. Черниг высказал ему, что он полагал бы, что доброе дело было бы захватить земли у древлян.

– Это народ буйный! – пояснил он свою мысль. – Обижают они своими набегами и полян, и нас. Они славяне, но разоряют хуже команов. Живут в лесах в землянках, хлеба не сеют, а добывают пропитание охотой и рыбной ловлей, но больше всего грабежом. Я дам тебе провожатых сотню ратников, каких вече изберет, и сына моего Люба. Он молод, но витязь лихой, а землю и полянскую, и древлянскую знает. Он тебе проводник верный будет.

ВЕЛИКИЙ ВОДНЫЙ ПУТЬ

Асы вышли из города северян на Суле и двинулись вдоль реки до впадения ее в Днепр. Дорога шла больше всего лесом и охотиться воины могли для пропитания не тратя ни серебряников, ни оружия и других ценностей. Люб Чернигович со своей сотней указывал путь и вел переговоры с местными жителями, успокаивал их, что им обиды никакой не будет. Рассказывал он своим спутникам обстоятельно, где можно безопасно сделать привал или переночевать.

– В лесу, – говорил он, – поганцев и нежити много водится. Надо знать, как ей угодить. Есть места, где леший гостям рад, а есть и такие, где не останавливайся – живьем съест. А так он веселый, добрый дед, охотникам помогает, стада пасет, когда уснут пастухи. Только уж первого убитого зайца ему. Я всегда так делаю, и никогда без доброй добычи не возвращаюсь.

– Да, ты стрелок добрый! – заметил кто-то.

– Вот, стрелок добрый! – отвечал Люб. – А есть тут оси-

новая горка. На ней дичи много. По тетереву на каждой ветке сидит, куропатки серые гуляют как красные девки в саду, зайцы между ногами шмыгают. Придешь туда, рука ослабнет, тетиву у лука не натянешь, рука дрожит, а то глаза он тебе отведет. Метишь в дичь, а попадешь через два дерева в третье в самый ствол. А то обойдет тебя в лесу, так, что и дороги не найдешь. А меня же от медведя спас. Подхожу я к кусту малины, хотел ягод пощипать, обхожу вокруг, а там сидит косматый. Так я и обомлел. Лук-то у меня в руках, а колчан дал я слуге Круглецу нести. Что с луком без стрел поделаешь? А бурый-то встал на четыре лапы, повернулся ко мне задом и ушел прочь от меня, кто как не дедушка добрый, приказал ему идти прочь от меня.

– А ты в медведя не стрелял?

– В того? Как же я буду стрелять, когда дедушка не велел. А так-то я много раз на медведей и с ножом ходил. Животов двадцать медвежьих уже положил на своем роду. А вот у реки ночевать нам часто приходится, так я никогда не забуду гуся дедушке водяному спустить. А то прогневается, за ночь жди беды.

Босфорец Ираклемон подошел к разговаривающим и спросил:

– А в домах у вас нечисть бывает?

– У злых людей бывает, или если в доме убийство совершено! – объяснил ему Люб. – А чаще нечисть никакую в дом сам дедушка-хозяин домой не пускает. Он дюже добрый к

добрым людям. Только за печку ему надо всегда ставить пищу.

– Ее мыши и поедят, – засмеялся Ираклемон.

– Иногда он мышью и оборачивается, – доверчиво возразил Люб. – Когда кошкой, когда собакой, когда черной курицей. А чаще в своем образе он живет. Совсем как человек, только мохнат. Его легко видеть. Он за печкой всегда ночует. Смотрит за домом, за конями, за огородом, и бабам и мужикам во всякой работе помогает. Он добрый, иногда сонного пощиплет, иногда кого притиснет слегка, ночью на коне поскочет, или ему гриву заплетет. Шалит дедушка. Так же надо ему угодить всегда. Если он серых коней любит, ты вороных не держи. Если в новый дом переселяешься, то приглашай его на новоселье. Пусть хозяйка поставит на печь горшок с угольями и скажет с добрым сердцем; «Милости просим, дедушка, на новоселье». А на новоселье, когда гостей соберешь, поставь за печку пирог и полей его медом. Во всех делах тогда удача в доме будет.

Когда подошли к устьям Сулы и берегам Днепра, Люб потребовал совершения жертвоприношения всем богам, а сам бросил в Днепр громадного гуся, которого добыл в последней деревне, встретившейся на Суле.

– Здесь новый хозяин, – пояснил он. – А днепровский дедушка сильнее всех других. Такая ему власть от богов дана.

Вид Днепра произвел на всех пришельцев глубокое впечатление. Многим он напомнил Дон, родной для одних и

связанный со многими воспоминаниями для других. Горы правого берега, поросшие густым дремучим лесом, лиственным и хвойным, представляли истинно чарующий вид. Весьма красив был и левый берег, менее высокий, так же лесистый, с каймой ярко-зеленых лугов, пестрящих обилием разноцветных душистых полевых цветов. По обоим берегам белели живописно раскинутые хаты северских и полянских деревень, то вытянутые вдоль берега, то идущие от реки прямо вверх, вглубь лесов.

Охота и рыбная ловля могли дать пропитание всему войску надолго. Хлеба было тоже много в деревнях, и его охотно продавали на серебро и меняли на оружие. Водан решил остановиться на некоторое время у берегов Днепра в лесах дремучих и, нарубив лесу, построить струги, на которых потом идти вверх по реке до земли древлянской, а если она не понравится, то и дальше.

В стане три месяца кипела жизнь необычайная. С восхода солнца до его заката все были на работе, и весь берег был уставлен строящимися ладьями. По вечерам собирались в рощах за станом, пели, играли, рассказывали предания древности или сказки о колдунах и великанах. Греки сопровождали пение и пляску игрой на свирели, лире и кифаре, готы – на арфах, сарматы – на мехах с дудками, северяне – на рожках и трехструнных балалайках. Царь и царица и главные вожди одобряли это веселье после трудов и всегда присутствовали на наиболее людных сборищах.

За время продолжительного похода своего Водан не раз отпускал воронов своих, и не раз прилетали они обратно с письмами от старика Драгомира. Волхв поощрял своего ученика идти вперед и вперед, просвещать народы учением духов истины, насколько оно им доступно, а избранных посвящать и в высшие тайны. «На севере, – писал Драгомир, – ты создашь великое царство. Только не увлекайся лестью темных, невежественных людей. Будь великим царем, будь великим мудрецом. Не обманывай людей, выдавая себя за бога». Эти поучительные письма, писанные на тонкой, прозрачной коже кадмовыми письменами, всегда сопровождали известия. Поля и степи, где было княжество Нордериха, заселились сарматами князя Мутьяна и застроились их хуторами и землянками. Готы более у устьев Дона не селятся, а племена их видимо стараются стянуться ближе одно к другому. Люций Валерий Сульпиций удалился из Танаиса. Цезарь Домициан призвал его друга Марка Кокция Нерву в Рим и возвел в консульское достоинство. Сульпиция послал на его место в Галлию. Балта не погиб ни от ран, полученных при поединке, ни от жестокой болезни, изнуравшей его во время нашествия асов на царство Дидериха, виной которого был он сам. Он объявился в Танаисе, по-видимому, совершенно здоровый. Сражается он левой рукой, но и правая у него не совсем мертва. Рассказывают, что он похитил кавказскую княжну, женился на ней и собрал вокруг себя множество лихих вояк и наездников, делающих из своего горного

гнезда набеги на окружающие долины и обложивших данью целые кавказские племена. Евреям танайцы опять устроили погром. Виноваты были опять ростовщики и фанатики.

Все эти известия возбуждали в Водане живое любопытство. Предсказания успеха его радовали, но досадно было ему постоянно повторявшееся напоминание о каком-то при-сущем ему желании прослыть богом среди невежественных народов.

– Ничего подобного, – говорил он, – у меня и в мыслях нет. Полную истину очень немногие из этих людей способны постичь. Боги у них всех различные. Часто даже они одни и те же, под разными названиями. Пусть каждый из них поклоняется по своему своим богам, но учить их надо, чтоб были у них общие предания, одинаково дорогие для всех.

По вечерам он являлся на сборище, часто с арфой, и пел или говорил стихи о богах древнего мира, о первобытном блаженстве их, о сотворении мира, о происхождении человека.

На гладких каменных плитах Водан начертал имена богов. Так как многие босфорцы знали древнюю кадмову азбуку, он составил новую, никому неизвестную, из прямых пересекающихся черточек. Письмена эти он назвал рунами и ими же начертал так же на жезлах дни, недели и месяцы, составляющие год.

Великих богов Водан написал двенадцать имен и великих богинь так же двенадцать.

– Всем народам моим надо восхваление храбрости и обращение к богу войны! – говорил себе Водан. – И славяне, и греки чтут природу. Под готскими, давно знакомыми моим людям именами они найдут всех своих богов. Великаны – злые духи, но они не боги. Против этого будут спорить только ярые поклонники Чернобога. И старец Драгомир меня не осудит. Не ровняю я ни одного из богов с всемирным Отцом.

И с того времени все чаще и чаще стал царь Водан петь и говорить перед народом о делах богов и великанов. Постройка стругов близилась к концу. Многие были спущены на воду и уходили то вверх, то вниз по реке на несколько часов пути, то на веслах, то под парусами. Воздух оглашался пением людей.

Как взывает гроза, подыми паруса,
Под грозой душ веселей.
Пусть гремит, пусть ревет, трус, кто парус совет,
Чем быть трусом – погибни скорей.

Плававших по морям и рекам было много из всех племен. Некоторое количество коней было выменено северянам на паруса, холст для одежды и войлок для шатров, хотя царь о шатрах отозвался:

Ни шатров на судах, ни ночлега в домах.
Супостат за дверьми стережет.
Спать на ратном щите, меч булатный в руке,

А шатром – голубой небосвод.
Есть отвага в груди, ко врагу подойти
И не будет короток булат.

Достаточное число коней было, однако, оставлено и помещено на более тяжелых лодках.

Наконец все было готово, и ладьи асов тронулись в путь вверх по Дону.

ВЕДЬМАКИ И ВЕДЬМЫ

Ходили в Зеленые Дни. Солнце вошло в полную силу, природа была в полном расцвете. Славяне говорили, что царить на земле Ярило, бог плодородия. Последние дни пребывания на суше были отпразднованы особенно оживленными играми – бегами в запуски, горелками, скачками на конях, бросанием венков в воду, когда тонущий предвещал горе или смерть, а всплывший – радость и долголетия.

– Надо бы нам было, – говорил царю Люб Чернигович, – не уходить до Купалы. Тогда бы через костры попрыгали, да и попиروвали бы на славу.

– Попировать можем и так, – отвечал Водан.

– Да важнее дело еще! – сообщил ему Люб. – Все целебные травы собираются в эту ночь.

– У нас их много собрано! – успокоил его Водан. – Травы знаю хорошо я. Знают их и Зур-Иргак и многие из наших женщин. Их на многих кораблях запасы хранятся.

– А разрыв-трава у тебя есть? – спросил Люб.

– Как вызвать духов, ломающих замки, я знаю, а трава твоя мне не ведома! – сказал с улыбкой вождь асов. – Да добро, которое есть, хотя и плохое, лучше всякого лучшего, которое тебе только сулят.

– А траву-то не худо бы иметь, – вздохнул Люб. – Это, царь, не у всякого папоротника цветок такой бывает, а есть травы папоротника, которые цветут раз в год, в самую ночь на Купалу. Цветок большой и красный, как огонь. Кто его сорвет и сбережет, тот узнает всякий клад и возьмет его, даже самый заклятый.

– Главное узнать, а достанет его всякий! – заметил подошедший Ираклемон, находившийся на царском корабле.

– Узнать клад не трудно! – объявил Люб. – Место его всякий знает. По ночам над ним огонь горит, а заклятого клада не возьмешь, если не знаешь, какими словами он заклят. Вдруг на мать, отца, жену, какой-нибудь злой человек заклянет. Тогда тот, на кого заклятие сказано, месяца не проживет, иссохнет и сгинет.

– Мерзко! – воскликнул Ираклемон.

– Да! – подтвердил царь. – Значит заклинатели кладов – друзья черных духов, летающих над племенем людским. Но боги и добрые духи сильнее злых.

– Но ведь не знаешь, какое заклятие, – стал объяснять Люб Чернигович. – Иногда клад является то стариком, то лошадью, то собакой, то клубком, то петухом. Ударь собаку, толкни старика, они рассыпятся целой кучей золота... Да как

догадаешься, что перед тобой заклятый клад, а не старик и не собака? А если у тебя цветок папоротника есть, клад от тебя не укроется. Сразу его узнаешь, какой бы облик он ни принимал.

– Что же, – предложил царь, – в ночь на Купалу приста-нем к берегу. Ты нас проведешь в лес. Вместе ходим и по-смотрим.

– Этого, царь, нельзя! – воскликнул Люб. – Надо идти без товарища. Там же встретишь всякую нечисть. Соберутся ведьмы, черти, вовкулаки, нетопыри, филины, людки в локоть ростом, мертвецы, русалки, деды всякие недобрые. Все тебя окружают да захохочут, закричат, завоюют. А тут им в от-вет заревут медведи, да заголосят волки, деревья все затре-щат, гром без туч загремит, да огоньки вокруг самой твоей головы запрыгают. Кто не испугается, да цветок сорвет, тот со всех кладов заклятия снял.

– Ты, кажется, не трус? – спросил царь.

– Не трус я, царь, – горячо возразил Люб. – На войне спи-ны неприятелю никогда не показывал, случалось и одному против трех и пятерых сражаться. Волков и медведей бивал на моем роду, А с нечистью связываться боюсь. С ней ни ме-чем, ни копьём, ни стрелой – ничем не возьмешь.

– Я вызывать и заклинать духов умею, – сказал царь, – но никогда не видал того, о чем ты говоришь, Чернигович. Доб-рую траву надо рвать умывшись, с чистым сердцем и добрым помыслом. Почему же против цветка папоротника такой за-

говор злых сил? Ведь и золото, и серебро боги дали на пользу человека.

– Видал ли кто что-нибудь из того, что рассказываешь? – спросил Ираклемон.

– Многие наши видали! – смело объявил Люб. – Один воин у нас как лунь поседел в одну ночь, а другого в лесу мертвым нашли. Нечисть задушила.

– А как они шли в лес? – спросил Ираклемон. – Пивши или не пивши?

– Кто же туда не пивши пойдет! – воскликнул чистосердечно Люб. – Во-первых, праздник, во-вторых, все же в меду стоялом огонь есть, мужикам силу придает, а с нечистью сражаться более силы надо, чем с людьми.

Царь заключил разговор:

Бог войны пьет вино и похмелье то – не зло,
Лишь храни над собой ты власть.
Над землей упав, ты поднимешься здоров,
Но лишь к Ране страшишься упасть.

Пристали к правому берегу Днепра в прекрасную лунную ночь. Небо было ясно, на прозрачной синеве его сиял серебряный месяц, и легионы золотых звезд отсвечивались в тихих водах реки. Берег был весь поросший дремучими лесами, покрывавшими крутые подъемы гор причудливого очертания. Далеко, далеко, где-то на левом берегу горело несколько костров, показывающих, что на реке собралась

молодежь из скрытой за густым лесом деревни для празднования великого летнего дня. На одной из высоких гор, поднимающейся круто из воды над самой рекой, вершина была очищена от леса и образовала обширную площадку. Посреди нее возвышался огромный черный крест, выделявшийся на ясном небе и освещенный луной.

– Какой громадный крест! – удивлялись Ираклемон и Лимней. – Какого здесь великана распяли?

– Здесь страна полян, – объяснил Люб Чернигович. – Поселений по близости здесь нет. Крест этот давно стоит здесь, уже более пятидесяти лет. Никогда не видали, чтоб кто на нем был распят. Да у нас и не распинают, а сажают на кол, вешают, обезглавливают. Только худое место избрали мы для ночлега.

– Это почему? – полюбопытствовали греки.

– Видите, – показал Люб на другую часть берега. – Вот гора. Подножие ее лесистое, а вершина голая. Лысая гора она прозывается. Это место не чистое. А сегодня в особенности чудеса здесь происходят.

– Какие чудеса?

– Страшно даже подумать! – проговорил дрожащим голосом Люб. – Я здесь на Купалу никогда не бывал! Даже в обыкновенные ночи все пловцы всегда стараются уходить подальше от этой проклятой горы. Старики, попадавшие сюда, рассказывали, что такие ужасы здесь творятся, что вспомнить не могут без содрогания. Щур нас храни! Скажем ца-

рю, что надо отсюда уходить, хоть туда, к левому берегу, где костры видны. Там, верно, деревня есть. Там парни и девки пляшут, поют, через огонь скачут. А на реке девки венки сплетают.

О страхах Люба было сообщено Водану. Но на него это сообщение произвело совершенно обратное действие.

– На трех кораблях подойдем ближе к этой любопытной горе, – сказал он. – Поднимемся и посмотрим, что там творится. А кто боится, может отойти к кострам левого берега. Здесь же останутся десять стругов. Если что понадобится, пришлю на малой лодке Сцемебера беритянина за подмогой. Он муж отважный и не побоится нас сопровождать. Сделать вопрос по всем стругам, кто куда хочет.

Тринадцать лодок собралось с людьми, объявившими, что они страха не ведают. Десять из них под начальством Гирана-тирийца остались на старом месте. Три остальные, управляемые Ганноном сидонянином, Деснобором сарматом и Ираклемоном, пошли с царем к подошве Лысой горы. Все же прочие струги под общим начальством Бераха тирийца ушли к левому берегу, согласно указанию Люба Черниговича. На эти лодки перешли все женщины. Из них ни одна не захотела узнать, что творится на поганой горе. Царь взял с собой еще малую лодку с шестью удальцами и Сцемебером беритянином. Они должны были служить для посылок в отошедшие поодаль отряды.

Когда пристали к берегу, с высоты воздушной спустил-

ся ворон, летавший к старцу Драгомиру. Сидевший на щогле другой ворон так же взвился на воздух, сделал несколько кругов, и оба сели, один – на правое, другой – на левое плечо Водана.

Царь взял у прилетевшего ворона письмо. В нем стояло: «Иди вперед. Страх ты не ведаешь и это добро. Здесь покажи власть духа. Если не считаешь свою силу достаточной, то обратись к духу учителя учителей наших, к великому Богу-чару. Он спустится к тебе и не покинет тебя, пока тебе будут грозить темные силы».

С каждой из лодок Водан взял по шести человек самых бесстрашных. Сцемебера с его удалцами он оставил в их лодке у берега, объявив, что придет к ним гонца, как только понадобится. Сам же, окруженный восемнадцатью вооруженными ратниками и сопровождаемый Зур-Иргаком, пожелавшим разделить всевозможные опасности, углубился в темный лес.

– Смотри, царь, – сказал гот Авгил, – огни горят. Видно, и в лесу люди есть. Костры зажгли, чтобы своего Купалу справиться.

– Идем туда! – объявил Водан. – Рассыпаться по лесу по два человека. Каждый возьмет у меня пучок травок, которые я взял с корабля. Держать их все время при себе. Подкрадываться осторожно, стараясь не быть замеченными. Если надо, то защищаться, но самим не нападать. Я иду с Зурь-Иргаком.

Оба волхва уединились в лесной чаще и, коленопреклоненные, воззвали к небесам. Их окружило густое облако белого дыма. Но скоро оно рассеялось, и из него восстал тот старец в белой одежде, которого Водан видел не раз во время болезни после ран, нанесенных ему Балтой.

– Идем! – сказал им старец. – Что бы вы ни увидели – не страшитесь игры низменных духов. Бессильны они перед зывающим к Единому Всеблагову.

Старец был видим только для вызвавших его чародеев. В этом они убедились. Пока составлялась цепь вокруг костров, рассеянных по лесу, к ним прибежали запыхавшиеся хонгниу Бай-Ягач и комат Мурахаз. Они дрожали всем телом.

– Мимо нас голая женщина верхом на свинье проскакала! – объявили они.

– Поймаем, плетей обеим всыпем! – со смехом объявил царь. – Баба – существо не страшное, а свинья еще того меньше.

Сопровождавшего вождей старца оба испуганных воина не увидали. Царь им приказал идти на свои места и для сообщения вздорных наблюдений более к нему не приходить.

У костров были собраны небольшие кучки мужчин и женщин. Все они раздевались догола, натирали себя содержимым малых глиняных сосудов и пили из других сосудов, так же небольшого размера¹⁶. Мужчины часто, на голое тело, на-

¹⁶ Снадобье для натирания приготавливалось из ядовитого латука, болотного сельдерея, омега-болиголова, паслена, корней мандрагоры, снотворного мака, бе-

кидывали шкуры волков, медведей и рысей. Многие опоясывались телами убитых змей. Некоторые женщины увенчивали себе головы венками из цветов дурмана и белены. На иных были полотняные плащи, шитые и разрисованные причудливыми изображениями, между которыми первенствовали рогатые существа с крыльями летучей мыши. Окончив переодевание, все убегали вверх в гору. Некоторые садились на козлов и свиней, хорошо выученных для верховой езды. Иные поехали на бочках, поставленных на колеса и запряженных огромными черными собаками. Другие, подобно детям, из палки делающим себе для игры воображаемого коня, бежали, держа между ног кто помело, кто кочергу. Все, отходя от костра, гикали, выли, кричали, пели дикие песни из нелепых, но еще более сквернословных стихов.

– Ведь это сборище безумных! Не веришь, так смотри. Кто из них, в самом деле, на козле или кабане едет, а кто его за уздцы ведет и сам припрыгивает, воображая, будто уже поехал! – воскликнул царь.

– Идем на гору, – отвечал ему Богучар. – Там и не то увидишь.

Двадцать воинов, пробираясь лесом, между кострами, у которых происходило переодевание, натирание и питье зелья, дошли до вершины горы и спрятались в окружающих

лены, дурмана, челибухи. Прибавлялась змеиная кровь, печень удода, кости летучей мыши, обращенные в пепел, жир новорожденных детей, глаза черной кошки и прочее. Для питья употреблялся винный взвар одуряющих трав.

ее кустах. Сопровождаемые Богучаром, Водан и Зур-Иргак поднялись на самую вершину и очертили себя волшебным кругом. Впрочем, если не видели Богучара воины, его видели хорошо все посетители Лысой горы. Еще во время подъема на гору, все попадавшие навстречу и пробежавшие мимо прочих воинов, не обращая на них внимания, от Водана и его спутников отскакивали как ошпаренные и убегали окольными путями.

Посреди площадки был сложен громадный костер, пылавший красным пламенем, из которого поднимался едкий дым с удушливым запахом. Вокруг костра плясали, пели и голосили на все лады мужчины и женщины, частью голые, частью одетые в безобразные наряды, в которых бесстыдное шутовство соперничало с безобразием извращенного вкуса. Езда на козлах и свиньях продолжалась, но ехавших на этих животных было очень немного. Более всего подсакивали молодцы и девицы, скакавшие верхом на палочке и уверявшие, что они едут на том или ином нечистом звере. Многие принесли с собой филинов, сычей, летучих мышей и удонов – или ручных, или привязанных ногой за золотую или серебряную цепочку. Многие целовали этих безобразных птиц и летучих мышей, говоря им самые нежные слова. Молодая женщина, доведенная до верха опьянения, целуя удода, приговаривала: «Удодик милый, приголубь, приласкай твою возлюбленную!» Другие целовались и обнимались друг с другом и расточали обоюдные ласки в возмутительно нелепых выра-

жениях. На высоком помосте стоял огромный черный козел с золочеными рогами, с надетой золотой, осыпанной драгоценными камнями уздечкой. Перед этим козлом все падали ниц и воздавали ему жертвоприношения, исключительно черных петухов, кошек и собак. Вой, визг, брань, сквернословие, дикие пляски и песни не прекращались ни на одно мгновение.

– Что за мерзость! Один скачет уродливо и уверяет, что он едет на слоне или на верблюде, другая воображает, что ей поганый удад сына принесет.

– Долго это продолжится? – спросил Водан.

– До рассвета, пока петухи не запоют! – отвечал ему Богучар.

– Что это за люди?

– В добро неверующие, а ищущие помощи на земле от одного зла! – сказал ему учитель. – Ты видишь их безобразие, но это еще не все. Тебе зримо то, что есть в действительности. Посмотри теперь обман их чувств. Взгляни на то, что им кажется. Я тебя приведу в духовное единение с некоторыми из них.

И жезлом своим Богучар открыл в одном месте волшебный круг.

– Хватайте за руку, кого хотите! – приказал Богучар.

Водан стащил с черного козла молодую рыжеволосую, зеленоглазую, довольно красивую женщину, совершенно голую, но опоясанную трупом змеи и увенчанную цветами

дурмана. Она начала вырываться, заметалась, издавая дикие крики и возглашая самую невообразимую брань. Вождь ей стиснул руку выше кисти, и она села на землю, заливаясь слезами. Козел ее ускакал далеко вперед и исчез в беснующейся толпе. В то же время Зур-Иргак схватил таким же образом седую старуху, скакавшую на кочерге и одетую в шкуру рыси.

Богучар сделал знак обоим своим спутникам. Они стали на самой окружности волшебного круга, держа вне его обеих ведьм. Он простер над ними руку, и они встали, дрожа еще всеми членами. Тогда старый волхв простер жезл свой над головами вождей и ведьм... Перед глазами Водана и Зур-Иргака открылось невиданное зрелище. Глаза черного козла на помосте сделались огненно-красными и замечали молнии. Из ноздрей его и из пасти запыхало пламя, и он заговорил человеческим языком, понося и богов, и людей и поучая, что не добро должен человек человеку делать, а зло и многообразную мерзость. Все мертвые змеи, опоясывающие ведьм и служившие им ожерельями, ожили, глаза их заблестели, изо ртов раздалось шипение, с жал потек густой яд. Сами ведьмы и колдуны уже не бегали по земле, а на кочергах, помелах, свиньях и козлах полетели по воздуху. По земле ползли змеи, жабы, крокодилы и невиданные жуки с рогами и клешнями, огромные, ростом не менее доброго старого кота. По воздуху носились кроваво-красные тела каких-то прозрачных пузырей, окруженных безобразными щупальца-

ми с присосками. Среди них летали чудовища – злые духи в мохнатом человеческом образе, рогатые и крылатые; журавли с головами крокодилов, крылатые волки, черные, зеленые и красные драконы, петухи с мертвыми человеческими головами, сердито щелкающими зубами, летучие мыши с головами кошек и собак, украшенными рогами. Вот хапуны водяные с лягушачьими головами, лапами ястреба и ногами козла и хапуны пастушьи в волчьей шкуре с черной бычачьей головой. Из-за кустов выглядывают страшные зеленоглазые глаза упырей. Зубы их длиннее копыта степных всадников. Языки красны, как свежая кровь. От их отвратительного вида не только колдуны и ведьмы, но даже и черти отворачиваются. Филины и удода летают между пляшущими и ласкают ведьм, ударяя их своими крыльями по щекам. А вот бледно-зеленая, полупрозрачная, отошалающая пляшет детская смерть. В торбе ее множество трупов младенцев, которые она беспрестанно обглаживает.

Водан отпустил ведьму и быстро вступил внутрь круга. Его примеру последовал и Зур-Иргак.

– Учитель! – воскликнули они в один голос. – Довольно мы мерзости насмотрелись. За ними разве ходят сюда эти презренные, которых не решаемся даже назвать людьми?

– Все это они видят, – объявил Богучар. – Они для этого натираются им известными жидкостями и пьют отравленные соки. Затем сильно внушение мысли, переходящее от одного к другому. Видишь, что и изучение тайн природы

мудрецу на пользу, а безумному на гибель.

Два колдуна шли близ круга и перебранивались.

Один говорил:

– Ах, ты! Ты восемь зим жил на земле то молочной коро-
вой, а то и женщиной.

Другой ему отвечал:

– А ты, говорят, занимался черным чародейством на ост-
рове чертей. Ты стучался у дверей, как ведьма; в виде кол-
дуна ты летал над племенем людским.

– Укоряют друг друга, – заметил Зур-Иргак, – в том, что
сами оба сейчас делают.

– Я вас, дети мои, – сказал Богучар, – не затем только при-
вел сюда, чтоб вы видели это безобразие и поняли, до чего
опасно знание тайн природы в распоряжении злых и глупых
людей. Но я хочу так же, чтоб вы видели, как бессильно их
низкое чародейство перед духами правды. Вступайте прямо
в круг и идите вперед, в кучу безумцев, прямо на раззоло-
ченного козла.

Водан и Зур-Иргак двинулись. Все колдуны и ведьмы за-
метались и огласили воздух криками отчаяния. В один миг
козел с золотыми рогами был схвачен пришельцами и сбро-
шен с помоста. Засевшие в кустах воины выбежали, разруби-
ли его мечами и бросили все его куски в огонь. Бесновавша-
я толпа хотела броситься на дерзких поносителей их тай-
ных обрядов, но стоявшие на помосте вожди подняли правые
руки свои, и все колдуны и ведьмы застыли каждый в том

положении, в котором их застало властное мановение руки. Невидимый стоял за ними дух древнего волхва, но все чувствовали его силу и не могли двинуться с места. Высокий, стройный, белокурый Водан и низкий, коренастый, широкий в кости, с огромной головой и безобразным лицом Зур-Иргак показались колдунам высшими богами. Как только они опустили руку, вся толпа бросилась перед ними на колени и зарыдала:

– Боги сильные, пощадите нас!

– Все венки долой, змей долой, все чары прочь! – громко возгласил Водан. – Свет разума да осенит вас.

Начали сбрасывать с себя венки из дурмана и белены, срывать пояса и ожерелья из змей, скидывать плащи из шкур нечистых животных и накидки с мерзостными рисунками. Воины Водана бросали в костер кучи собранных трав, прибавляя к ним, по приказанию царя, травы и из розданных им пучков. Туда же летели и все доспехи колдунов и колдуний. Птицы и летучие мыши были освобождены от оков своих и выпущены на волю. Козлы и свиньи все были переколоты. Хозяева их находились в каком-то оцепенении и не противились творимому над ними насилию.

– Люди полянские и люди северские! – громко заговорил Водан. – Ведомы вы мне как люди на войне храбрые, на совете мудрые, с гостями ласковые и приветливые, щедрые и на доброе слово, и на тароватое угощение. Велики боги, одухотворяющие небо и землю, и воды, и подземные простран-

ства. Еще более велик Отец их, от которого все они изошли и который их держит во всемогущих руках своих, так же, как и нас. Но вы все люди больные самой ужасной из болезней – вы не довольны судьбой, данной вам от бога богов. Все в природе создано для блага людского, а величайшее добро наше есть разум, отличающий нас от скотов. Вы же, поляне и северяне, что желаете? В день, когда надо славить богов, дарующих нам лето красное, посылающих нам урожай хлебный, вы идете на гору поклоняться злым силам. Вы изучаете природу не для того, чтобы пользоваться ее благами, а для того, чтоб уничтожать в себе и сердце, и ум. Натираетесь и пьетесь зельями, от которых теряете смысл человеческий, и пьяные, голые, бесстыдные, являетесь на поклонение черному козлу, в котором почитаете духа зла, отца всякой мерзости. В опьянении вашем вы даже слышите, как он говорит и поучает вас всяким пакостям. Отрезвившись, вы все видели, как ваш бог сгорел на этом костре; вы видели, как улетели ваши нечистые птицы. Можете и теперь посмотреть, как лежат скоты ваши, которых вы научили заменять вам верховых коней, чтобы пугать народ, чтобы не было доступа к этой горе, чтобы люди, чтущие богов и ищущие добра и правды, не видели и не слышали творимых вами скверностей. Всем здесь присутствующим я запрещаю ведаться с нечистыми черными силами и собираться на горе этой... Кто же вернется сюда, на того усугубится проклятие, которое он и ныне на себя принимает, отвращаясь от духов добра и истины. Кто голо-

ден – пусть ест заколотых и зарезанных животных, не боясь пения петухов и восстания алой зари. Затем идите с миром, оденьтесь людьми честными и богобоязненными, и чтоб черного чародейства у вас и в родах не водилось.

Толпа разошлась. Водан со своими людьми отправился к кораблям своим. Многие ведьмаки и многие ведьмы успели зайти в лес и переодеться. Они собрались у берега и провожали так неожиданно явившихся им «богов». Они поклялись, что навеки оставляют черное чародейство. Все ли сдержали свою клятву? Сомнительно. Много веков прошло, а Лысая гора продолжала в те же дни Купалы, уже посвященные одному из величайших проповедников истинной веры правды и добра, принимать гостей, верующих в силу зла на земле и не страшщихся делаться ее слугами.

Сцемеберу не пришлось действовать всю ночь. Рано утром он был отправлен за ушедшими к левому берегу лодками. К полудню все корабли асов собрались у места своей первой стоянки под горой с большим крестом.

Богучар, исчезая после того, как ведьмаки и ведьмы начали расходиться, приказал Водану провести одну ночь под горой, а на другой день посетить это столь поразившее его место.

– Там ты многое услышишь, – сказал он ему. – Туда я тебя провожать не буду, но невидимо буду близ тебя. Там я тебе не нужен. Там ты людей увидишь и речи услышишь. Не тебе только, а и величайшим мудрецам нашим эти люди и речи их

еще не под силу. Глубоко скорбит душа моя, что чадо мое, а твой отец, Драгомир, не подготовил тебя к вхождению в их святилище, и много горя тебе в жизни предстоит от того, что в день тот ты уйдешь не очищенным и не восприявшим то, что тебя и народы твои могло бы спасти от многих бед.

И Богучар исчез в белом облаке, которое ветром понесло над рекой, пока оно не слилось с облаками, расстилающимися по северному небосклону.

НОВОЙ ЖИЗНИ ЗАРЯ

Бывшие у левого берега реки видели там многих северян, собравшихся для игры у костров. Это были жители двух деревень, построенных в лесу, поодаль от реки. Поэтому береговая поляна им казалась более удобным и приятным местом для празднования Купалы. О Лысой горе они рассказали путникам разные ужасы. Дочери и жены, отцы и мужья которых оставались на тринадцати стругах для ночного похода на гору, были в отчаянии. Спокойнее всех старалась казаться царица Фригг. И в неустрашимость мужа, и в его волшебную науку она верила, но северяне уверяли, что могущество черных сил непреодолимо и что в ночь на Купалу слетаются они со всех краев света. С упырями даже и сражаться не приходится. Кто упыря увидит, глаза вон! Лопнут! Пот кровавый выступит через кожу, язык отнимется, разум помутится. Прележит человек неделю-другую без языка, без рук, без ног, слепой и как малый ребенок неразумный. А там и умрет, не приходя в себя. А то еще Вий есть. Тот еще ху-

же. Взглянет на человека, а у того кровь в жилах застынет и заледенеет. Так на месте мертвый и повалится. Ростом Вий невелик. Из самых малых людков – в локоток, не больше, да еще он и хром на обе ноги. А морда его вся железная. Но лишь взглянул на человека – мигом убил. И все-то эти поганцы на Лысой горе на Купалу сходятся.

После этих рассказней понятна радость, с которой женщины встретили отважных мужчин, посмевших ходить на проклятую гору. Не скрыла своей радости и Фригг, старавшаяся всех успокоить и подавить свое волнение.

О горе с крестом говорилось тоже много удивительного. В лесу, немного ниже вершины, где стоит крест, построена деревянная избушка. В ней живут два старца. Один из них из далеких земель, другой полянин, которого и отца, и мать, и всех братьев во всем крае знали. Питаются они плодами земными, которые сами добывают. Пьют одну чистую ключевую воду. Весь день и часть ночи они то поют, то читают на незнакомом языке. Когда кто в окрестных деревнях заболел, то один из них, а иногда и оба вместе являются, ухаживают за больным, утешают его родных и долго-долго молятся у постели страждущего. Говорят, что многие над кем они молились, выздоравливали от самых трудных болезней. Был год, что у полян хлеб не родился. У северян же был урожай. Сели старцы на ладью и из села в село проплыли все северское побережье, заходя в дома и прося подаяния хлебом. Всех голодающих оделили. На работе в полях увидят чело-

века старого или немощного, сейчас приходят ему на подмогу. И чудное дело! Старые они уже оба – лет по семидесяти есть. А работают лучше молодых дюжих парней. И всем говорят, что Бог им силы дает. Нашим богам они не молятся. Говорят, свой у них есть, и много они рассказывают и больным, и выздоравливающим, и рабочим в поле, и спутникам в лесу, о Боге великом, которому они поклоняются. Иногда они уходят куда-то очень далеко, обходят земли Полянские и древлянские и северские и опять приходят назад. Часто и их посещают люди из дальних мест. Они им дают пищу и ночлег, и часто их собирается много – десять, двадцать человек, и тогда все молятся, поют и читают вместе, нередко целую ночь напролет.

Таковы были общие сведения о дивных старцах, живущих на горе. Любу Черниговичу один из старшин, бывших на празднике, прибавил к этим данным общей народной молвы и свои собственные впечатления.

– Обоих старцев я сам знаю. Одного зовут Феодором, другого звали Управом, но сам он себя зовет Иустином. Он полянин из рода Бронебоя. А Феодор не знаю откуда. Только и он давно живет среди нас и на языке славянском говорит хорошо. Раз я в лесу перед самыми Колядами промерз. Лихорадило, в жару лежал, бредил. Феодор приплыл на ладье, дал мне пить траву, от которой жар спал, потом часто молился надо мной. Когда же я стал выздоравливать, он мне много рассказывал о своей вере. Бог всемилостив, говорил

он. Он дал людям Сына своего, чтобы спасти людей от греха и смерти. Сын Божий сделался человеком, и злые люди Его жестоко казнили. По учению их Великого Бога, смиренные взойдут на небо, плачущие утешатся, кроткие наследуют землю, алчущие и жаждущие правды насытятся, милостивые помилованы будут, чистые сердцем увидят Бога, миротворцы назовутся сынами Божиими, изгнанные за правду получат царство небесное. Велика будет награда на небе тех, кого поносят и гонят и всячески несправедливо ругают за Бога. А кто любит Бога всем сердцем своим и всей душой своей, и всей крепостью своей, и всем разумением своим, и ближнего своего как самого себя, тот не умрет, а вечно будет жить в Боге. Вот что говорит старец Феодор. Потом я узнал и друга его Иустина. Когда бываю на земле полянской, на том берегу, я и теперь часто захожу к ним. Они мне говорят много, и чувствует мое сердце, что слова их не ложны. Да можем ли мы-то жить, как они велят? У нас ведь война да добыча вражеского добра. А после победы пиры да попойки. Все это, говорят старцы, великое зло. Надо, говорят, семьдесят семь раз обиды прощать. А у нас обычай: кто раз обидел, хоть не меня, а моего родича, хоть даже меньшего, то с него шкуру поганую ремнями срезать, а потом на кол его ободранного посадить, пока он еще околеть не успел.

Про крест рассказывают следующее:

Более пятидесяти лет тому назад, с юга, из дальних стран, пришел к этой горе на Днепре старец чужестранец именем

Андрей. Он говорил, что сам видел Сына Божия на земле и сам слушал Его поучения. Слова Учителя своего он повторял среди полян. Часто говорил он на той горе. В память о смерти Сына Божия на кресте он водрузил на самой вершине горы крест и сказал собравшимся вокруг него людям: «Видите ли горы сие? На сих горах воссияет благодать Божия. Будет здесь великий город, и Господь воздвигнет в нем много храмов Своих». Потом старец ушел в другие земли вверх по Днепру, и по Ловати реке дошел до Озерных городов. У полян остался пришедший с ним юноша, ныне старец Феодор. К нему присоединился впоследствии Управ – Иустин. Андрей же возвратился в страны полуденные, и там, говорят, был насмерть замучен противниками его веры.

Эти известия настолько возбудили любопытство Водана и многих других, что они решили точно и безотлагательно исполнить предписание духа Богучара и постараться узнать все, что можно, о дивном учении старцев, как бы оно ни было несходно с тем, что ему подсказывали честолюбие, властолюбие и другие страсти. В числе вызвавшихся сопроводить царя был и Иона бень-Манассия.

Подъем на гору шел по извилистым тропинкам в лесу, через просеки которого открывались живописнейшие виды на горы правого берега и равнину левого, с густым, разноцветным хвойным и лиственным лесом, окаймленным уходящей в безграничную даль и извивающуюся как змейка серебряной полосой Днепра. Чем выше поднимались, тем живопис-

нее и шире становился этот вид. С площадки, где стоял простой деревянный черный крест, вид представлялся восхитительный.

Водан остановился.

– Правду сказал старец! – промолвил он. – Если построят здесь город, то может быть город сильный, славный и богатый. Горы дадут непреступную крепость, Днепр – торговлю и богатство, а красота природы везде уже есть. Захватить эти горы и отстроиться не трудно. Отсюда можно с понтскими народами, с греками, с сирийцами, с египтянами и мирную торговлю, и войну вести.

К нему подошли два старца с белыми бородами и длинными волосами. Одеты они были по-гречески, в длинных, сурового холста хитонах, с накинутыми на плечи гиматиями бурой козьей шерсти. На головах их были черные скуфейки, а на шее каждого висел серебряный крест.

– Привет тебе, чужестранец, – сказал черноглазый, горбоносый старик, меньше ростом и сухоощавее. – Видали мы, как ты на ладьях своих ходил по Днепру и стал у нашего берега. Далеко ли путь держишь?

– Ищу места для поселения моего народа, – объяснил царь. – Землю древлянскую воевать хочу.

Старец выше ростом и более крепкого сложения, голубоглазый и менее смуглый, заговорил:

– Древляне горькие обиды стране полянской спокон века наносят. Люди они дикие и жестокие. Живут в лесах, горо-

дов у них нет, в еде неразборчивы. Умыкают невест, берут себе по много жен и бросают их когда вздумается. Но Христос, Господь наш, велел и врагов наших любить. И древлянам вольность по пошлине¹⁷ отцов и дедов дорога.

– За эту вольность я дам им просвещение! – самонадеянно объявил Водан. – Я дам им ратный строй, научу корабли строить, построю города.

– Это я видел, – заметил черноглазый старец. – Корабли твои финикийской постройки, а судя по одежде и вооружению, есть у тебя славяне, греки, готы, даже евреи и финикийцы.

– Ты все эти народы знаешь?

– Знаю! Родом я из Синопа в Пафлагонии и родился от греческих родителей. Зовут меня Феодором. Брат и друг мой полянин Иустин, а до принятия святого крещения именовался Управом. Из Синопа же я ездил не раз и в Пантикапею, и в Херсонес, и к берегам Колхиды. В Синопе же я познал свет Христова учения и сопутствовал до сих мест святому отцу нашему Андрею – Апостолу Христову.

– Я завоеванным народам и веру новую дам! – похвалился Водан.

– Какую? – удивленно спросили оба старца.

– Создам! – был смелый ответ.

– Ты создашь новую веру? – воскликнул Иустин. – Истина ведь не создается человеком! Или ты будешь учить тому,

¹⁷ Как пошло от отцов и дедов, по обычаю их.

чему сам не веришь!

– Почему ты полагаешь, что тому, чему сам не верю?

– Ты, может быть, хочешь поступить так, – сказал Федор, – как поступают мудрецы египетские, персидские, славянские? Они верят сами в Единого Бога, а народ учат то басням, то нелепостям, почти равным греко-римским, то поклонению огню, то обоготворению сил природы; во всех случаях – обожанию твари вместо Творца. Те же смутные понятия, которые они сами имеют о Боге, они открывают только посвященным и под великой тайной!

– Открой всю истину непосвященным, – повторил Водан доводы своих учителей, – разум помутится.

– Неправда! – воскликнул Иустин. – Моисей учил не избранных из сынов Авраама, а весь народ еврейский. А знаешь ли, царь, кто были первые ученики Христовы? Галилейские рыболовы! Было несколько мытарей, несколько римских воинов. Один только апостол Павел был прирожденный римский гражданин и знатный еврейский купец и книжник. А я сам, смиренный раб Божий, до двадцати пяти лет занимался звероловством; медведей бил и меха их проезжим купцам продавал. Великой мудрости книжной на медвежьей охоте не научишься. Не так ли? Истинная мудрость приходит не от умствований философов, а от Бога, открывающего свет правды всякому, кто Его о том молит с сокрушенным сердцем.

– О вере вашей мне уже рассказывали северяне! – объявил

Водан. – Если в ней познаю истину и притом доступную для всего народа, я могу и ее принять.

– Нет двух истин – одной для народа, другой для избранных, – горячо вступился Феодор. – Истина для царя есть истина и для последнего нищего. Ложь для книжника есть ложь для погонщика ослов. Бог есть свет и истина, дьявол – отец лжи. Выбери! Третьего тебе нет.

Водан задумался.

– Отцы честные, – сказал он. – Вижу я, что вы люди верующие в то, чему учите, притом люди мудрые и жаждущие добра. Я рад буду поучиться у вас. Говорили мне, что вы учите, что Бог, любя людей, отдал Сына своего на лютую казнь для искупления грехов людских. Говорите вы о царстве небесном и о том, как его заслужить высокой добродетелью. По ныне еще народы не готовы для восприятия столь высокого учения.

– Готовы, царь, – воскликнул Феодор, – давно готовы! Царство славы Божией на небе, но царство Божие на земле; царство благодати, собрание всех верующих уже стоит крепко. Какие гонения были при цезаре Нероне? Умирали за веру, но не отрекались от святого закона Христова. И пусть все цари мира восстанут против веры Христовой, врата ада не одолеют ее, и она устоит. Мы ищем царства Божия и правды Его, и веруем, что остальное нам приложится. Мы не осуждаем ближнего, чтобы Бог нас не осудил, и царство Божие мы не отдадим за все блага мирские. Мы верим, что всякий про-

сящий получает и ищущий находит и стучащему отворят, а потом о всех нуждах наших молим Господа Отца Небесного и верим в силу молитвы, принесенной от чистого сердца.

– Мудрое учение! – согласился царь. – Но прощение обид, миротворство, кротость, искание во всем одной правды не есть ли сон далекого будущего, когда будет создан новый человек.

– Новый человек уже есть! – твердо сказал Феодор. – Это христианин. В Греции, в Малой Азии, в Риме даже, много наших. Есть и свободные граждане, и рабы, и ученые книжники, и ремесленники, и законники, и воины – и все исполняют долг свой перед Богом и людьми.

– И воины есть? – удивился Водан. – Разве воин не должен быть жесток и безжалостен?

– Мы молим Господа, – сказал Иустин, – чтобы Он даровал мир на всей земле, но пока есть войны, есть и легионы, и служащие в них христиане исполняют свой долг. Они не добивают пораженного врага и не грабят покоренных городов, но с врагом встречаются грудь с грудью и никогда не бегут с поля битвы. И здесь, в нашей земле, есть верующие, которые смело ходили и на древлян, и на команов и не уступали в храбрости своим родичам, почитающим ложных врагов. Но постоянная молитва наша к Господу Богу есть мольба о благоденствии и мире стран и народов.

– Даже врагов? – спросил царь.

– Для христиан врагов нет! – отвечали в один голос оба

старца. – Есть только люди, братья, ближние!

– По совести признаю, – сказал Водан, – что христиане, как вы, отцы мои, это община добрых и честных людей. Но, верьте мне, никогда вас много не соберется, никогда вы народа не составите. По-вашему, царство Божие – мир и молитва? Для народа, воинов-завоевателей, битвы и пиры – первые наслаждения этой жизни. Трусов, даже кротких и миротворцев, должна ждать горькая участь за гробом. Добрый воин должен страшиться как наказания Божия даже смерти на соломе от старости и болезни.

– Значит, по-твоему, – спросил Иустин, – война и ненависть между людьми должны существовать во веки веков?

– Этого я не говорю, – отвечал Водан. – Но высокое и мудрое учение ваше, отцы мои, пригодно для других людей, которые, может быть, будут жить на другой земле. Но среди окружающего нас нет ничего, что бы обещало нам скорое осуществление такого прекрасного сна. Я расскажу вам, старцы почтенные, одно языческое предание. Ни у греков, ни у славян его нет. Вы ему не поверите. Но оно вам объяснит, почему я не верю в успех вашего учения среди людей. Некий народ, признающий много богов, рассказывает следующее: среди богов, порожденных одним общим отцом, один ведал добром и светом и был прекрасен телом и духом¹⁸. Цвет лица его был нежен, волосы подобны пшеничной соломе по цвету, невоображаемой тонины и покрыты блеском;

¹⁸ Бальдр.

весь он был как будто облит сиянием. Пока он был жив между богами, ни богам, ни людям не были страшны козни злых духов. Поэтому злые духи решили непременно погубить бога добра и света. Наиболее коварный из дьяволов¹⁹ раздражает и осмеивает богов, чтобы узнать их слабые стороны и найти себе пособника для того, чтобы убить свет и добро на земле. Но хранитель всего прекрасного был неуязвим. Боги заклинали все вещи на земле не вредить тому, от кого зависит счастье небес. В игрищах своих боги с притворным гневом наносят удары друг другу, в том числе и светозарному богу, но он их не чувствует и остается невредим. Не участвует в играх лишь бог мрака, слепой, но не злобный брат бога света²⁰. Дьявол занят лукавой мыслью: не может быть, чтобы боги не забыли в своих заклинаниях хоть чего-нибудь. Оглядев всю природу, он находит слабый отпрыск чужеядного растения, встречающегося на деревьях. Это вечно зеленая омела с белыми ягодами. Такое ничтожное растение было оставлено без внимания богами при заклании всего мироздания. Злой дух срезает омелу и делает из нее дротик, который предлагает для бросания слепцу – богу мрака. Прекрасный бог, пронзенный древесным тонким прутиком, падает мертвый к ногам невинного убийцы, обманутого брата. Смерть соглашается возратить богам их любимца, если все существа, без исключения, его будут оплакивать. И все в мире зарыдало,

¹⁹ Локи.

²⁰ Хёд.

кроме демона, принявшего вид старухи. Лучшего из богов сожгли на костре. Жена его не перенесла горя – у нее разорвалось сердце, и ее так же положили на костер ее супруга.

Дьявола боги привязали к скале. Над его лицом повесили змея, который источал яд по каплям. Жена дьявола, сев возле него, принимала капли в сосуд. Когда же он наполнился, она удалялась, чтобы вылить яд. Между тем капли падали на лицо демона, это производило в нем такие судороги, что вся земля колебалась. Вот что ныне называют землетрясением. Но так был наказан лишь один из дьяволов. Остальные готовятся постоянно к набегу на обиталище богов. Придет день, когда они сделают нападение столь страшное, что все боги погибнут. Тогда лучезарный бог добра и света воскреснет и воцарится над землей навеки.

Является могучий в судилище богов,
Сильный, свыше всем управляющий,
Он изрекает приговор, прекращает распри
И навеки устанавливает священные законы.

– Замысловатая твоя сказка, царь, – заметил Феодор. – Мы могли бы тебе ответить просто, что она языческая, и что боги, устраивающие игрища, в которых друг друга бьют – не лучше, а скорее хуже богов греческого Олимпа. Даже языческий народ, если он не совсем дикий, устыдится поклоняться таким неумным богам. Более прискорбно, царь, что ты, в котором виден и ум, и великодушные порывы, с явным на-

слаждением соглашаешься признать, что дьявол ныне царит на земле, и что до воскресения бога света люди могут исполнять волю не Божию, а дьявольскую. Сын мой! Не оправдывать зло, творимое на земле, надо, а бороться против него. Мы верим, что Христос придет вторично на землю со славою судить живых и мертвых, и что царствию Его на небе и на земле не будет конца. Вечным блаженством будут пользоваться те, которые в этой жизни соблюдали святые заповеди Его и боролись против зла. Верь мне, не было такого времени, нет его ныне, и никогда не будет, чтобы нужно было для народа сочинять басни о ложных богах. Пусть все люди учатся познавать одного истинного Бога и творить Его святую волю, ибо над миром Он никогда не переставал и не перестанет быть Единым Владыкой. Не на чудесно обновленной, а на этой земле должно утвердиться вечное царство мира и правосудия, когда люди постигнут, что Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине. Это проще и утешительнее всех хитросплетенных басен.

– О всех твоих речах и подумаю! – заключил Водан.

– Подумай! – сказал Феодор. – И если подумаешь с жаждой правды, то уверуешь, и Бог тебя благословит.

Водан и спутники его стали прощаться со старцами и собрались спускаться с горы.

– Царь, – сказал Иона бень-Манассия, – позволь мне еще остаться с этими старцами. Глубокий и чудесный смысл в их речах. Я многое еще хочу от них узнать.

– Оставайся, – сказал царь. – Воистину они мудрые старцы; но мы идем страны завоевывать и царства основывать. Да и народы наши на все поверят такому учению, слишком несходному с тем, чему их учили, но я и сам думаю:

Живут во храме боги, но так ли в нем
Им темно, как улитке в жилье своем?
Где только день сияет и слышны клики,
Где мысль царит, присуци везде Владыки.

Иона остался до ночи на горе у старцев и вернулся под утро на корабль. Он пришел к царю.

– Служил я тебе верой и правдой, – сказал он. – Теперь прошу – отпусти меня. Я здесь останусь с этими святыми старцами.

– Жаль мне, Иона, расстаться с добрым воином, – сказал Водан. – Твоей службой я доволен и рассчитывал на нее и впредь.

– Помнишь, царь, – сказал Иона, – я говорил о чудной встрече моей бабушки у колодца Иакова близ Сихары, Ведь дивный гость ее, о котором она всю жизнь вспоминала, был сам Христос Сын Божий. Это и старушка наша нам говорила не раз. Но мы грешили и не вполне ей верили. Старцы Федор и Иустин мне все разъяснили. Христос меня зовет. Иду служить ему.

– Против воли тебя не держу, – сказал Водан. – Но не пожалей только. Я от походов наших жду славы великой и силы

и богатства. А старцы что тебе дадут?

– Истину, царь, и путь к жизни вечной! – горячо воскликнул Иона.

– Иди и будь счастлив! – сказал ему Водан.

Корабли ушли вверх по Днепру без Иона самарянина. Он остался у старцев на горе с крестом.

ХИВЭВАЙМОТ

Страна древлян, поросшая густым лесом, но болотистая, не понравилась большей части пришельцев. Войну пришлось вести долго. Нападали в лесах небольшими отрядами, сражались отчаянно, но добычи не получалось. Городов вообще не было, а деревень очень мало, и те самой первобытной постройки. Древляне жили звероловством, хлеба не сеяли, одевались больше всего в звериные шкуры, редко в ткани, вымениваемые у полян и северян. Оружие их было плохое. За то часто пускали они в ход отравленные стрелы, что остервенело нападающих и пробуждало на беспощадную резню. Побитые, древляне уходили в свои леса или пробирались им одним известными путями на островки, расположенные среди обширных болот, в которых тонули и люди, и животные. Лучшая часть лета была потеряна. Скоро осень настанет, а тогда уже надо будет искать места для зимовья.

Водан собрал своих воинов и предложил на общий совет: устраиваться ли на зимовку среди древлянских лесов, чтобы

потом в них и окончательно основаться, или же пробраться вверх по Днепру в страны более населенные и зимовать в одном из городов, которых в тех местностях, говорят, много. Решили, что берега Припяти только и хороши для диких звероловов, таких как древляне, и что лучше их особенно упорно не преследовать, а в тех лесах, из которых они удалились, оставя на произвол судьбы свои жалкие землянки, заняться охотой. С племен и родов, просивших о мире, взять так же дань звериными шкурами. Нагрузив лодки пушным товаром, можно было вести торговлю с племенами, которые обнаружат мирные наклонности, и собирать через них сведения о новых местах, пригодных для поселения.

Как в охотах, так и в стычках с внезапно открывающимися засадами недругов, принимала участие и большая часть женщин с самой Фригг во главе. Оставались в стане только готовящие кушанье для воинов и ухаживающие за малыми детьми. В помощь к ним всегда отряжалось и небольшое число мужчин. В дремучих лесах не было возможности двигаться значительными отрядами. Всегда разбивались на малые кучки, которым и приходилось сражаться с внезапно нападающими из чащи темного бора врагами. Нельзя было никогда отлучиться из стана, в уверенности, что охота не окончится сражением с лесовиками.

– Знаете, друзья мои, – говорил Ираклеимон, – в какую мы страну попали? Дедушка Геродот, праотец греческих историков, рассказывает о скифах-неврах, которые все поголов-

но оборотни и раз в году обращаются в волков. Я думаю, они же и древляне. Во-первых, иной с ног до головы облечен в шкуры. Во-вторых, куда ни пойдешь – или дикого зверя, или дикого человека встретишь, а чаще всего и того, и другого. Видно, они и не боятся друг друга, а живут в величайшей дружбе, когда не голодны.

– Да голодны-то они, кажется, всегда, – возражали собеседники.

– И с чего бы, казалось, – рассуждали некоторые. – В лесах их сколько дичи! Не ленись только бить. А грибов, ягод да кореньев съедобных в час на три дня себе наберешь.

– А древляне, – заметил кто-то, – волчатину едят, даром что она ворванью воняет. Главное-то – хлеба в поганой стране не достанешь ни за какие динарии.

За хлебом отряжались по временам две-три большие ладьи в страны полян и северян. Они охотно меняли хлеб на разные припасы и товары, которых у асов оставалось еще достаточно. За меха они много не давали, так как этого добра и у них было достаточно. С ними они советовали проплыть еще выше по рекам до городов, где съезжаются иноземные купцы. Там мехам сбыт хороший.

Один из этих походов за хлебом и овощами втянул часть войска Водана в новое и неожиданное предприятие. Пристали к левому берегу Днепра Пересвет, Авгил и Еварест с довольно многочисленным отрядом воинов. На берегу происходило ожесточенное сражение. Ни по одежде, ни по внеш-

нему облику нельзя было принять сражающихся за людей разных племен. Лады прошли вперед до деревни, не возбуждая внимания сражающихся.

В деревне вожди похода объяснили, что им нужно.

– Рады бы уступить хлебушка, – сказали им, – и поторговать с добрыми гостями. Да хлеба-то теперь нет. Жатвы потоптаны, скот перебит, деревни пожжены. За оружие доброе мы бы и последнее отдали, да и то надо по всей округе поискать, где еще съестное есть, чтобы самим не голодать.

– Какое же это нашествие вражье на страну северскую произошло? – спросил Пересвет. – Мы северянам всегда добрыми друзьями были и теперь рады помочь.

– Страна-то северская нас беззащитными оставила, – объяснил старик, вышедший для переговоров. – Говорят нам: «Свои собаки дерутся – чужая не приставай».

– Вы не северяне? – удивились посланцы Водана.

– До северян день пути, – сказал старик. – Мы вятичи. Народ мы большой и сильный, да ладов у нас в родах нет. Вот и пошли дурни на дурней. Третий месяц народу смертный бой идет, а толку нет, потому что неоткуда больше подмоги взять. Срединных-то больше, чем наших. Мы вот Муром о подмоге просили, да к устьевым олянам они, говорят, уже прислали, а к нам еще нет. Все ждем. Воительницы муромские так же идут на нас.

– А надежные люди эти низовые оляне? – спросили присланные Водана.

– Люди-то со всячинкой; поразбойничать дюже охотники; только теперь против срединных мы с ними в союзе. Правду сказать – не те низовые стали, что при дедах были. Много девок муромских да волгарских в жены дерут, да многие из них и сами – кто за Волгу, а кто в Муромские леса выселились. И в речь вятицкую чужие слова то и дело подсовывают. Скоро и не разберешь у них, кто вятицкого, кто муромского, а кто и волгарского рода. И ребята пошли у них все черномазые, в матерей, не белые, да гладкие, как наши. А вояки все же добрые и недругу не спускают никогда.

– Через наши края, – объяснили вятичи, – течет широкая и глубокая река – Ока. Рыбная на ней ловля, охота за зверем по берегам, хлеба, благодарение богам, земля родит не худо. Отцы и деды наши торговали спокон века. Все добро свое возим вниз по Оке, до реки Волги, а Волга-то река большая, через много стран и народов протекает. Там такие места есть, где лен и пенька не родятся, и бабы прясть не умеют, не то что ткать. За то приходят иноземцы, у которых оружие доброе, ткани дорогие, золото, серебро, камни цветные. Всегда вольно ходили мы на стругах и вверх, и вниз по Оке матушке. Теперь же срединные недоброе дело затеяли. Построили несколько городков да сторожевые струги и никого плавать не пускают, кто им дань не заплатит. Устьевых олян они тоже обидели – земли у них несправедливо захватили, а с Муромой они всегда воюют. Вот мы и соединились, чтобы их на старые места загнать, да гнезда их разбойничьи разрушить.

Мы вот у Днепра живем, по Волге не торгуем, а за своих тоже вступились.

Вожди асов посовещались и решили отправить с хлебом и овощами часть лодок под начальством Авгила и просить у царя помощи большими силами, чтобы иметь возможность оберечь Днепровский берег вятичей от нашествия увлекшихся завоевательными помыслами их одноплеменников.

Водан прислал достаточную часть войск и поручил начальствование над ними Пересвету, которому дал в помощь двух других сарматов, Родислава и Ржешковида. К ним присоединился по собственному желанию Люб Чернигович.

Хотя берега Оки и гористы, но горы их ниже, чем приднепровские; Леса пересекались полями и пастбищами. Встречались большие отряды и происходили битвы, где воины могли лучше показать мужество, ловкость и находчивость, чем в лесных стычках с древлянами. У многих вятичей было хорошее персидское и армянское оружие. Некоторые носили дорогие кольчуги из мелкой, но весьма крепкой стальной проволоки. Одежда же у них была вообще проще и грубее, чем у полян и северян, получавших многие товары из Греции и Малой Азии.

Скоро прибыла к верховым вятичам и подмога от Муромы. С этим народом никто объяснить не мог, кроме некоторых вятичей, служивших переводчиками. Команы понимали одно слово из пятидесяти, но и то произносилось оно разно. Это были люди, по большей части, среднего роста, доволь-

но стройные и крепкого телосложения. Лицо у них было чаще широкое, нос короткий – то прямой, то вздернутый, рот большой, глаза черные или карие, борода и волосы черные или огненно рыжие. Доспехи у большей части состояли из звериных шкур. Вооружены были копьями, луками и мечами, короткими и широкими.

В числе муромских полчищ отличались большие отряды женщин. Между ними были довольно красивые, несмотря на неправильность в чертах лица, общую всему племени. Асов, у которых женщины не раз участвовали в боях, поразило не столько их присутствие, сколько то, что они сражались всегда отрядами, отдельными от мужчин и имели своих предводительниц. Сражались они с отчаянной храбростью и умирали бесстрашно, с полной покорностью судьбе. Все они стреляли из лука с удивительной меткостью. Доспехи их, сходные с употребляемыми мужчинами, были кожаные, с железными пластинками. Гибкость кожи позволяла ясно видеть общую им всем особенность, еще более заметную, когда броня снималась. У всех грудь имела с левой стороны развитие очень большое, – с правой же была плоская, как у мужчин.

– У нас в раннем детстве делают надрез и выжигают всю правую грудь, – объяснили они. – Иначе она нам мешала бы натягивать лук и метать стрелы. Левая, должно быть, и разрастается потому, что она одна, – особенно у тех, которые выкормили нескольких детей.

Ловкость, бойкость этих женщин, умение их ездить вер-

хом и метать стрелы делали так, что эта неправильность станна не производила впечатления особенного безобразия. Сражались они все конные. Более близкое знакомство с ними, при расположении станом и на привалах, обнаружило тому довольно странную причину.

Между ними было гораздо больше прихрамывающих, чем во всяком другом многолюдном сборище обыкновенных женщин. В одной из конных сотен, особенно всегда отличавшейся храбростью, быстротой и натиском, насчитывалось семь хромых; в других их было меньше, но, кажется, не было сотни, где бы не встретилось одной или двух хромоножек. Хромота была чаще всего незначительная и зависела от того, что одна нога была очень немногим короче другой, иди положение ступни не вполне правильно.

Это обстоятельство так поразило асов, что Пересвет решился спросить о причине его одну из предводительниц, молодую Люми, которая так же хромала, и даже очень сильно, и, сойдя с коня, всегда ходила упираясь на крепкий посох. Это, впрочем, не мешало ей быть одной из лучших наездниц во всем войске и стрелять с удивительной меткостью. Когда она была на коне, посох ее всегда висел рядом с колчаном.

– Я была ранена, – сказала она, – в рукопашном бою ударом тяжелой палицы по колену. Но родилась я уже несколько хромой на ту же ногу. У нас очень много рождается хромых, однако это не мешает нам смело сражаться с врагами и укрощать самых диких лошадей. Причина же этой беды,

постигающей многих наших девушек, идет еще от далеких предков наших. То было очень давно. Во многих народах, живших в верховьях Дона реки, и даже на востоке к Волге, жены помогали мужьям и в хозяйстве, и на войне, и на охоте. Но мужья не хотели делить трудов их по уходу за детьми и по убранству жилища. Если жена по болезни не могла пойти на войну, часто муж утаивал от нее часть добычи. Наши прабабушки не пожелали переносить никаких насилий над собой. Они покинули мужей, отцов и братьев, забрали с собой дочерей и основали свой город, в который мужчины входа не имели без согласия общины. Избрали мудрейшую и храбрейшую в царицы и начали ходить войной на соседние племена. Чтоб род не иссяк, допускали мужчин иноплеменников, но основываться в городе им не позволили. Дозволялось только один раз переночевать. Воевали мы и с язычами, роксоланами и прочими сарматами. Были наши общины и за морем в Понте, где города Трапезонт, Амис, Зела и Кабира. В Лидии основали мы город Эфес; нападали на греческий город Афины при царе Тезее и защищали Трою, в Пергам, где царем был Приам, против которого пошла вся Греция. Обо всем этом у нас в песнях поется. Греки нас прозвали амазонами, потому что мы одногрудые. Мы же зовем себя хивэваймот – храбрые жены. Во времена царицы нашей Таллихитар прибыл в наши степи греческий богатырь именем Геракл. Он просил царицу уступить драгоценный пояс, ко-

торый навеки греческий царь²¹ хотел дать в приданое своей дочери. Геракл понравился царице Таллихитар – своим мужеством, красотой и чудесными рассказами о своих подвигах, и она согласилась отдать ему добровольно свой пояс. Но злой Керемет²² принял вид одной из наших женщин и стал ходить по домам, уверяя, что греки хотят похитить Таллихитар и всех женщин принудить подчиняться мужьям. Все восстали и вступили в бой с Гераклом и его товарищами. Наши были все на конях, греки сражались пешими. Но Керемет, был за греков. Они победили. Доблестная Таллихитар пала с сердцем, пронзенным копьем. С убитой снял пояс грек, но Юмаль²³ его жестоко наказал. Коварная женщина, в его стране, заставила его надеть отравленную одежду. Он не в силах был перенести страдания и сам себя сжег на костре. Храбрейший из царей персидских²⁴, завоевавший полмира, погиб в бою с неустрашимыми предшественницами нашими. Схваченный, он был распят, а голова его, отрубленная после смерти, была погружена в меха, наполненный кровью. Царство его было впоследствии разрушено великим греческим завоевателем Александром.

²¹ Эврисфей – царь миканский.

²² Чернобог славян – Перкал северных финнов. У греков возмущает амазонок Гера, из ненависти к Гераклу, как незаконному сыну Зевса.

²³ Белбог, бог добра.

²⁴ Кир.

Царица наша Кукойстава²⁵ приветствовала его первая и имела от него детей, потомки которых и ныне управляют разными племенами нашими и водят их к славным победам. О царице Кукойставе наши девы и доныне поют:

Царица близ царя сидит,
Любовь очей, востока диво.
Как роза – юный цвет ланит,
И полон страсти взор стыдливый.
Проснись лидийский брачный глас!
Мы радость ловим здесь украдкой,
Летучей пены клуб златой,
Надутый пышно и пустой.
Вот честь, надменных душ забава!
Народам казнь – героев слава!
Спеши быть счастлив, бог земной!
Царица, цвет любви, с тобой;
К тебе ласкается очами;
В груди желаний тайный жар
И дышит страсть ее устами;
Вкуси любовь – бессмертных дар,
От девы, страстью распаленной,
Блажен своей тоской; что взгляд – то нежный вздох,
Горит и гаснет взор, желаньем напоенный

²⁵ Фалесура. Квинт Курций говорит только о посещении Александра Македонского царицей амазонок, но отрицает факт их связи, которой царица весьма жаждала.

И, томный, пал на грудь царицы полубог.²⁶

Во многих из нас течет кровь великого македонянина и других великих воинов – иноземцев, которых наши древние царицы призывали к себе. Но когда царство наше очень расширилось и наши селения перемешались среди селений иноземцев, многие наши женщины стали вступать в брак с жителями чужих городов и сел. Тогда прекратился у нас обычай продавать наших сыновей чужеземцам, чаще всего обращавших их в рабство. Стали воспитывать сыновей дома, так же как и дочерей. Но чтоб удержать их на месте, введен обряд, свято соблюдаемый. На девятый день после рождения каждому мальчику надламывается нога выше ступни или же в самом колене и свертывается в сторону. Затем надломленное место обшивается кожей, которая распарывается только тогда, когда при росте ребенка нога его достаточно укоротилась. Поэтому в селениях наших редко встретишь мужчину, ходящего без костыля. Мальчикам, предназначенным в рабское состояние, ног не ломают, но их оскопляют в тот же девятый день. Они работают, но потомства, понятно, не имеют. Но и здесь злой Керемет построил нам козни. Священный обряд выжигания груди у девочек и ломания ноги у мальчиков держится и соблюдается веками. По мере того, как шло время, из поколения в поколение, стали замечать, что маль-

²⁶ Дж. Драйден. «Пиршество Александра, или сила гармоний». Перевод В. Жуковского.

чки все чаще и чаще уже рождаются хромыми, с укороченной и свернутой ногой. К несчастью, хромыми рождаются не одни сыновья, а частью и дочери, особенно те, которые лицом похожи на отца. Мы их бережем и учим ходить так, чтоб хромота была менее заметна. Многие носят одну высокую сандалию. Иных в детстве удается вылечить. Предания древности говорят, что прежде этого не было, а пошло из поколения в поколение через отцов. Девы, предпочитающие брать в мужья чужеземцев, очень редко имеют хромых детей, но они у нас не пользуются уважением и прощаются им только, если они отличаются отвагой и силой на войне.

Пересвет и его товарищи слышали об амазонках еще в Танаисе, но считали их совершенно истребленными и были очень удивлены, узнав, что в скифских степях их еще много. Еще более поразили их рассказы Люми о жестоких обычаях женщин, увечающих своих детей. Они ей это высказали.

У этой лихой наездницы, неукротимой в боях, на глазах появились слезы.

– Да, сарматы! – сказала она. – Жестокий обычай у нас. Я сама пережила, чего стоит он материнскому сердцу. Я никогда не поддавалась искушению вольной любви с чужеземцами. Такова доньше живет моя мать, добродетельная Ваапукка; таковы были мои бабушки. Все мы рано избирали себе мужей и иных никогда знать не хотели. И у моей матери, и у обеих бабок от рождения ноги неравной длины. Нас родилось семь сестер. Из них три хромают, а четыре бегают

хорошо. Взяла я мужа, когда мне было пятнадцать лет. От него имею трех дочерей и одного сына. Юмал дал всем дочерям моим крепкие и совершенно ровные ноги. Они в бегу даже лучше наших скороходов перегоняют. Муж мой, Савупойка, из такого же честного рода, как и я. Чужестранцев у них тоже от древних веков не бывало. Родился он хромым, но по ошибке, старая айти²⁷, выпившая перед обрядом меду гораздо больше, чем следовало, сломала ему ногу не ту, которая была слабее от рождения, а совершенно здоровую, и свернула ее в колене так, что колено более никогда у него не разгибается. Он все-таки прекрасный мужчина, высокого роста, широкий в плечах, с огненно красными волосами. Муж мой добрый; по всем работам в доме помогает и детей так бережет, что на войну и на охоту ухожу я совершенно спокойная. Сын у нас родился в самое несчастное время. Была у нас война с волгарями. Мы их разбили, но в одной из битв мне сломали колено и изуродовали навсегда. Долго я лежала и только второй месяц начинала вставать и ходить на костылях, когда родился сын. В последние дни, перед тем как айти мне позволила вставать, мой Савупойка ступил неосторожно на покривившееся бревно пола, нога подвернулась, костыль выскользнул, и он упал и переломил себе и другую ногу. В день рождения сына он лежал совершенно беспомощный. Сын родился крупный, здоровый, – продолжала Люми, – совершенно похожий на меня – то же розовое

²⁷ Мать – т.е. старица, знахарка.

лицо, те же черные глаза, только волосы не мои черные, а его – красные, как свежая медь. Позвали мы старую айти Кананнъейто, для совершения молитв: благодарственных – Юмалу и умилоствляющих – Керемету. Этих мы не хотели, так как и моя мать, и мать моего мужа никогда Керемету не молились, а только его проклинали, – за что весь род наш считается раскольничьим и неблагочестивым. Но старуха не хотела нас даже слушать. Обоим богам она принесла в жертву по козлу: Юмалу – белого, Керемету – черного. В девятый день настало время обряда ломания ноги. Мы оба с мужем умоляли айти сделать ребенку увечье возможно легкое. Но она сказала нам: «Керемет требует детских слез, они ему сладки. Если боги наказали вас сыном, я его сделаю угодным для богов, а не для вас, нечестивых родителей, не чтущих Керемета». Я и муж мой разразились горькими рыданиями и упрашивали старуху не заставлять ребенка страдать слишком сильно и, как делают некоторые, вывихнуть ему колено или ступню, не ломая костей. Но Кананнъейто озлобилась нашими возражениями и не слушала нас. Она позвала служанок и скопцов и заставила держать ребенка, кричавшего отчаянным голосом. Принесли наковальню с углублением и молот, употребляемые у нас для совершения обряда, считаемого священным. Старуха положила на наковальню ногу ребенка и, вместо одного раза, три раза ударила по ней, переставляя ее всякий раз и произнося то мольбы Юмалу, то заклинания Керемету. Ребенок кричал изо всех сил, но неистовая Кананнъей-

то, не помня себя, пела, плясала и била ребенка. Потом она повернула ему ногу вправо и влево, распевая сиплым голосом воззвания к богам. Затем она села за угощение, и мы должны были ее чествовать и пить с ней мед и подавать лучшие куски, пока ребенок наш кричал и плакал не переставая. Меду старуха выпила много и начала хвалиться своими чудными лечениями болезней и всегда верными предсказаниями. Наконец она ушла. Нога ребенка опухла втрое толще, чем это бывает при обыкновенных переломах – и начала чернеть от ступни до колена. Укачивавший ребенка скопец сидел и горько плакал. «Умрет ребенок! – говорил он. – Знатная Люми! Пошли за айти Киркасиви. Она сильная. Ее Юмаль любит, и Керемет не устрашает. Ее многие не зовут, потому что неправоверной считают. Она Керемету жертв не приносит, а только одному Юмалу. Она всех вас, повелителей наших, излечит и ребенка твоего, владыку слуг твоих, спасет. В молодости она была храбрейшая хивэваймот; всю Каму реку, которая за Волгой течет, прошла и с биармалайнами сражалась. Ей там стрелой правый глаз выбили. Зато левым видит она все, и на земле и под землей, а под землей еще лучше, чем на земле. Как стара стала и не может на войну ходить, Киркасиви богам молится, да людям помогает: больным советами, бедным хлебом, а всем добрым словом. А на благодарность Киркасиви не зарится. Что от богатых получит, то бедным отдаст».

Послали скопца за Киркасиви. Пришла одноглазая ста-

рушка. Всем нам какого-то питья дала. Потом ребенка долго смотрела. А он уже от двух капель ее питья, примешанных в мое молоко, перелитое в рожок, спал, будто здоровый.

«Плохо дело! – сказала она, перебрав ножку ребенка между двумя пальцами. – Дай мне двух слуг своих, скопца и женщину. Пусть идут за мной и несут ребенка. Если воля Юмала, чтоб он жив был, то принесем его назад к вечеру. А пока оба молитесь богам. Они не оставят и помогут мне совершить что надо для спасения младенца».

Вечером она его нам принесла. Он спал спокойно и дышал ровно. Киркаскови положила его на мою постель и распеленала. Нога его, обрезанная выше колена, была обмотана полотном.

«Я ему дала таких капель, – сказала старуха, – что он боли сильной не чувствует. Буду заходить каждый день, пока рана совсем не заживет. Заодно и за прочими больными присмотрю».

Я поправилась раньше всех и довольно скоро стала ходить, хотя полгода не садилась на коня и ходила, опираясь на костыли. Мужу помочь Киркаскови ничем не могла, кроме того, что оберегла его от лихорадок и образования ран на месте ушиба. Обе ноги у него теперь одинаково сведены, и он ходит на руках и коленках. Сыну нашему, Хилейнену, теперь семь лет. Он совершенно здоров и для своих лет крепок и высок ростом. Ходит он на деревянной ноге. Начинает уже и из лука стрелять. Не задолго перед тем, когда я была ранена

так тяжело в ногу, я взяла волгарскую деревню, находившуюся на нашей границе за рекой. Жители ее отстреливались ядовитыми стрелами. Я позволила перерезать всех жителей, кроме детей, хотя воительницы хотели и их не щадить. Но я полагаю, что ребенок – существо священное, и приказала их вынести всех в поле, и только когда это было исполнено, позволила сжечь селение, а пленных детей отправила в ближайшую нашу деревню, куда и мы все собрались для жертвоприношения. При мне были три «айти», умевшие совершить над ребенком всякий обряд и всякое членовредительство. Всех мальчиков я приказала оскопить и разобрать между воительницами, как добычу, в качестве рабов. Девочек же всех приняли мы в дочери в бездетные или малолетние семьи, и над всеми совершили священное выжигание груди. Мы его производим всегда над новорожденными детьми. Здесь же у нас были девочки одиннадцати и двенадцати лет. Они плакали; лица их были искажены страхом, который заставлял биться даже наши, слишком закаленные сердца. Одна всех удивила. Звали ее Шадлыкэ, черномазая, как вся их порода, красивая, крепко сложенная. Родители ее были убиты, два брата изувечены у нее же на глазах. Она извергала на нас всякую брань, плевалась, показывала язык, делала руками знаки. Наши старухи хотели ее убить. Но возраст ее был таков, что я сочла нужным сохранить ей жизнь и строго запретила причинять ей вред. Ее привязали к дереву, руками назад, и хотели завязать глаза, как делали с другими.

«Не надо! Не надо! – закричала она. – Я смотреть хочу, что вы будете творить. И руки мне оставьте, только скажите, что мне надо делать и как руки держать».

Я приказала развязать ей руки и не завязывать глаза. Она сама обнажила свою грудь и затем заложила руки за спину, обхвативши дерево. Айти произнесла молитву и сделала ей на правой груди три надреза, от которых кусок тела выпал в руки старухи. Она его передала жрице, которая его сожгла на огне костра, и сейчас же, горячим железом айти прижгла рану, пока в ней кровь еще не запеклась. Все время большие черные глаза Шадлыкэ пристально смотрели вниз на залитую кровью изуродованную грудь. Белые зубы ее были оскалены, но ни вздоха, ни жалобы мы не услышали. Когда все было кончено, она отошла от дерева твердым, мерным шагом. Наши женщины окружили ее. Она совершенно спокойно дала себе перевязать рану, и только когда было все сделано, попросила пить. Затем села на обрубок дерева и заплакала, прося, чтобы ее отвели к братьям, которые лежали и не могли встать. Я ее отдала в одну семью, ведущую свой род от царицы Кукойставы и великого македонянина. Она скоро оказалась одной из лучших воительниц. Будущее для нее велико. Ей нет еще двадцати лет. Братья ее так же не рабы, а вольные почетные слуги, при ней состоят оруженосцами. Свой старый язык она теперь даже мало помнит, а на нашем говорит так, как будто бы родилась среди скифов, и ничем ее от природной хивэваймот не отличишь. Но видеть, как уро-

довали моего сына и как увечили эту девочку, я бы никогда не желала вторично. В древности, в низовьях Дона были хивэваймот и из сарматок. Из них была славнейшая Тамира, одолевшая Кира персидского.

– За то мы Керемета не боимся. Он видно бабий бог, но не в обиду тебе, благородная, сказать, – заметил Ржешковид.

– Это ты, витязь, не совсем верно мыслишь, – сказала Люми. – Сама я Керемета мало почитаю, но Керемет – бог почти всех скифов от восхода до заката. В песнях наших поется, что солнце во всякий час дня и ночи над какой-нибудь скифской землей да стоит. А везде они совершенно равно чтут и Юмала, и Керемета, и очень мало таких, как мы, не поклоняющихся Керемету. Но нас за это считают нечестивыми и часто, на общих молениях, притесняют. Вот вятичи никакого Керемета не признают. Они говорят, что их бог Сварог столь милостив к людям, что всякого бога зла разгромил бы при рождении. Айти Киркаскиви говорит, что добрый человек, молящийся Юмалу, всегда сильнее Керемета. За то всю семью нашу и айти Киркаскиви считают нечестивыми и даже после больших боевых подвигов на жертвоприношениях мне отводят место из последних, потому что я не боюсь Керемета и верую, что Юмал его скоро убьет совсем, так что его и на свете не будет.

КЕРЕМЕТ, ЧЕРНОБОГ И УПЫРИ

Все слушали с большим вниманием рассказ и рассуждения молодой воительницы. Родислав заговорил, когда она кончила:

– Благородная Люми, наш царь Водан мудрейший из людей и часто боги удостаивают его беседой с ним. Он нас сюда прислал на помощь вятичам и муромам, а так же и доблестным хивэваймот муромским. Сам же остался он воевать с дикими лесными древлянами на Прилети. Он любит в час досуга вести мудрые речи с нами, его слугами, часто говорит нам и былины разных народов, среди которых он жил. Одна из былин, рассказанных нам царем Воданом, выяснит тебе, кто сильнее: Керемет или человек; надеющийся на Юмала и сам неплошающий? Ты знаешь, благородная Люми, много песен и сказаний твоего народа. Тебе не безызвестно, что на той же реке Дон, с верховьев которой ты родом, ближе к низовьям в степи живет народ – готы. Много готов и в нашем войске, даже больше, чем сарматов. Так вот что расска-

зывал нам царь Водан про гота Фридульфа, жившего давно на берегу реки Дона.

Фридульф имел кузницу, делал оружие, подковы для коней и якоря для лодок. Идущие по Дону мореходы и едущие по берегу конники часто обращались к нему и он работал для них. Но мед и пиво ячменное и вино пантикапейское он любил и часто бывал пьян. Тогда он пережигал железо, кривил мечи, тупил копья. Заказчики ругались, а подчас и били его очень больно. Раз так и было. Варит он похлебку из рыбы, голова трещит от выпитого вина, а спина ноет от побоев, нанесенных двумя проезжими витязями, одному из которых он щит так покривил, что его тут же с досады в реку бросили. В окно к нему вдруг показалась какая-то морда с длинным-предлинным носом, который доходил до середины кузницы.

– Видал ли ты такой нос? – спросил Фридульфа бес.

– А пробовал ли ты такую горячую снедь? – отвечал Фридульф, и вылил ему на нос весь котел с кипящей похлебкой.

Бес хотел было улизнуть, но, кувыркаясь от боли, попал опять хвостом в окно кузнецы. Это-то Фридульфу и нужно было. Он беса цап за хвост и зажал хвост в тиски. Взмолился бес:

– Отпусти! Дам тебе выкуп богатый.

Кузнец ему отвечал:

– Нос я тебе вылечу чудной мазью, которой всегда сам себе обжоги лечу. А ты мне дай, чтобы я мог пить и даже пья-

ным не плоховать в работе!

– Хорошо, – сказал бес, – но через семь лет я приду по твою душу!

– Идет! – решил Фридульф. – Семь лет – срок большой. Много за это время воды утечет.

И стал Фридульф работать на славу, а пить больше прежнего. Но сколько бы он ни пил, неудач в работе у него не бывало. На седьмой год приходят к нему старцы в полотняных одеждах, с длинными, почти до полу, белыми бородами. В то же время подходит и человек, ведущий коня на поводу.

– Подкуй коня! – просит он.

Один из старцев говорит:

– Дай, я подкую!

Старец подошел к лошади, оторвал руками ее переднюю ногу, положил в огонь, раскалил подкову, заострил шипы, вбил гвозди и снова приставил ногу на место. Таким же способом он распорядился и с остальными ногами.

Кузнец смекнул, что это странник не простой, а вещий человек.

В это время вошла старушка. Попросила сделать ключ к замку, вместо утерянного.

Второй странник, не говоря ни слова, взял старуху в охапку и бросил ее в огонь. Вынул ее клещами, положил на наковальню и перековал в дивную красавицу.

«Этот еще лучше первого!» – подумал кузнец.

Третий схватил на лету попавшую в кузницу ворону, на-

грел ее в огне и перековал на груды золота. «Все три хороши! – сказал себе Фридульф. – Дай-ка попробую».

Как в ответ на его желание, привели подковать другую лошадь. Он ей отрубил ноги, но они сгорели в огне, а лошадь, истекая кровью, околела. Хозяин ее хотел избить Фридульфа до полусмерти, но кузнец ему указал на выкованное из вороны золото и сказал:

– На! Подбери. Тут есть на что десяток лошадей купить.

В это время шла мимо кузницы старая нищая, слышавшая в округе за ведьму. Фридульф взял ее и сунул в огонь, несмотря на ее мольбы и слезы.

– Дура! Для твоего же добра стараюсь! – утешал ее Фридульф. – Сделаю из тебя молоденькую красавицу и за работу не возьму. Я теперь сам богат: всех ворон на золото перекую.

Старуха сгорела со всеми косточками и потрохами.

– Здесь уже не откупишься! – сказал второй старец. – Узнают про твои дела, шкуру со спины ремнями срежут, солью с перцем натрут, а потом на кол посадят.

– Об этой колдунье жалеть никто не станет, – сказал Фридульф. – Вся округа ее за поганую знает. Да вот золота-то, разбойник, больно много за свою клячу стянул. Надо еще его наковать.

Хотел он поймать ворону, но влетевшая в кузницу не только не далась ему в руки, но еще с налета выключнула ему глаз.

– Не стою я подковы ржавой! – воскликнул Фридульф. – Чего я с бесом связался?

– За грехи тебе наказание уже есть! – сказал один из старцев. – Глаз потерял. Чтоб с бесом покончить, мы тебе поможем. Смотри на эту грушу, что растет перед твоей кузницей. Кто на нее влезет, будет сидеть на ней, пока ты сам не позволишь сойти.

– Кто сядет на скамейку в углу кузницы, – сказал второй старец, – тот не сможет встать, пока ты сам ему этого не разрешишь.

– Кто влезет в твой кошель из тонкой кольчуги, не вылезет из него без твоего позволения, – объявил третий старец.

И пошли старцы своей дорогой.

Прошло семь лет со дня договора Фридульфа с бесом. Он является.

– Идем, кривой! – сказал он кузнецу. – Для тебя место в аду готово.

– Постой, – говорит Фридульф не смущаясь, – выкую головку этому гвоздю, а покуда не кончу, полезай на мою грушу и нарви себе груш.

Бес влез на дерево, но слезть не мог.

– Что это такое! – воскликнул он.

– А то, что я гвоздь четыре года ковать буду, а ты пока сиди.

Бес вертелся так и сяк. Сила заклятия дерева была мощнее силы бесовской. Он обещал четыре года подождать.

– Слезай прочь! – воскликнул кузнец.

Через четыре года бес опять является.

– Головку гвоздя я кончил, – сказал Фридульф, – только не успел заострить конец его. Ты пока присядь в углу на скамейке.

Бес сел, но опять тотчас заметил, что прирост к скамье и не может от нее оторваться.

– Пусти! – закричал он отчаянным голосом.

– Через четыре года пущу, – отвечал кузнец, – а пока сиди. Будут люди приходить, – я по беличьей шкурке брать буду за показ диковинки. Мехаами торговать начну.

Бес опять обещался оставить Фридульфа на четыре года в покое. Кузнец ему опять позволил улететь. На четвертый год бес опять прилетает.

– Я готов! – говорит Фридульф. – Вот и гвоздь вместе с золотом и серебром в кошельке лежит. Можешь ли ты влезть в кошелек и посмотреть, цело ли дно, как бы дорогой не потерять своего добра!

Бес сжался в комочек и залез в кошелек. Кузнец быстро запер его на замок.

– Кошелек везде цел! – объявил ему бес.

– Это-то мне и нужно! – сказал Фридульф.

И бросив кошелек в огонь, стал его накаливать. Затем переложил кошелек на наковальню и стал бить его изо всех сил, пока золото и серебро, кошель и сам бес не сбились в один твердый кусок. Заговоренный же гвоздик прошел бесу через тело.

– Пусти меня! – вопил бес. – Никогда больше к тебе не

приду.

А Фридульф продолжал бить. Побивши достаточно, он снес кошель к Дону и бросил его в воду.

Прошел еще год. Бес более не появлялся. Приходят опять странники. Один из них подает Фридульфу его кошелек.

– Мы его нашли в реке. Он попал в невод рыбакам, которые нас везли по Дону.

– А знаете, что там находится?

– Знаем, – отвечал второй старец. – Мы все знаем. Выпусти его; он тебя более не тронет, но попасть или не попасть в ад зависит от тебя.

Фридульф открыл кошелек, и бес вылетел из него без оглядки.

– Видишь, Фридульф, – сказал один из старцев, – ты с адом шутил. Но понимаешь сам, что благие боги не примут в рай такого пьяницу, как ты. Иди с нами и посмотри, каков ад. Может, еще постараясь исправиться.

Фридульф пошел к реке и сел на лодку к старцам. Долго плыли они по разным неведомым рекам. Наконец доплыли до горной утесистой страны.

– Вот пещера! Это вход в ад! – сказали старцы. – Идем.

Но их завидели издали бесы. Среди них был и посещавший Фридульфу.

– Заприте двери на все девять запоров, – закричал он, – да еще девять висячих замков нацепите. Если этот проклятый кузнец заберется сюда, он перевернет кверху дном весь наш

ад. Убирайся вон, – закончил он, и швырнул в Фридульфа камешком. Камешек вышиб кузнецу и второй глаз, так что он совершенно ослеп.

Старцы его взяли с собой и увели в лес, где они жили. Он раскаялся; перестал совершенно пить хмельные напитки, заменив их ключевой водой, стал поститься и молиться благим богам. Но всегда он грустил, не столько о потере зрения, сколько о нечестиво проведенных годах. «Безбожный человек сам себе худший из бесов!» – говорил он всегда посещавшим его и поучавшимся у него людям.

– У нас тоже рассказывают, – сказала Люми, – как девочка заставила одного из духов, посланных Кереметом, влезть в ореховую скорлупу, в которой была червоточина. Потом она снесла его к скопцу, работавшему на кузнеце, прося расколоть ей орех, а червоточину заткнула стебельком священной травки. Ни один молот не разбивал ореха. Коваль рассердился и ударил самым тяжелым. Кузница вся разлетелась в обломки. «Должно быть нечистый сидел в орехе!» – воскликнул кузнец. «Так оно и было!» – сказала смеясь девочка. Такова наша сказка, но благочестивые поклонники Керемета ее считают грешной и запрещают рассказывать.

Ржешковид сказал, выслушав обе сказки:

– Удивляет меня всегда, что среди храбрых на войне народов всегда много верящих в нечистую силу и боящихся ее и не надеющихся на то, что благие боги всемогущи, а отец богов всеблаг. Верно сказал нам Родислав: безбожный чело-

век сам себе худший из бесов. Хороша сказка благородной Люми тем, что в ней невинный младенец, при помощи одной священной травки, одолевает злую силу. Надо надеяться, что среди славных хивэваймот появятся мудрые женщины, которые усилят в народе веру в Юмала и уменьшат страх перед Кереметом. Тогда не будут терзаться сердца мужественных женщин, как терзалось сердце благородной Люми, пережившей столько горя еще в столь молодых годах.

Соединенные усилия союзников, после нескольких блестящих побед над срединными вятичами, увенчались полным успехом. Городки, построенные с целью вредить плаванию по Оке, были разрушены. Городам, потерявшим корабли, была уплачена вира²⁸ оружием и мехами. Мурому были возвращены неправильно отнятые земли. Все племена, участвовавшие в войне, разошлись большими друзьями. Царь Водан остался весьма доволен делами посланных им людей. Он так же покончил с пытавшимися еще оказывать сопротивление древлянами. Решено было продолжать плавание вверх по Днепру и искать мест, удобных для зимовки.

Водан слушал с большим любопытством рассказы о муромских воительницах и их бесчеловечных верованиях и обычаях. Всегда и прежде женщины у него участвовали во всех битвах. Во время же столкновений в лесах с древлянами, Фригг каждый день выезжала на охоту с женщинами, и все были так вооружены, чтобы всегда быть готовыми дать

²⁸ Штраф.

отпор дикарям в случае нападения с их стороны. А случилось это часто. Много было сражений, где Фригг с спутницами своими храбро бились с древлянами и обращали их в бегство. В стане не досчитывались уже двух девушек, убитых в бою. Были и на костылях, и с подвязанной рукой, и с головами выбритыми и обернутыми полотняной тесьмой. Но каждая из них могла похвалиться, что не дешево далась лесным разбойникам. Фригг все время болезни посещала их ежедневно и заботилась о них, как сестра. Водан приказал из добычи уделить им двойную часть. На будущее же время он определили составить из всех молодых женщин отряд жен и дев щитоносиец, составляющих почетную стражу царицы. На щите каждой он написал и велел вырезать изречения готские и сарматские, изображенные теми письменами, которые он изобрел для замены кадмовых знаков, малопригодных для готского и славянского языков.

– Мои воительницы не хуже муромских будут, – шутил он, – хотя ни в одной из них крови Александра Македонского нет, и детей они кормить обеими грудями станут, и никто не решится их калечить в угоду какому-нибудь Керемету.

– А ты, Люб Чернигович, не видал Керемета? – спросил Водан. – Ведь ты со всякой нечистой знаком. Дивлюсь тебе, какой ты славный воин и так нечисти боишься.

– Да я, царь, смерть от человека всегда принять готов, – сказал Люб. – А от смерти, упырем данной, храни святейший Сварог каждого. Я людей только в честном бою бивал,

был родителям сын, сестрам брат, дружинникам товарищ; что покупал, всегда платил наличием; гостя принимал хлебом-солью от чистого сердца. Когда женюсь, на чужую девку и не взгляну, а из малых деток, которые будут, и добрых вятзей, и почестных жен сделаю. И о жертве богам никогда не забываю. А вдруг меня упырь возьмет да убьет, или русалка утопит! Ни в упыри, ни к водяному в дружбу я идти не хочу. Придет смерть, пусть меня боги по заслугам примут. А муромы говорят, часто их Керемет с товарищами, во время боев облик человеческий принимают. Ну! И бил их я напропалую, хотя знаю, что даже великий Сварог упырей бить посылает самого старшего сына своего Перуна, который один против них мощен. От того, как часто летом, после Купалы, и до конца страды, гремит Перун. Нас он, детей своих, от нечисти обороняет.

– А уж бить упырей наш Чернигович старался, – сказал Ржешковид. – Бил он этих вятичей срединных напропалую. Будут они его помнить. Ведь какую осаду выдержал! Прикажи, великий царь, рассказать ему все.

– Засели мы в лесу, – начал рассказ своих подвигов Люб. – Окопались. Засеку сделали. Дорогу отрезали. А по ней и народ ходил, и товаров много возили. А тут полезли срединные. Ждем, когда они на приступ пойдут. Хлебушко был с нами, а дорогой лосей настреляли, да по близости речка Упа течет. Мы там рыбу полавливали. Человек по пяти ходили на реку. По ним стреляли, да они все леском, да кусточка-

ми пробирались и все возвращались с доброй добычей, целы и невредимы. Раз только готу Гардегильду правый глаз стрелой вышибли, да и он теперь жив и здоров, и на коне за ним не утонишься. Значит, одним глазом все дело у него кончилось. Подошли с дороги к ним еще ихние. Полезли на приступ. Узнали мы, что самые лихие их главари были здесь. Один Амчан Мченых, про которого говорили в их же народе, что куда Амчан пришел на двор, так десять чертей рябых всегда за ним. Он-то сам, правду сказать, прямо на упыря похож. Я его убил, топором ему голову раскроил. А все думаю: «Упырь». Велел Гардегильду ему в самое сердце кол осиновый вбить, а после битвы мы его сожгли отдельно от добрых людей, да по ветру пепел его пустили. А то бы ожил! А другой воевода у них был один из той именно шайки, которая самый этот разбой на Оке реке придумала и затеяла людей чужих родов, без выкупа, плавать не пускать. Елец он прозывался. Увидел Елец, что людей у него мало. Сам едва на коня всполз. Я ему собственноручно левое плечо перерубил да рот до правого уха расширил. Да две еще стрелы в нем побывали. Его ребята их у него вытащили при мне. А все дерется! Собрал он наконец своих и наутек. А в лесу засела муромская Люми хромая со своими девками. Всех убегающих перестреляли. У Ельца вынули стрелу, захавшую через глаз в самый мозг и ударившую в дно черепа так, что он треснул. А на стреле была изображена звездочка, вроде снежной, метка самой Люми. Значит, не от простой ратни-

цы, а от самой воеводки, хотя и не самой наибольшей, смерть разбойник получил. Метко баба стреляет; даром, что еще и тридцати годов ей нет, а воеводка славная и мечом дерется отменно.

– А как по-твоему, – спросил Водан, – этот Елец не упырь?

– Он разбойник и вор, – сказал Люб, – а мнится мне, что все же упырем он не был и не будет. Храбрый и в полевом бою лихой витязь был и стрел не боялся. А упырь-то всегда из засады выскакивает.

Царь позвал Гардельгильда. Это был старый слуга Нордериха, следовавший всегда за ним во всех походах. Потеря глаза его ужасно ожесточила против разбойников и, несмотря на полученные при мирном договоре полтораста лисьих мехов, он был зол на них до крайности. В звание упыря, приписанное Амчану, он твердо уверовал со слов Люба Черниговича.

– Что одного Амчана сожгли, да пепел его по ветру развеяли, этого мало, – заявил он. – Надо было бы по всему их поганому краю пройтись и всех, до малых ребят, пожечь с осиновыми кольями в сердце. Там, что ни мужчина, то упырь, что ни баба, то ведьма. И говорят-то они не как люди. Все слышишь а-а-а-а, да а-а-а-а! Это ведь они нечистую силу из ада призывают.

Водан рассмеялся такому неожиданному замечанию старого гота.

– Не говорят ли с очень открытым ртом люди с открытой

душой? Собака ворчащая больнее лающей кусается! Думается мне, твоя рана да вид дремучих лесов по Оке нагнали на тебя много напрасных страхов.

Оставшись наедине с Зурь-Иргаком, Водан сказал:

– Не легко искоренить в народе страх нечистой силы и отвлечь людей от поклонения ей наравне с богами. Еще труднее научить весь народ почитать Единого Пречистого Бога, что ни говорят старцы с горы над Днепром.

ТОРГОВЫЕ ГОСТИ

Корабли нагрузились мехами и съестными припасами и отправились в плаванье для поисков зимовья Люб Чернигович переправился через Днепр и со своими воинами вернулся в родную землю северскую. Дошли до большого города, построенного на высоких горах, на самом берегу Днепра.

Вокруг города во все стороны тянулись дремучие леса, то поднимающиеся по склонам гор до самых их вершин, то спускавшиеся к самому берегу реки, в водах которой деревья отражались зелеными тенями причудливых очертаний. Город был окопан со всех сторон и окружен частоколом, то громоздящимся в гору, то исчезающим в оврагах. Вершины гор были увенчаны башнями с многочисленными бойницами, и в верхнем ярусе с большими окнами, через которые выглядывали большие камнеметы с веревочными приводами. В лесах были проделаны засеки, через которые вели узкие дороги. У каждой дороги, недалеко от города, стояло по сторожевой деревянной башне. Река была наполнена стругами,

ладьями и кораблями разной величины и разной постройки. Стояли они не только у города, но и за городом вверх и вниз по реке на большом расстоянии. В лесных полянах были расставлены шатры и около костров грелись и готовили кушанье путешественники, по одежде и облику принадлежащие к самым разнообразным странам и народам. Леса были по большей части хвойные, и запах смолы носился в воздухе по всей реке.

Водан прошел со своими стругами выше города и расположился вдоль берега на расстоянии более десяти стадиев. К нему выслали из города мужей почестных, которые от имени посадника Бельца, тысячного Боролюба и народного веча, спросили пришельцев, что они за люди, откуда пришли, куда путь держат и чем торгуют? Вожди асов удовлетворили их любопытство и приняли с почетом. «Кто сядет к столу моему, тому дам воды и оботру ему руки, – говорил Водан, – но говорить ему буду приятно, чтобы и его речь была мне приятна», и всегда соблюдал он это правило при встречах с чужеземцами. Посетил Водан и посадника, и всех воевод, живших в городе, а принял их у себя к почетному столованию, где не пожалел ни пива ячменного, ни меду стоялого.

Город был большой и состоял из множества длинных, широких немощеных улиц, обсаженных белоствольными берегами. Дома были одноэтажные, деревянные, с соломенными крышами. В середине города на вершине одной из гор была площадь и на ней помост и башня с вечевым колоколом для

созыва народа. Храмов не было, так как каждый род совершал все моления у себя на дворе. Торговые ряды тянулись по многим улицам, особенно вдоль реки, и были наполнены самыми различными товарами. Купцы по большей части были славяне разных племен, но было немало скифов, говором и обликом напоминающих мурому и команов. Встречались и хозары со строгими чертами лица, и подвижные словоохотливые греки: нашлось даже несколько евреев, пришедших из Ольвии, Херсонеса и даже Синопа, где они проживали со времени разрушения Иерусалима. Горожане рассказывали про себя и свой город:

– Зовемся мы у народов кривичами, а город наш прозывается Смоленском. Среди сосны да ели живем, из них и дома, и корабли строим, и дрова для отопления рубим и лучину щиплем, которой по ночам освещаемся. Мудрено ли, что все у нас смолой насквозь пропахло. А от смолы и городу имя – Смоленск. Город наш по Днепру реке самый большой. Сюда свозят товары со всего бела света. Волоком от нас недалеко в другие реки, впадающие в разные моря. Волгой пройдешь в море Хвалынское, янтарной Двиной в море Чудское, или Белое, а по Ловати путь лежит в озера Муйское да Невское²⁹ и иные, из которых выход в то же море, в дальние его воды. Там на озерах великое множество городов. Города Русса, Славянск, Холмоград да Остроград, великие и сильные города, не многим меньше нашего Смоленска, и торговлю ве-

²⁹ Ильмень и Ладожское озеро.

дут со всем светом. У них и тиверцы, и угличи, и северяне, и поляне, и наши кривичи бывают, а из-за моря и бодричи, и лютичи, и ляхи, чехи, мораване, словаки и хорваты заезжают, и саксы, и весь, и квены с карелой так же заглядывают. У них, как у нас, купцы есть, которым нипочем любое царство заморское купить. Только племя они не согласны покинуть, а потому сколько бы по морям ни ходили, все домой возвращаются. У бодричей и лютичей тоже города богатые и корабли большие, и сами они воины храбрые. Остров Ругин каждую весну по всем морям корабли посылает, а в Винете городе на Волине острове найдешь купцов и товары со всех краев земли. А город Винета – весь каменный, а по стенам городским три тройки не задеваясь разъедутся. Еще город Любич, Росток, Рюрик, Щецина и многие другие. Ругские люди и построили город Руссу, неподалеку от Муйского озера. Есть другая Русса и на земле тиверцев. Ее так же ругиане построили. Каждый город наш имеет свои корабли. Для охраны купцов есть морские дружины. На кораблях своих они варяют³⁰ купцов и никаким воровским людям ни себя, ни своих в обиду никогда не дадут. Да все наши купцы и сами воевать умеют.

Бодричи и лютичи явились лучшими покупателями мехов у спутников Водана. В обмен они принесли прекрасное оружие и прочие ткани для одежды, вывезенные из далеких стран. Были это люди высокого роста, чаще белокурые, чем

³⁰ Идут впереди (см. еванг. Марк. X, 32 и XIV, 28).

темноволосые, с голубыми глазами. Одежда их напоминала носимую донскими сарматами, хотя вообще была теснее и плотнее прилегала к телу, чем восточнославянская рубашка. Все носили богато расшитые пояса и длинные широкие плащи, обшитые по краям бахромой или мехом. Штаны у всех были длинные и узкие. Обувь – желтые кожаные башмаки, стянутые ременными шнурками. Шапки войлочные, высокие, с плоским дном, слегка суженные кверху. Шлемы невысокие, с забралами затыльником. Броня, то чешуйчатая, то вся кольчужная, тонкой и прочной работы. Все они питались лесной дичью и охотно пили мед и пиво, а после еды пели песни и играли на гусях, рожках и свирелях, а так же плясали, иногда до упаду. Язык их был почти тот же сарматский, на котором говорили на берегах Нижнего Дона. На асов они произвели приятное впечатление своей честностью в торговых расчетах, а так же умением угодить, предлагая свой товар по вкусу каждого покупателя. Водан им говорил:

– Надо быть осторожным, но не без меры. Особенная осторожность нужна с похмелья, с чужой женой и с дружиной мошенников. С вами подчас и выпьешь, но торговать с вами можно ни о чем не тревожась. Велика у вас честь купеческая. Впрямь видно, что вы купцы – воины. У вас говорят воину:

Ты купца, на пути повстречав, защити,
Но возьми с него должную дань.

Ты владыка морей, он же прибыли раб.
Благороднейший промысел – брань.

Вы не рабы, а хозяева прибыли; да и бранный промысел вам, кажется, всем хорошо ведом.

– Да! Не хвалясь, царь, можем про себя сказать, что говорят про нас иноземцы. Мы всем славянам славяне, и слава, мать наша, нас полюбила. За то и чтим мы богов наших, как никто. Есть у нас храмы, по великолепию равные греческим и римским. Камни для них от карелов привозим, а столбы под кровлей часто цельные из одной глыбы выделываются. В Винете, у храма Сварога тридцать шесть таких столбов, а на острове Выспах³¹ храм Перуна на двадцати четырех столбах держится. А на Ругине Свантовид под сорока столбами стоит. А крыши железные; у Сварога и Свантовида – золоченые, у Перуна оловом крытые, на солнце кажется серебряной. И сам Перун весь медный, с золотой головой, а Свантовид из Невского камня с четырьмя головами.

– При всех храмах жрецы есть? – спросил Водан.

– При каждом их много. И старшие есть, и младшие. Отдельно от них еще волхвы-прорицатели. Те тоже при храме живут, но народных жертвоприношений не совершают, а только поучают народ и вещают ему о будущем. Есть у них медные доски. На них знаки начертаны, которых никто из нас читать не умеет. Но жрецы и волхвы каждый знак зна-

³¹ Готланд.

ют, и доски им открывают, и прошедшее и настоящее и будущее всего народа нашего и каждого из граждан. А Чернобог имеет на Узодоме священную рощу, где его жрецы ему жертвоприношения совершают. После войны убиваем десятого человека из пленных, а когда мор или голод случится, по жребию избирается жертва из красивейших между нашими девами. За это велика будет награда душе ее от богов, и многие охотно и даже без жребия, добровольно идут на заклание. Они знают, что жизнь свою отдают за благо и спасение города своего.

– А Сварога изображение какое? – полюбопытствовали некоторые из присутствовавших.

– Сварога изображать нельзя. Он везде. В храме его есть только солнце. Большое круглое окно затянуто навощенной прозрачной желто-красной тканью, а вокруг него сияние лучей из чистого золота расходится по стене храма во все стороны. В полдень солнце ударяет прямо в это отверстие и освещает весь храм. Тогда мы молимся отцу всех богов и приносим ему жертвы.

– Какие?

– Плоды земные, золото, камни самоцветные, цветы полевые и садовые. Сварог – жизнь, и жертвовать ему что-либо убиваемое нельзя. Крови на своем жертвеннике он не терпит. При этом мы сжигаем ладан и другие благоухания и поем под звуки гуслей и рогов хвалу великому подателю жизни. Священнейшее из святых мест наших славный Ругин остров.

Это край, благословенный богами для славы и чести мореходов. Вдоль берега в сутки его не обойдешь. Все берега изрезаны заливами, где корабли стоят совершенно безопасно от всех ветров. Берега в прилегающем к Ругину крае низменные и песчаные. Сам же остров горист и весь порос буковыми и дубовыми лесами. Станешь на иной горе, смотришь во круг себя, глядишь не наглядишься. Такая красота! Синее море, зеленые леса, белые меловые горы, пестрые пастбища. На всех заливах богатые торговые города стоят, а сел, деревень, хуторов – и не перечесть. Деревянных построек мало. Все больше каменные. В каждом городе множество великолепных храмов и богатых домов. На северном полуострове могущественный город Сванград построен. Все почти дома его каменные, улицы прямые и широкие, площади обширные; торговые ряды есть ругинские, волинские, выпяньские, озерные, саксонские и азиатские. В последних скифы и хозары приезжают летом и торгуют. С ними иногда приезжают и евреи, и финикияне. Кремль стоит на высокой горе, выдающейся мысом в море. Он обнесен высокой каменной стеной и совершенно круглый. В нем стоит знаменитый храм Свантовиды. Так на Ругине зовут великого Дажь бога. Кровля храма золоченая и сияет, как солнце красное. Внутри здания все стены покрыты резьбою хитрого искусства и позолотой. Пол из мрамора всех цветов, привезенного с берегов Невоозера. Жертвенник золотой, украшенный узорами из камней самоцветных. Жрецы ходят в серебряных одеж-

дах, шитых золотом и осыпанных драгоценными каменьями³². Сам же Свантоград окружен каменной стеной с башнями и пятнадцатью воротами. Пройдя к югу от Свантограда, придешь к горе Кволтице. На ней храм Сварога, а по скату горы на востоке священная роща с каменным жертвенником. В роще множество курганов, обложенных гранитом и мрамором. Здесь погребены почти все великие люди ругинских городов: правители, воины, купцы богатые, жрецы благочестивые, волхвы мудрые, девы вещие, мореходы отважные. На Красную горку, когда день равен ночи и начинается новый год, весь Ругин собирается у Кволтицкой горы и справляет родительскую неделю, скликая покойничков для еды. Все курганы уставляются яствами и обливаются медом и пивом. Здесь с особенным торжеством въезжает Весна-Красна на серебряной колеснице. На эту неделю приезжает на Кволтицу и Матказемя, богиня из Стопенькамня, и воздвигает золотой шатер свой рядом с храмом Сварога. Много в дни эти жертвуют благочестивые люди на храмы во славу богов и в честь покойников, делами своими прославившими Ругин остров.

Стопенькамень – город такой же большой и сильный, как Свантоград. Стоит он за такими же крепкими стенами и окопами. В нем три храма: Сварога, Велеса и Перуна. В храме

³² Храм Свантовиды был взят приступом и разрушен в 1168 году Вальдемаром I, королем Датским. Сокровища были отвезены в Данию и многие находятся ныне в Копенгагене, в музее северных древностей. Развалины Кремля и теперь видны близ Арконы.

Белеса одна из золотых сошек, упавших с неба к Микуле Селянину. Другая такая же сошка находится в Микульборе, основанном этим великим пахарем-богатырем. И в Стопенькамне, и в Микульборе все сохи, которыми проводится первая борозда в поле, на семь дней и семь ночей лежат в храме, связанные веревкой с золотой сошкой Микулы Селянина. В храмовом поле верховный жрец Белеса, прежде чем пройти борозду, три раза вонзает священную сошку в землю. И Белес посылает ругиянам и микульборовцам всегда обильные урожаи всех хлебов.

Идя на закат солнца все время буковым лесом, приходишь к ограде священного леса великой богини Матказеми. У ворот живут воины и семь жрецов, охраняющих вход. В рощу для молитв и жертвоприношений впускают людей только в определенные праздничные дни. Во всякое другое время вход заперт, и кроме жрецов никто не смеет проникать за ограду. Среди леса находится озеро в триста шагов в поперечнике и более девятьсот шагов в окружности. На один берег его допускают в праздники желающих молиться. На другом построен городок со рвом, с земляным окопом и с каменной стеной. В нем на возвышенной горке находится храм Матказеми. Храм круглый, трехъярусный, из яркого белого камня, он никогда не чернеет. Крыша его островерхим шатром вся позолочена и блестит на солнце, возвышаясь над лесом так, что ее видно издалека. В городок храма входит раз в год только верховный жрец и, совершив жертвоприноше-

ние хлебом, медом и плодами, удаляется, сопровождаемый служительницами храма. Их сорок девять немых дев: у них у всех вырезаны языки, а передние зубы, два верхних и два нижних, заменены золотыми. В верхние золотые зубы вставлены драгоценные камни. В нижнем ярусе храма находится колесница богини, а в среднем святилище – ее священные телушки. Говорят, что оно золотом, изваяниями и камнями самоцветными превосходят все храмы, существующие на земле.

Изваяние богини Матказеми головой выше роста самого рослого богатыря. Оно отлито одетыми в летнюю шубку из темной меди и позолочено с ног до головы. Сверх шубки на богиню надет золототканый плащ, осыпанный камнями самоцветными. На голове у нее венок из цветов, сделанных из таких же камней. В правой руке она держит серп, левой опирается на толстый сноп, связанный из золотой проволоки, колосья же собраны из золота и самого чистого дорогого янтаря. К родительской неделе ставят Матказемя на золоченую колесницу, запряженную восемью телушками, совершенно белыми. Рога этих телок золоченые, а сбруя золотая, с камнями самоцветными. Колесница с богиней, сопровождаемая немymi девами, направляется к воротам внешней ограды. Там их встречают жрецы-привратники. Верховный из них и два младших присоединяются к шествию. Скопление народа по всем дорогам становится громадным. Идут сперва к Кволитице и совершают моления всю родительскую неделю.

Оттуда двигаются в Свантоград, где так же остаются семь дней. Затем обходят весь остров. Везде пребывание великой Мактаземеи сопровождается празднествами и угощением жрецов и жриц и приношением им богатых даров. Здесь же матери, обремененные семейством, часто приносят в дар храму своих дочерей-младенцев, и верховный жрец торжественно совершает над младенцем обряд вырезания языка в золотом шатре богини, раскрываемом, чтобы все видели. Рана, по вырезании языка, тотчас прижигается каленым железом. Потом ребенка лечат. Говорят, немые девы в этом деле так искусны, что дети умирают от этого истязания лишь весьма редко. Девочек при храме потом учат всему тому, что они должны знать.

Вот что мы знаем о жизни немых дев Матказеми. Это рассказывают нам их жрецы. Больше же ничего знать нельзя, потому что вся служба в храме совершается немыми и, кроме верховного жреца, ни одно человеческое существо, не лишенное языка, не может войти не только что во храм, но и во внутреннюю ограду. Еще входят туда рабы для великого омовения, но этот день для них последний в жизни.

Посещение богиней городов и сел острова продолжается еще все время Зеленых святок и до праздников Купалы. Перед началом страды богиня возвращается в храм свой. Второй выезд совершает она в конце страды. Все села приносят богине Житного Деда, последний сжатый сноп урожая. Немые девы ввязывают в каждый из них несколько колосьев

из снопов богини, которые они везут за собой. За это они получают от каждого приносителя сноп и возвращаются с обильным запасом хлеба. Такое же благословение дают они и урожаю плодов и получают за него столь же щедрое вознаграждение. По возвращении в храм, после каждой поездки, совершается великое омовение. Во время его ворота наружной ограды остаются запертыми и никто через нее проникнуть не может. Воины из города приводят скованных по рукам и ногам военнопленных или покупных рабов. У ворот внешней ограды они передают их рабыням жрицы, которые, вооруженные копьями, доводят их до ворот внутренней ограды. Там их принимают все сорок девять дев-жриц и ведут к озеру. Здесь снимают с них ручные оковы. Они черпают воду из озера и обмывают богиню, ее колесницу и плащ, покрывающий ее плечи, а так же купают в озере священных телушек. Для отдыха, еды и питья их выводят за внутреннюю ограду, кормят до отвала жирным мясом, сочными плодами и поят допьяна медом стоялым. Когда омовение кончено, колесницу ставят на место, телушек отводят в стойла. Наконец богиню выносят из шатра, в котором совершалось омовение, и ставят на священное место в храме. Рабов, окончивших работу, отводят в верхний ярус в круглую палату, окруженную комнатами жриц. Здесь уже не рабыни, а сами немые девы прислуживают им и подают обильную трапезу, особенно не жалея пива и меда. По окончании трапезы, им неожиданно завязывают глаза, дают их арканами и надева-

ют ручные оковы. К оковам прицелен тяжелый груз. Трупы удушенных бросают через большое окно в озеро. Там много хищной рыбы и раков, быстро поедающих трупы, но головы с завязанными глазами и ручные и ножные цепи с засевшей в них костью иногда заносит в бурю и на другой берег озера, принадлежащий внешней, а не внутренней ограде. Так же топили не раз в озере дерзких нечестивцев, пытавшихся проникнуть за внутреннюю ограду, или даже за внешнюю в непоказанное время.

Зимой стопенькаменские горожане, а тем более прочие ругиане уже не видят немых дев, так как они из храма своего никуда не уходят дальше внешней ограды, а в праздники и из-за внутренней не показываются. Только когда Коляды наступают, они целую неделю совершают торжественные шествия, все сорок девять вместе, во все храмы Стопенькамня. Там их встречают жрецы, и они раздают благочестивым людям зерна обмолоченного Житного Деда. За это города привозят им по сорока соболей или горностаев, а села что могут – меха, мед, плоды и даже золото и серебро. Одежда их в эти дни такая же великолепная, как летняя. А красавицы все немые жрицы на подбор! Старые уходят на покой, а некрасивые обращаются в рабство. Да и между рабынями много красавиц.

– А много эти красавицы людей убивают? – спросил Водан.

– Много! На каждое великое омовение богини им присы-

лают пятьдесят-семьдесят рабов. Бывают еще иногда и починки в храме. Их тоже производят рабы-искусники. А всякий посторонний человек, вошедший в храм, бывает после того утоплен. На моей памяти жена одного из жрецов-при vratников вошла во внешнюю ограду в непоказанное время. Ее встретили немые жрицы, тотчас удавили арканом и утопили в озере. Тело ее с петлей на шее потом всплыло у берега. Муж ее так был огорчен, что уехал к нам на Высвы, и из жрецов сделался мореходом, а на Ругин никогда не показывается. Его там жрецы в Стопенькамне убьют за то, что он их поносил руганьем необрядным и хотел их дома разорить, а верховному жрецу смертным боем грозил. А виновата-то его жена сама, зачем из любопытства ходила туда, где ходить запрещено даже жрецам.

– Ужасна, должно быть, жизнь этих немых дев! – воскликнул Водан.

– Конечно, я бы свою дочь им не отдал. Но вникни, царь. Почти все они поступают грудными детьми и иной жизни не видели. Жестокое истязание совершено над ними, когда они ничего не понимали. Живут они сытно и богато. Имен у них нет. Имя заменяется названием двух камней, носимых на кольце среднего пальца. Их ныне, находящихся при храме деве, сорок семь неизвестного рода-племени, а две очень хорошо известные всему острову. Одна – дочь богатого купца, кончанского старосты из Ругина города; другая – дочь воеводы из Свантограда. Первая шестнадцати лет, вторая девят-

надцати, сами потребовали посвящения; перед большим собранием народа, не дрогнув, дались вырвать и приречь языки у подножия изображения богини, в ее золотом раскрытом шатре. Обе красавицы на диво, у обеих от женихов отбоя не было, и та, и другая повезли в храм по несколько бочек золота. Через год мы увидели обоих уже жрицами, одна с изумрудами в зеленом посестринстве, другая с рубинами в красном. Приняли они на себя этот тяжелый подвиг добровольно, ради каких-то тяжких грехов своих предков, для снятия проклятия, лежащего на их семьях.

– Страшные чудовища, – сказал Водан, – должно быть, ругинские немые девы. Я воин и в бою, конечно, убивал людей. Случалось мне и казнить смертью виновных, но эти красавицы, убивающие ежегодно множество неповинных людей ради охраны чистоты престола богини! Я не мог бы глядеть на них без содрогания.

– О жизни их мы мало знаем, – отвечал славянин. – В столь великой тайне она протекает. Но при объездах их по острову и при выходах на Коляды в городские храмы они ласково и приветливо раздают дары богини и принимают приношения. Между собой они весело смеются и объясняются знаками. Видно, очень дружно между собой живут. Детей они ласкают, а своих воспитанниц любят и ухаживают за ними, как нежные матери.

– И дети тоже видят все ужасы, совершаемые девами?

– Конечно, видят и причаются считать все это исполне-

нием священной обязанности во славу богини. В Стопенькамне на горе есть сторожевая башня. С нее виден угол озера, хотя храм скрыт в лесу. Часто видят оттуда, как девы катаются по озеру на лодках, резвятся, играют и бегают взапуски по берегу. Зимой же, когда озеро замерзает, они вместе с воспитанницами и со старыми девами бегают на коньках, и издали можно видеть, как мелькают их яркие, разноцветные шубки или белые с яркой отделкой платья. Хотя они не могут говорить, как мы, но видно, что весело живут и очень привязаны как друг к дружке, так и к детям. Ведь они выросли все вместе. Чаще всего они поступают в храм грудными, когда их еще надо на козьем молоке выкармливать.

Во время продолжительной зимовки сходились и знакомились друг с другом славянские купцы всех стран. Язык отличался в наречиях, но все друг друга легко понимали. Нравы и обычаи были везде почти те же. Пировать и принимать гостей любили все одинаково и угощения на корабле или в стане то одного, то другого племени следовали одно за другим. Лишь к одному обычаю озерных и кривичей не могли привыкнуть ни сарматы, ни южноднепровцы. Это к северной бане, которая поморцам очень нравилась. В Смоленске при каждом доме была баня, и раз в неделю вся семья в ней парилась. Накаляли печь жарко, раздевались, брали молодое прутье березовое и начинали себя бить до того, что вылезали едва живые. Потом обливались студеной водой и оживали. По словам южных гостей, они творили не омовение себе, а

мученье. Но это самоистязание весьма нравилось и озерным, и кривичам и поморцам, и часто купцы смоленские в свои бани зазывали гостей из того или другого народа. После бани поглощалось большое количество меду и пива ячменного.

С готами весьма подружились саксы. Их было немного, всего зимовало три корабля. Язык саксов хотя и не был так похож на готский, как славянские между собой, но понимали они друг друга свободно. Это были рослые люди, еще более белокурые, чем готы, со светло-голубыми глазами. Волосы длинные, перехватывались на маковке цветной лентой и висели наподобие конского хвоста. В противоположность готам, считающим за позор брить бороду, саксы носили только длиннейшие усы. Вместо лат они имели кожаные куртки и были вооружены длинными копьями, короткими мечами и круглыми щитами. У каждого был, кроме того, длинный нож. Некоторые сражались топорами и молотами. Корабли их – плоскодонные, дубовые, имели нос и корму весьма высокие, скамьи для гребцов были из крепкого дуба, якоря висели на железных цепях, паруса были из крепких воловьих кож. Саксы стана на берегу не устраивали, а жили все время на кораблях. Пили они мед, как готы, и не уступали им ни на охоте, ни на пирах.

С ноября по апрель река стояла под сплошным льдом, по которому можно было безопасно переходить с одного берега на другой. С декабря по февраль стояли сильные морозы. Работ по приведению в лучший порядок судов было немно-

го. Времени оставалось вдоволь на пиры, игры и охоту. Коляды праздновались в городе и в стане корабельщиков весело и шумно. У всех богатых стояли убранные столы для угощения всех друзей и колядующих мальчиков, рассыпавших зерна Житного Деда по очагам домов.

Девушки и молодцы гадали на все лады, по улицам и в стан ходили ряженые медведи, козы, домовые, даже крылатые зиланты³³. Много бегало и шутов в пестрых одеждах с колокольчиками и бубенчиками. Они дрались между собой, ругались с прохожими и выделывали такие вещи, от которых народ со смеха катился, а честные жены и девы убегали без оглядки подальше. За умение потешить им перепали угощение, дары и подачки отовсюду. Скоморошество в большом торговом городе давало хорошую прибыль.

Были и такие ряженые и скоморохи, которые являлись в дома, на корабли и в станы купцов с далеко неблагоприятными целями. На нескольких кораблях обнаруживалась пропажа ценных вещей, дорогого оружия, золотых и серебряных украшений. Стали бдительно наблюдать за колядующими, но никто не попадался. Следы по снегу указали, что кроме приходивших из города и близких слобод, приходили люди и из леса, тянувшегося к северу по правому берегу Днепра.

В лесу этом, говорили кривичи, проклятый Туримка разбойник проживает. У него там городок окопанный с частоколом построен. Его люди часто корабельщиков останавли-

³³ Драконы.

вают и грабят. А теперь вот что, видно, затеяли. Ходят колядовать, да высматривают, где плохо лежит.

Водан очень хотел поймать воров и наказать по заслугам. К нему пришел еврей Нафан бень-Гедеон. Это был мужчина лет сорока, ловкий и пронырливый. Он должен был выслиться из Пантикапеи, потом и из Танаиса, как не ладивший с еврейским обществом. Он был женат два раза, сперва на финикиянке, потом на гречанке, и приносил жертвы то Молоху и Астарте, то Зевсу и Афродите. Похоронив обеих жен, он несколько раз раскаивался, получал пособие от евреев, проматывал его; тогда обращался к одноплеменникам то той, то другой из своих умерших жен, вытягивал с них сколько мог, опять проедал и пропивал все и вновь продавал свою веру новым богам. Безо всякой застенчивости он часто говорил: «Я торгую самым благородным товаром. Кто продает золото, кто ткани, кто оружие, кто коней, кто рабов, а я богов, и всех их очень почитаю, потому что они меня кормят». За такое нечестие большинство евреев не хотело с ним знаться. Водан ценил в нем ловкого разведчика и вознаграждал щедро на войне, за исполнение различных трудных поручений, в которых находчивость и пронырство имели больше значения, чем отвага и мужество. Если кто жаловался на бесстыдное поведение бень-Гедеона, царь отвечал обыкновенно: «Нет добродетельного человека без порока, ни порочного без добродетели».

– Царь, – сказал он, – я узнал достоверно, что люди Тури-

ма продают в городе купцам украденные у нас золотые вещи и камни самоцветные. Хочу все у него отобрать. Теперь ряженные по улицам ходят. Позволь нам тоже эту потеху устроить.

– Ты думаешь, что Турим ряженных принимать будет и даст себя обмануть? – спросил удивленно Водан.

– Этого именно я не думаю, – отвечал Нафан. – Он и не будет подозревать, что имеет дело с ряженными. Он великий бабник, и я ему красавицу сватать пойду.

– Посмей только! – с негодованием воскликнул царь. – За честь каждой из наших жен и дев ты отвечаешь головой. Да и не найдешь ты такой подлой, которая пошла бы себя продавать разбойнику.

– Я не жены, ни девы не возьму! – отвечал Нафан.

– Какая же это будет красавица – ни жена, ни дева? – удивился Водан.

– Гота Гензериха знаешь? – спросил Нафан.

– Молодой красавец, белокурый, голубоглазый. Мал ростом, да лихой воин! – припомнил Водан. – Так вдвоем и пойдете?

– Мы-то пойдем на санках вдвоем, а ты нам вышли в лес полсотни конных. Мы им скажем, что сделать.

На другой день Нафан исчез и пропадал более суток. Затем три дня видели его пьяным с утра до вечера. На четвертый он просил царя о высылке в лес конных и вооруженных людей, разбитых на кучки под видом охотников. К вечеру

он переоделся в кифан с голубыми кистями, обвязал голову повязкой с бахромой и накинул сирийский полосатый, верблюжьей шерсти, белый с черным, плащ с наглавником. Гензерих был одет в готское голубое женское платье, с золотым ожерельем на шее. Голова и лицо его были прикрыты фатой, а на плечи была накинута лисья шуба. Сели в сами и поехали рекой по льду.

Городок Турима был очень не велик. В нем было всего с десятков изб бревенчатых, крытых соломой. Насыпи и частоколы поражали своей высотой. Вокруг городка был широчайший ров. Горожане говорили, что из дома Турима шел подземный ход в пещеру, где было главное хранилище его награбленных сокровищ.

Гостей опросили у ворот и пропустили. Турим ждал их в мирном покое. Это был богатырь огромного роста, лет за пятьдесят, с сильной проседью в темно-русой бороде. На нем был синий кафтан, скроенный наподобие сорочки и вышитый серебром.

– Свиное ухо! – приветствовал он Нафана. – Не надул! А у меня уже петля на тебя готова была.

– Ты, благородный, худыми словами не ругайся, когда тебе люди услугу делают! – с низким поклоном отвечал Нафан. – Благороднейшая Матильда соизволила пожаловать со мной и жаждет тебя обнять. Надеюсь, что ты вознаградишь меня за труды мои не петлей, а чем-нибудь более веским и более приятным.

Поддерживаемая слугами, мнимая Матильда была выведена из саней и проведена в пиршественную палату разбойника. Стол был уставлен яствами и кувшинами с пивом и медом.

Турим облапил красавицу как медведь и повел ее к столу.
– О, дева, рай души, – сказал он. – У меня уже есть восемь жен, но ты будешь первая. Сними покрывало, дай насмотреться, радость, на тебя. По глазам вижу, что ты дивно хороша, но и черты лица твоего дай рассмотреть; дай упиться поцелуем в уста твои медовые.

На поцелуй Гензерих согласился, но затем опять опустил фату, закрыв лицо.

– Садись за стол, красавица, – сказал Турим, – вкуси всего, что только тебе приглянется. Вот окорок зубра, вот кабанья голова, вот медвежьи лапы, а там рябчики, глухари, зайцы, осетр, налимы, щуки; брусника ягода – одна в меду, другая в уксусе (мне бень-Гедеон говорил, в твоих краях она вовсе не растет), яблоки, груши, сливы свежие, малина да красная смородина в уксусе моченые. А запить, чтоб сердцу веселее было, и медом, и пивом можно.

И хозяин, и гости принялись за еду и питье. Гензерих жеманно то откидывал, то закидывал фату, чем только возбуждал любопытство и разжигал страсть Турима. Ел и пил он без усталости, и хозяин только удивлялся, как исчезали кусок за куском, дичь, плоды, рыба и поглощались рог за рогом пиво и мед.

– Покушать-то невеста любит, – сказал Турим Нафану. – И пьет, что добрый воин, не хмелея. Наши девки так есть и пить не умеют.

– Доблестный и преславный витязь Турим, – сказал ему в ответ Нафан. – Не ведома тебе тому причина! Ведь голу-бушка наша восемь дней не ела и не пила. Вся душенька ее по тебе, соколу ясному, тосковала, все думала она крепкую думушку, как с тобой она увидится и как тебя повелителем своим назовет.

Турим, слыша эти слова, просиял, Нафан, закончив речь, опрокинул себе в горло еще огромный турий рог меду. Язык у него начинал заплетаться, и к уже достаточно искаженным словам славянским он стал приплетать еврейские, финикийские, греческие и готские. Гензерих, опасаясь, что такое состояние его спутника может кончиться не добром для них обоих, начал толкать под столом Нафана ногой и метать на него молниеносные взгляды.

– Однако, милая невеста наша, – заметил Турим, – умеет сердиться. Как гневно она на тебя смотрит.

– Она кротка, – сказал Нафан, – как голубица. Гнев не ведом ее мягкому сердцу. Но, великий богатырь, не ведомо тебе, что она восемь суток не спала. И днем, и ночью мыслям ее являлся славный образ твой, и все время жаждала она увидеть твои ясные очи и пасть в твои объятия.

Турим сжал в мощных руках своих мнимую Матильду и осыпал ее горячими поцелуями. Из принесенного ларца он

взял драгоценное ожерелье, наручные обручи, кольца, золотой начальник, украшенный камнями самоцветными, и начал украшать ими свою возлюбленную.

– Многомилостивый, – сказал ему Нафан, – нет предела твоим щедротам. Сердце рабы твоей и так было полонено тобой, но теперь не видеть тебя один час будет для нее худшим мучением. У ног твоих она готова умереть. Но осмеюсь я тебе, милостивцу и благодетелю нашему, сказать, что готские девы вырастают в стане воинов; грудными их носят матери в походы. Подростками они учатся стрелять из лука и метать копьё. Как ни ценны все изделия хитрого искусства из золота и камней драгоценных, но для девочек готских любимейшая игрушка есть оружие. Люди же говорят, что у тебя оружие есть дорогое и редкостной работы. Покажи его нам.

Турим приказал принести роскошно отделанный щит и несколько изящных мечей и шестопер³⁴ прекрасной чеканки, выложенный серебром и золотом.

– Посмотри, красавица Матильда, – сказал он. – В силах ли ты подержать в нежных руках твоих этот шестопер. Тяжеленок он и не для девичьих ручек.

Гензерих притворился, что шестопер для него ужасно тяжел. Но вдруг замахнулся им и ударил Турима по голове. Разбойник упал под стол с раскроенным черепом. Затем гот выскочил из-за стола и положил обоих прислуживающих людей. Нафан стоял уже на крыльце и кричал совой. Через

³⁴ Род булавы с головкой, украшенной шестью перьями.

мгновение к нему вышел Гензерих с воспламененной головней в руке. Головня была ловко заброшена на крышу ближайшей избы, которая сейчас же вспыхнула. Люди из всех изб бросились тушить пожар. Нафан в это время бежал к воротам и отпер их въезжающим всадникам, ожидавшим в лесу условленных знаков. В полчаса все застигнутые врасплох разбойники Турима были перерезаны³⁵. К Водану был послан гонец, для извещения о благополучном исходе предприятия. Пришло подкрепление. Все кладовые разбойников были взломаны и все награбленное ими добро свезено на корабли. О всем случившемся Водан известил посадника Бельца, и многим гражданам смоленским, пришедшим с заявлением об ограблении их Туримом, произвел значительные выдачи серебром и ценными вещами. Этим царь асов заслужил расположение кривичей, и весной, при уходе в плавание, он был ими провожаем, как истинный друг.

³⁵ В «Старшей Эдде» рассказ *Thryms Quinda* по содержанию сходен с настоящим. В нем действуют злой великан Трим, боги Тор и Локи.

ВОЛОКОМ

От Смоленска прошли еще сутки вверх по Днепру. Остановились у низменного берега, вдоль которого тянулось несколько селений. Здесь жили плотники и торговцы конями и волами.

– Это волок! – объяснили кривичи, провожавшие асов.

Лодки были вытащены на берег и под них подведены оси с небольшими колесами. В нескольких селениях все жители занимались их изготовлением. Но народа у Водана было достаточно и своего. Волон и коней для упряжки пришлось купить немало. Но говорили, что их легко перепродать на противоположном конце волокового пути, на берегу Ловати реки. Приготовления к походу заняли много времени. Приходилось опять, как под Смоленском, жить в шатрах, расположившись станом вдоль реки, между селениями волока.

Путь был тяжелый. В лесах были сделаны просеки, но часто приходилось идти болотами, где лодки увязали в грязи; вообще местность была не особенно гористая, но горки бы-

ли настолько круты, а овраги настолько глубоки, что кони и волю с трудом вытягивали нагруженные лодки. Пока шли по земле кривичей, отношения к жителям были самые мирные. Обыватели чествовали проезжих гостей и охотно выменивали их товары на дорогие меха, которых в каждой деревне было собрано за зиму очень много. На привалах охотились в лесах, убивали много дичи и для продовольствия войска всегда было всего достаточно.

Далее шли леса, населенные племенем весью. Язык их был сходен с тем, на котором говорили мурома и скифские наездницы. Но люди отличались от тех и других более светлым цветом волос и белесовато-голубыми глазами. Жилища их не походили ни на сарматские и готские мазанки, ни на избы северян, полян и кривичей.

Много веси шлялось в лесах и ночевало в кожаных шатрах. Это были преимущественно разбойники, весьма дерзко нападавшие на заблудившихся в лесу охотников и на малочисленные купеческие отряды. Несколько нападений было произведено на передовые отряды разведчиков Водана, но всегда поспевала помощь от главных сил и грабители уходили с уроном. Трупы вешались на деревьях вдоль дороги, для устрашения новых шаек, могущих появиться по следам первых.

В селах вообще и с весью велась мирная торговля, преимущественно мена мехов на оружие и женские украшения. К несчастью, в одном селе пришлось прибегнуть к воин-

ственному способу укрощения.

Нафан и Гензерих, бродя в лесу, увидели довольно необыкновенное зрелище. Вокруг дерева было собрано множество мужчин, певших какую-то мрачную песню. Привязанная к дереву длинной веревкой, бегала черная корова, описывая круги, то большие, то меньшие, по мере того, как закручивалась около дерева или разматывалась веревка. К корове, один за другим, подскакивали мужчины и ударяли в нее ножом, не заботясь о том, чтобы нанести ей скорее смертельную рану. Бедное животное истекало кровью, бегало, металось и наконец упало. Подошел старик, видимо, председатель собрания. Он отрубил корове голову, распорол живот и вынул внутренности. Голова и внутренности были брошены в огонь костра. Жрец запел торжественную песнь. В это время помощники его сняли с животного шкуру, розняли мясо на куски и бросали его в котлы, развешанные рядом над множеством малых костров.

Ловкие еврей и гот ушли незамеченными. На беду они в стане рассказали о виденном ими диком зрелище и возбудили любопытство во многих. Несколько дней спустя, один охотник видел, как лесом погнали опять черную корову к месту жертвоприношения. Человек десять тайком ушли из стана и отправились к священному дереву, указанному Нафаном. В числе их были три молодые женщины – две готки и одна сарматка. Они и были главные зачинщицы похода. Любопытство не давало им покоя, и они подняли на безумное

предприятие мужчин. Дело с ними не обошлось так благополучно, как с двумя охотниками, сумевшими скрываться в лесной чаще и глухих кустах. Хотя, по совету Нафана, подходили они по двое, возможно бесшумно, но были захвачены в плен и все перерезаны. Один Нафан успел взлезть на высокую березу и просидел на ней незамеченный, пока жертвоприношители не разошлись по домам.

Когда он сообщил Водану о прискорбном случае, царь воспытал гневом, собрал войско, напал на деревню и сжег ее до тла, перебив всех жителей. Эта расправа произвела впечатление на всю весь. В следующих деревнях асы были встречаемы с почетом и с дарами. Но везде просили их располагаться станом возможно дальше от деревень и давали им провожатых для указания места удобного, близкого к лесу и воде, но по возможности отдаленного от жилища и от священных рощ. К Водану пришли несколько старцев.

– Царь, – сказал старейший из них, – мы каарты, жрецы богов и вместе с тем старейшины народа. Виновы были наши люди пред тобой тем, что не привели к тебе застигнутых в лесу, а сами убили их. Но и твои люди согрешили весьма пред богами нашими. В торжественном жертвоприношении богу Перкалу спокон веков участвуют одни мужчины, и никогда женское око не видело сих таинств. Жены твоего стана нарушили впервые этот святой закон. Поэтому глаза их должны были навеки сомкнуться для света дневного. Так поступаем мы и с нашими женами, нарушающими свя-

тыню Перкала. Перкал злобен, силен и страшен во гневе. Нарушать его закон опасно. Перед Юмалом согрешишь, замолитишь грех, а Перкала можно умилоствитишь лишь ценными дарами и потоками крови.

Водан обещал каартам наблюдать, чтобы их верования никогда более не оскорблялись, но потребовал тоже, чтобы с его людьми самовольно не расправлялись, а в случае жалоб обращались к нему и к его военачальникам. Затем он спросил:

– Так ли грозен и могуществен Перкал, как говорят, и кто сильнее, он ли или муромский Керемет?

– Это все он же, – отвечал один из каартов. – Мурома и биармалайны зовут его Кереметом, а мы, квены, карелы, сумалайны, зовем его Перкалом. Он младший брат Юмала, но он злой. Он обещался служить старшему брату при создании мира, но возгордился и хотел все создавать сам, но силы у него на то нет, и он только везде и во всем портил создаваемое великим Юмалом. Есть еще на небе камень священный. Из него кремнем Юмал высек множество искр, и каждая обратилась в светлого ангела, доброго хранителя людей. Сотворив их, Юмал лег отдохнуть. Во время сна его, Перкал так же стал высекать искры из камня. Они превратились в злых духов, вечно возмущающихся против Юмала, сражающихся против ангелов и губящих людей. Видишь, царь, что нельзя людям бороться против Перкала, который даже творения великого Юмала искажает.

«Да! – подумал про себя Водан. – Есть на свете Перкал. Это бред воображения невежественных людей. Какое мудрое учение им ни дай, они своего прибавят, и оно станет неузнаваемо».

Старых каартов он успокоил и отпустил с миром и подарками.

Путь волоком продолжался дальше без новых столкновений. Наконец, пройдя несколько славянских деревень, пришли на берега Ловати, где сняли лодки с колес и спустили их на воду. Стали продавать и выменивать на товары избыток коней и волов, приобретенных у волока на Днепре. Покупателей явилось достаточно в лице купцов, переходящих с Ловати на Днепр. Это были почти исключительно славяне из разных озерных городов. И кони, и волы им были нужны, и цену они за них давали хорошую.

Все были довольны, что кончен утомительный путь волоком, через болота и леса, и через страны поклонников Перкала. О стране озер все говорили, что в ней множество городов, где стекаются купцы со всех стран. Главное, ее реками можно выйти в открытое море, по берегам которого страны обширные и обильные всякими произведениями природы, по большей части совсем не населенные. Завоевание их представлялось нетрудным, а возможность основаться и укрепиться в них являлась крайне заманчивой для искателей приключений, подобных Водану и его спутникам.

Морем можно сколько разных стран увидеть, и которая

приглянется – ту покорить и выселить в нее часть своих людей. Не так ли создались когда-то и Эллада, и все малоазиатские державы, и Карфаген, и даже многие города, подчиненные великому Риму? Вера в то, что они идут на основание великого царства, жила во всех участниках похода и воодушевляла вождей. Водан был сам полон надежд, но останавливал увлечение сподвижников своими словами:

Хвалите день, о други, как ночь придет,
Совет на деле, выпив хвалите мед.
Кто молод, тот доверчив, боязни чуждый.
Меч в битве познается, а друг в час нужды.
Обманчив свет весенний и сон змеи,
И свежий мед, и лепет жен прекрасных.

ЧАСТЬ 3. ВАРЯЖСКИЕ СОЮЗЫ

БОЛЬШИЕ РЕКИ МЧАТСЯ ЧЕРЕЗ МОРЕ САМИ

Берега Ловати были так же лесисты, как у Днепра. Только горки по берегу были все ниже и ниже, и чаще перемежались с длинными болотистыми равнинами. Селения, обитаемые весью, попадались все реже и реже, зато много стояло вдоль реки деревень славянских, часто очень больших. Избы были вообще больше, чем у кривичей и южно-днепровских племен. Многие были в два яруса, с широким гульбищем, помостом с перилами, идущим вокруг всего дома. Крыши

были соломенные, но преобладали дощатые. Спереди, вдоль обреза обоих скатов, шла деревянная полоса, прорезанная насквозь затейливым узором. Верхушка крыши, где скрещивались узорчатые полосы, украшалась смотрящими в разные стороны, так же выпиленными из доски, конскими или петушиными головами. У многих домов вся резьба была пестро выкрашена в яркие цвета.

Народ мало отличался от кривичей. Светло-русые волосы, голубые и серые глаза, высокий рост, крепкое телосложение были те же. Почти одинакова была и их одежда, хотя шапки были по большей части ниже и расширенные не книзу, а кверху. Но в говоре и ухватках было больше прыти, больше движения. По реке, и на парусах и на веслах, часто проходили корабли, чаще славянские, иногда и иноземные. Береговые жители перекликались с корабельщиками, спрашивали их, откуда и куда они путь держат, и предлагали им разные покупки и продажи. Рыболовы нередко подъезжали к проходящим судам и продавали свою рыбу.

Немало встречалось по берегам городков с высоким частоколом, земляным окопом, глубоким рвом с водой, отведенной от реки, и одной или двумя сторожевыми вежами³⁶. Из них часто присылали лодку для приветствования проезжавших и для расспроса их относительно их путешествия и будущих намерений. Несмотря на уверения вождей относительно полного нежелания чем-либо вредить обитателям бе-

³⁶ Башнями.

регов Ловати, очень часто высылалась быстроходная лодка для извещения следующих городков о приближении большей силы иноземцев. Из опросов, делаемых корабельщикам городскими посланцами, часто видно было, что они уже заранее обо всем уведомяны.

Почти в конце речного пути, при впадении в Ловать реки Полисти, стояло множество кораблей с вооруженными людьми. К Водану вышли три престарелых воина. Отвесив наезжому царю низкий поклон и поклонившись всем присутствовавшим на корабле воинам, они заняли указанные им места, став против царя и главных вождей. Старший сделал шаг вперед, оставив позади обоих товарищей.

– Привет тебе, царь могучий, шлет преславный город Русса, посадник Синеок и тысячник Мона, и все люди вольные русские. Много прослышаны мы от людей воинствующих, плавающих и торговых о доблестных делах твоих и о помыслах важных твоих. Плынешь ты издалека и под твоей рукой много разных народов. Есть и люди славянские от самых берегов теплого моря, омывающего греческие страны. Идешь ты в страны полуночные искать для народа своего новых земель. Люди твои воины добрые и купцы честные. Это все нам уже ведомо. Вече нашего города и степенные избранники наши, и мы, почтительные и преданные доброжелатели твои, от города нашего к тебе наряженные, Исток, Гуняр и Велемир, клянемся тебе и говорим: милости просим тебя, дорогого гостя нашего и почестных иноземцев, спутников твоих,

в славный город наш Руссу. Но всем кораблям твоим не поместиться в нашей реке Полисти, отбери которые хочешь и с какими хочешь товарами. У нас теперь много гостей, купцов ругинских, волинских, любских и иных от бодрицкой и лютицкой земли стоят. Торговать наши люди рады с хорошими гостями. Другие же корабли твои пусть станут по Ловати до озера. В поле для стана места много будет, если не хочешь их на кораблях оставить. Но обиды нашим жителям просим тебя не чинить и наших и дружеских нам земель не занимать.

Водан успокоил посланных заявлением, что пойдет в город только с тремя кораблями, чтобы приветствовать посадника, тысячного и всех руссов именитых.

– Войны-то у нас часто бывают! – сказал посадник Синеок. – Велика зависть между городами. Торговать бы можно было и всем, но купцов и товары у нас перехватывают то Славянск, то Холмоград. Славянск на самом озере стоит, а Холмоград хоть поодаль, но свои пристани имеет. А у нас место хорошее, от вражеского нашествия безопасное, всякого камнями закидаем прежде, чем до нас доберется. Я и сам воевал и с Славянском, и с Холмоградом. Даже Остроград брал и жег. Эти-то на Невоозере при впадении в него Волхова живут.

– Да, видел я в пути, – сказал Водан, – какое множество городищ и городков у нас есть.

– Вот если б согласно жили. Если бы заключили между собой прочный союз на вечные времена. Поделили бы и тор-

говлю, и военную силу поровну. Ведь тогда никакой бы враг не посмел подойти ни к вашему озеру, ни к вашим рекам.

– Союзы мы заключаем каждый год, – сказал Синеок. – В самый разгар войны все союзы расторгаются. На нашем роду перессорились в Славянске на вече все. Пока два посадника между собой смертельным боем дрались, третий ушел со своими людьми и на горке у самого впадения Волхова в озеро городок построили, да так там укрепились, что и не выгонишь их оттуда. Народ самый бесстрашный собрался, больше всего солевары. А солеварение работа зимняя. Летом они все в морские дружины уходят. А, понимаешь, проход из Волхова в озеро и славянам, и холмоградцам очень захватить хочется. А эти-то ни тех, ни других не пускают. Вече собирают, посадников да тысячных ставят и никого знать не хотят.

– А как их город называется? – спросил царь.

– Никак их город не прозывается, – засмеялся Синеок, – и никакого прозвища они сами ему давать не хотят. Народ его просто зовет Новым городом, потому что он всего лет тридцать как построен. Другие его Волховым зовут, по реке, а весь, меря, да чудь по-своему Ильменем. А с городом, который они построили, все равно будто замок висячий на их выход повешен. А волховцы и смеются; говорят: «Не знаем, переживет ли Новый город все старые, а то ведаем только, что пока мы живы, не уйдем отсюда и никого на наше место не пустим, детям и внукам так же укажем».

Город Русса не представлял ничего замечательного. На озере за городом было множество солеварен, окруженных слободами, где жили рабочие. Это был по большей части рослый и крепкий народ, зимой остающийся на промыслах, а летом уходящий на рыбную ловлю по озерам или в поход за море. Одни занимались в дружине, охраняющие купцов от нападения морских разбойников, другие сами занимались грабежом. Многие из них с большой охотой присоединились к войску Водана и взялись проводить его корабли по озерам и реке Волхову до моря, не отказываясь и в будущем разделять все опасности и выгоды его предприятия.

Из Руссы прошли в Славянск, город огромный, раскинутый по южному берегу озера. В нем была видна так же весьма оживленная торговля, в которой из иноземцев первенствовали бодричи и лютичи и прочие поморские славяне.

Несколько меньше Славянска был Холмоград на Мете, у восточного берега озера. Он стоял поодаль от озера на довольно высокой горе, господствующей над рекой, и был укреплен окопами и частоколом и окружен малыми городками. Пристань на озере составляла отдельный городок, соединенный с городом широкой дорогой и рукавами, на которые Мета разливалась при устье. В глубоком, закрытом от ветров заливе могло стоять на якоре большое множество кораблей. Посетив оба города, асы двинулись по озеру к северу, к реке Волхову. На холме над рекой стоял небольшой город, окопанный со всех сторон. Встреча была такая же, как

в других городах, хотя из вопросов было видно, что все касающееся иноземцев было известно через сведущих лиц уже со дня прихода их в Руссу. В прежде посещенных городах посадники были все старцы, убеленные сединами. Здесь же принял прибывших человек молодой, лет тридцати пяти, в зеленом кафтане с красным плащом и красной шапкой, надетой набекрень. Короткая борода его и слегка выющиеся волосы были темно-русого цвета, а глаза стального, серого оттенка, большие, живые и полные огня. С ним был человек постарше, с небольшой проседью, в синем кафтане, с желтым плащом. Все поклонились не высокомерно, но и не низко, и посадник заговорил твердым голосом:

– Поклон тебе, царь, от людей с Волхова реки, вольных граждан наших и от меня, посадника Яромира, и от тысячника Синява, здесь стоящего. Хочешь дружить с нами – будь нашим гостем. Для твоих кораблей по Волхову реке места много. Широка она и глубока, матушка кормилица наша. А ты с царицей и с витязями твоими пожалуй моего хлеба-соли откусать. Там поговорим, кто из нас кому чем удружить может. Город не велик, да окопы крепки и засеки часто сложены, а горка не высока, да крута. А нрав наших молодцов еще круче. Соседние города нас и не любят. Завидно им, что мы место хорошее заняли, на котором сами они раньше сесть не догадались. Да мы никого не боимся, а тебе, проезжему царю, если нам добра желаешь, всякую верную помощь окажем.

Город весь состоял из ста восьмидесяти дворов, и население его не превышало тысячи человек, еще около пятисот проживало на солеварнях по Варяжке и Варенде, но они имели своих родовых старших, хоть с основания города всегда шли с горожанами заодно и ни разу еще не отказывали им в помощи на войне. Но из этих полутора тысячи человек летом едва можно было насчитать около одной трети. Все остальные уходили на озеро и море на всякие промыслы и возвращались лишь к заморозкам с добычей.

Дом посадника состоял из нескольких сосновых срубов, подведенных под одну крышу. Посреди для пиров была довольно обширная палата. По обеим главным стенам ее шли две широкие скамьи и в середине каждой возвышалось почетное место, одно для хозяина, другое для знатнейшего из гостей. В одной из поперечных стен была дверь, а у противоположной стены стояла скамья для женщин. Посреди была каменная кладка для очага, освещающая палату. Дым выходил в трубу, сделанную в крыше и поставленную над самым очагом. У очага было гусярово место; если гусяр приводил с собой еще певцов, они становились вокруг него, а он, сидя, руководил ими.

Яромир рассказал гостям своим об основании города и о надеждах его жителей.

– Я четвертый по счету посадник, – говорил он. – И все три старые еще живы: Владополк, Юрко и Светозар. На совет все собираемся и, созвав вече, с народом обсуждаем всякое

дело. Владополку восьмой уже десяток лет пошел, и мудрый он человек. Другие помоложе его, но гораздо старше меня. Меня же выбрали за то, что на войне удал и хлопот не боюсь. Со Светозаром-то мы одного рода. Мой прадед его деду родным братом был. Он на меня и указал народу. Воевал я уже много, и в море не раз далеко ходил. Говорят: «Такого-то нам и надо». Сами мы никого не задираем и чужих земель захватывать пока не хотим, своей довольно. Но кто нас заденет, тому не спустим. Уже и Холмоград, и Русса, и сам Славянск сильный испытали нас на деле. Волхов наш, и через него пропускаем лишь того, кто нам не досадил. А кто нас пустил сюда, те пусть каются. Народ при всякой опасности поднимается весь, как один человек. Мудрено ли, что мы надеемся, что наш город, хотя и новее других и меньше, но не даст себя обидеть, пока не допустит внутренних раздоров, какие в Славянске, да в Руссе.

Водан на это ответил:

Пусть будет сила стражем земли родной
И мир за неприступной цветет стеной,
И лишь к отпору служат меча удары,
Щит как замок висячий охранит амбары.
Один безумец, дети, свой край гнетет.
Там немощен правитель – где слаб народ,
Венец древесный вянет в бесплодном поле,
Чуть только сердцевина засохнет в стволе.
На четырех опорах вся твердь лежит,

Но на одном законе престол стоит.
Когда судьи пристрастны, шатка держава,
Лишь в правде благо края и власти слава.
Не славься славой предков, то блеск чужой,
Когда стрелять не можешь, то лук и не твой!
Что мертвых честь? Своими гордишься делами,
Большие реки мчатся чрез море сами.

– Так, мудрый царь! – воскликнул Яромир. – В этом мы и надеемся почерпнуть нашу силу, да еще укрепились мы на Волхове окопами, да тыном, да засеками. И мало нас, а сильно сидим. Со всем светом торговать будем, как и они все, а когда земли мало станет по нашему народу, то вдоль Волхова есть где разойтись до самого Острограда, а не то за Невоозером, чудь воевать пойдем, с которой остроградцы почему-то справиться не могут. Кораблей у них хороших нет, а озеро их бурное.

– А мои видал? – спросил Водан.

– Видал, царь, – отвечал посадник. – Хорошие корабли. Постройкой не хуже бодрицких.

– Про финикиян ты слыхал? Мы строители почти все оттуда! – объявил Водан.

– Говаривали купцы наши, что далеко где-то за Теплым морем такой народ есть! – сказал Яромир. – Сюда их-то купцы к нам не ходят. Наши хозяева первое время корабли все покупали готовые, а теперь и свои строить стали. Легки на ходу и от ветра не валятся на бок. А море ведь наша корми-

лица. Кто морю хозяин, тот миру владыка.

– Велики замысли твои, посадник, и твоих сограждан! – заметил Водан. – И я хочу к морю идти и на морском побережье основаться.

– Широко и просторно море, – отвечал Яромир. – Места у него найдется для нас всех. Будем соседями, враждовать не станем. Вместе чуждских злых волшебников укрощать пойдем. В согласии сила.

– А у озерных городов согласия-то нет! – заметил Водан.

– Нет! – воскликнул Яромир. – Это наша беда. Враждуют города из зависти, а сельские роды из-за пустышных участков болотной земли. Двое дерутся, третий непременно вмешается и обоих оберет.

– Да! – подтвердил Водан. – Жил я среди сарматов, тиверцев и угличей у Теплого моря. Потом шел я реками Днепром да Ловатью чрез страны северян, да полян, да кривичей. Везде та же речь славянская, тот же славный, храбрый народ, поклоняющийся великому Сварогу. Встречал я и купцов с дальнего Поморья – их и у тебя много гостит. Те же славяне, как и наши. Будь все эти народы в союзе, силу великую славяне имели бы. Одна рознь их обессиливает. Вот у меня люди разных народов в войске идут. Но они мне верят, как твои волховцы тебе, и мы везде побеждаем. Союз народов от моря до моря, между двумя великими морями, дал бы такую силу, которой бы и великий Рим убоился.

– О Риме я слыхал от многих купцов и мореходов, – объ-

явил посадник. – Но он, говорят они, очень далеко от нас. Нам бы только чудские народы от хищнических набегов отвадить, да сесть у их морей. И тогда могущественны будем, не ходя воевать на тот, неведомый и ненужный нам край света.

Водан и его спутники простились с посадником Яромиром и вернулись на корабли. В это время на плечо царя спустился ворон, летавший к берегам Дона. В перья хвоста его было ввязано, свернутое, на тонкой коже писанное письмо Драгомира.

«Сын мой, – гласило оно, – мне было видение: являлся вещий Богучар. Жди его и ты. Он тебе многое откроет. Вступаешь ты в край, где много великих дел совершится. Будет и тебе много испытаний, из которых выйдешь победителем, но не померкнет звезда славы твоей, пока будешь помнить заветы наши и не возомнишь о себе больше, чем надлежит человеку, слуге Единого».

Во сне Водану, в светлом облаке явился Богучар и сказал ему: «Восстань и смотри!»

И увидел Водан город, раскинутый по обоим берегам реки, впадающей в озеро. Домов было множество, и деревянных, и каменных. Через реку был перекинут длинный, крепкой постройки мост. Река была наполнена кораблями. На пристанях грузили товары. На улицах было оживленное движение. В рядах кипела торговля. На крутом берегу реки возвышался городок, окруженный каменными стенами с зубча-

тыми башнями. Среди построек было много нигде невиданных Воданом. Крыши их железные были то в два ската, то шатром, и над ними поднимались купола, то полушатровые, то в виде шеломов или луковиц. Каждый купол был увенчан крестом таким же, как поставленный у старцев на горе над Днепром. Крыши и купола были то выкрашены в яркие зеленый и синий цвета, то высеребрены и вызолочены. Богу-чар сказал Водану: «Преклони колена перед домами этими и пади ниц перед увенчивающими их крестами. Это храмы Единого Всемогущего, это дома Его. А величайший из них, окруженный каменными крепостными стенами, именуется храмом Премудрости Господней. От него изойдет великое учение истины на обширную страну, в которой солнце ни в какой час ночи заходить не будет. Из города этого, имя которого будет Великий Господин, разойдется по отдаленным краям земли народ великий и могущественный, просвещенный светом истины. Помни старцев на горе у Днепра, помни и город, который видишь перед собою. И ты так же создашь державу сильную, хотя и на менее обширном пространстве, за то из этого государства произойдет множество других, и в них так же воссияет правда, возглашенная с креста. Имя твое останется памятно в народах. Но бойся проклятий и уподобления духам нечистым в памяти людской. Учи тому, чему веришь сам, и не распространяй лжеучений, над которыми сам в душе смеешься. Старайся быть истинно великим мужем не пытайся прослыть ложным богом».

Водан проснулся и вышел на палубу корабля. Солнце освещало маленький городок с его окопами и бревенчатым тыном, реку Волхов и окружающие леса. Взглянув на них, в мыслях Водана укоренилось безотвязное чувство какого-то необъяснимого убеждения, что город этот же самый, который он видел во сне. Может ли это быть пустой сон, под влиянием долгой беседы с Яромиром? А письмо Драгомира? Ведь Богучар являлся и ему! Да никогда в пустых снах вещей Богучар не являлся. Это сон пророческий! И вечно то же предупреждение: не создай лжеучения, не пытайся прослыть богом.

Он рассказал свой сон Фригг, ласкавшей сидящего у нее на руках первого их ребенка.

ЧАРОДЕЙ МИМИР

К кораблям Водана присоединились многочисленные корабли бодрицких купцов и несколько кораблей из Руссы и Славянска. Все пошли вместе вниз по Волхову. Ветер дул попутный, весенние ночи стояли светлые. Менее суток потребовалось, чтобы дойти до Острограда, стоявшего на реке, в некотором отдалении от Невоозера.

Остроград был почти такой же величины, как Русса. Он оправдывал свое название множеством башен с остроконечными высокими крышами, увенчанными еще острыми железными шестами. Окружали его двойная насыпь и двойной частокол. Башни были и у той, и у другой ограды. Вокруг города было несколько малых городищ, снабженных камнеметами и жильем для сторожевых ратников. Видно было, что здесь всегда находились в ожидании нападения и всегда готовились к отпору. Встретил гостей городской воевода Лудейко, старый воин, весь седой и морщинистый. Он объявил, что он один в городе, а все степенные, посадник, тысячник,

воеводы и старосты с большой ратью ушли на карелов, нанесших пригородным селам большой ущерб своими грабежами. Он просил проезжих витязей оказать славному городу Острограду вспомоществование и обещал щедрую награду при разделе добычи.

Водан объявил, что он двинет на них все свои силы, с угловором, что оставляет себе право занимать все земли, какие захочет, по карельскому берегу Невоозера.

Озеро поразило пришельцев своей огромностью. Это было целое море, в туманной дали сливавшееся с небом. Южный и восточный берега его, а так же южная половина западного не представляли ничего красивого. Это были бесконечные низменные равнины, лишь изредка пересекаемые невысокими холмиками, поросшими травой и лесом. Вдали синели дремучие сосновые и еловые леса мрачного вида. Северный берег, наоборот, состоял из высоких, крутых гор и утесов, отвесно спускающихся в воду. По вершинам рос густой лес. Утесы поражали разнообразием цветов, был белый и желтоватый известняк, серый и красный гранит, белый, как снег, и пестрый, с разноцветными жилами, мрамор. Берег этот был прорезан множеством заливов, окруженных жилищами. Это были такие же низкие, с высокими крышами хижины, какие видали у веси. От каждого жилья на большое расстояние разносился отвратительнейший запах гнилой рыбы, остатки которой валялись перед каждой дверью. При каждом дворе была рыбокоптильня, в виде высокой де-

ревянной башни.

Мореходы шли отдельными отрядами, но всегда достаточно большими, чтобы завидевшие их издали карельские лодки обращались в бегство и спешили скрыться в заливах. Лодки эти были грубой и тяжелой постройки и не могли так хорошо ходить, как лодки финикийской, бодрицкой и русской постройки. Особенно неуклюжи были они на поворотах против ветра. Поэтому часто подвергались приступу нападающих, сражения кончались гибелью людей и потоплением судна.

Водан уже шел на соединение к главной силе остроградской, предводительствуемой посадником Кондежем. На самой северной оконечности озера, в глубоком заливе, усеянном множеством островов, укрепились в окопанном городке главные предводители и зачинщики нашествия на Остроградские села – вожди Импилякс и Мимир. Импилякс уже более тридцати лет был известен и на озерах, и за морем своими грабежами. Мимир, кроме того, слыл чародеем и прорицателем.

Забираться в глубину залива было невозможно. Острова состояли из высоких скал, проходы были узкие. Осада обещала протянуться долго. Голодом взять городок была плохая надежда. Урон же в осаждающих был большой. К несчастью, пришлось убедиться, что почти все раны от них были смертельны. К вечеру у раненого появлялся бред, все тело горело, затем человек коченел и умирал, не приходя в сознание.

Явно было, что стреляли отравленными стрелами. Многим смельчакам, подходившим ближе к городку, особенно к угловой деревянной башне, попадали в тело маленькие стрелки с ярко-желтым оперением. Эти не производили такого вреда, как большие стрелы. Раны от них довольно скоро заживали и никогда глубоки не были. Но при виде каждого пораженного такой стрелой, воздух оглашался адским хохотом и громкими возгласами стреляющих, скрытых в башне. Очевидно было, что маленькие стрелки эти считались заколдованными, и только впоследствии пришлось осаждавшим понять их ужасную опасность и всю мерзость замысла своих противников. Этим, впрочем, способы борьбы со стороны карелов не ограничивались. В стане появлялись нередко девочки с грибами и ягодами, которые они меняли на разноцветные ленты и пестрые бусы. По их словам, они делали это под величайшей тайной от своих. Вскоре, однако, появились случаи отравления грибами, ядовитыми, примешанными к съедобным. Это было приписано ошибке маленьких разнощиц, и притом не имело важных последствий. И Водан, и Зур-Иргак, и дева-щитоносица Эйра, и многие другие умели лечить отравление грибами. Лесные ягоды оказались вымоченными в жидкости, которую никто не знал, и умерло несколько человек. Девочек допросили. Они сперва отказывались, но под плетью сознались, что были присланы осаждающими, которые им приготавливали и укладывали и грибы, и ягоды. Маленькие отравительницы были все немедлен-

но удушены и обнаженные тела их развешаны по деревьям, в виде окопов осажденного городка. Новых малолетних злодеев более не присылали, но в стан в одну ночь, перед утром, набежало множество собак, перекусавших и воинов, и коней, и собак, имевшихся при стане. Все укушенные люди и животные погибли в страшных мучениях водобоязни. Такое одновременное появление целой псарни бешеных собак не могло быть объяснено случайностью. Разведчики напали в лесу на след того места, где находились эти животные, до появления достаточно развившихся признаков болезни. Это была старая пещера заброшенной каменоломни. К выходу ее была приделана дверь, которую можно было открывать, стоя над ней на горе, в безопасности от выскакивающих из пещеры животных. Некоторые даже были убеждены, что видели людей, выпускавших их из каменоломни, но они тогда приняли их за бесов. Так были они укутаны в меха для защиты от укушения, в случае нечаянной встречи с одним из опасных животных, разбежавшихся по лесу.

– Это подлые трусы, – говорили в стане. – Их надо резать без пощады. Они только и умеют отравлять и нападают из засады.

Отравленные стрелы делали свое дело и на судах, сталкивавшихся с неприятелями на озере. Но там лучше построенные струги одерживали верх, благодаря быстроте и поворотливости. Скоро многие из них могли присоединиться к осаждающему отряду и высадкой свежих сил пополнить убыль

в людях.

Пытались и к осажденным проникнуть вспомогательные силы, но их застигли в узком горном ущелье, многих перебили, а остальных обратили в бегство. Часть их, однако, успели напасть на стан щитоносиц, хотя все отважившиеся на это слишком смелое предприятие были перебиты.

Эта победа чуть не стоила весьма дорого всему народу переселенцев. В числе раненых была сама царица Фригг. Были все причины опасаться, что стрела была отравленная. Она попала в правую руку выше локтя.

Сведущая в лечении щитоносица Эйра, находившаяся в бою рядом с царицей, тотчас по извлечении стрелы, сделала из тонкой веревки петлю и затянула ей руку выше раны и обматывала туго натянутую веревку вокруг члена, пока вся рука, налившись кровью, не почернела и не повисла, как мертвая; ни локтя, ни пальцев согнуть не было возможности. Но в это время сама Эйра упала, пронзенная стрелой в бедро.

– Спасите царицу, я умираю! – воскликнула она.

Ей все-таки перетянули бедро так же, как сделала она Фригг, и отнесли в тот же шатер, куда положили царицу. Прибежали все умеющие лечить раны.

– Я не закончила! – сказала Эйра. – Ходить я не могу. Поднимите меня. Я высосу весь яд из раны царицы.

– Ведь ты умрешь! – возразила Фригг.

– Я все равно умру! – отвечала девушка. – Я ранена, как и ты. Да если бы я и не была пронзена отравленной стрелой,

я сама бы не захотела пережить тебя, мою владычицу и благодетельницу. Если яд меня скоро убьет, пусть продолжают высасывать другие. Твоя жизнь всем нам нужна.

И она стала сосать рану и выплевывать кровь. В это время другие девы накаляли добела острие сломанного копья.

– У меня руки ослабели, – сказала Эйра. – У тебя, Вала, рука вернее. Вырежи ножом мясо вокруг раны, а потом прожги ее железом. Яд, видно, только в крови действует, а глотать его можно. Только жги глубже, чтобы вся кровь спеклась.

Все было сделано, как говорила Эйра, и рука царицы была наконец перевязана.

– Прощай, царица, – сказала Эйра, когда ее положили на ложе. – К вечеру я умру.

– Нет! Ты не умрешь, Эйра, – сказала Фригг. – Тебя спасут, как ты спасла меня.

– Ты не умрешь! – воскликнули все щитоносицы.

Три девушки, одна за другой, высосали ей весь яд из раны. Вала вырезала всю часть, которую можно было считать пораженной, и глубоко прожгла ткани раскаленным добела железом. Потом закончили перевязку.

Узнав о случившемся с Фригг, Водан прискакал на коне и бросился в шатер царицы. Отчаянию его не было границ.

– Если она умрет, – воскликнул он, – умру и я. Не будет предела моим щедротам для того, кто ее спасет!

Известие, что яд карельских стрел можно высасывать,

очень обрадовало всех в стане. Зур-Иргак приказал наловить в соседнем ручье множество пиявок и стал их употреблять для извлечения яда из ран. С тех пор число смертных случаев значительно уменьшилось, и многие раненые стали выздоравливать. Через девять дней Фригг уже встала, Эйра так же была в совершенной безопасности, хотя ей предстояло лежать еще недели три. Царица не позволила перенести ее из шатра в другой и сама наблюдала, чтобы уход за ней был всегда одинаково безупречный.

Пришли еще подкрепления с моря. Водан решил покончить с карелами и идти на приступ. Сопротивление было отчаянное, но сила одолела. Город был взят. Импилякс был убит самим посадником Кондежем, снесшим ему голову до плеч. Мимира захватил в плен Зур-Иргак, который привел его к Водану.

– Колдовать умеешь? – спросил его победитель.

– Умею! – отвечал Мимир. – Но видно твои чары сильнее моих. Не даром около себя этого адского пса держишь! – указал он на Зур-Иргака.

– Но бешеными псами людей, даже врагов, не травим! – возразил Водан. – А ты бешеными собаками, да отравленными стрелами самую лютую смерть заслужил.

– То знаю. Но лютой смерти для меня нет! – самоуверенно отвечал Мимир. – У меня до казни Перкал душу из тела безболезненно вынет.

– Это мы увидим! – усомнился Водан. – Обыскать его, нет

ли при нем оружия или яду! Итак, ты надеешься на Перкала? Душа твоя, верно, принадлежит ему?

– Всецело! Я с детских лет ни Юмалу, ни иным богам не молился и отдался одному Перкалу. Служил ему в этой жизни, буду служить и в той.

– Хороший же ты человек после этого! – усмехнулся Водан. – Знаешь, что поют наши прорицательницы, вещие девы?

Я видела чертог вдали от солнца,
На берегу трупов. Ворота его обращены к северу,
Через все отверстия капал яд
Чертог сплетен из змеиных хребтов.
Там черный змей сосет тела умерших,
Волк их терзает. Понимаете ли вы или нет?

– Я сам обращусь в черного змея, сосущего тела умерших, – отвечал Мимир. – Ты меня берегись, хотя меня одолели чары твои и твоего уroda. На волка или рысь он похож больше, чем на человека. Силу же твоих чар я познал, когда увидел, что жива твоя жена, хотя она тебя только левой рукой обнимает, и что живы и многие другие, убитые мной. Ты мой яд заговорил. Увидим, заговоришь ли ты желтоперые стрелы?

– Ты мне про них скажешь! – сказал Водан. – Иначе я тебя огнем пытать велю.

– Все пораженные этими стрелами, – объявил Мимир, –

умрут через много лет жестокой и заразной болезнью. Целые роды и племена, замыслившие против Мимира, вымерли, и жилища их обратились в пустыню.

– Я тебя отпущу разбойничать на волю куда хочешь, за те горы, которые ты видишь к северу. Только на озеро не смей показываться. Скажи лишь одно: чем помочь несчастным, загубленным тобой?

– Ничем нельзя! Болезнь неизлечима столько же, сколько и заразна!

– Говори хоть, как ее зовут? Иначе тебе предстоит сейчас жестокие истязания.

– Концы стрел обмакнуты в крови прокаженных! – объявил Мимир. – Некоторые из них этими стрелами и стреляли. Содержались они в башне, образующей угол городка. Твои люди башню сожгли и зараженные стрелки в ней сгорели. Жалею, что я не успел их раньше выпустить, чтобы они могли твоих воинов перекусать. Но о раненых желтоперыми стрелами не заботься. Они люди погибшие и умрут прокаженными.

– Какую же ты смерть после этого заслужил? – с негодованием воскликнул Водан.

– Какой хочешь, такой и предавай! – сказал чародей. – Я от страданий обережен самим Перкалом.

– Однако пытки убоялся? Снимут с тебя шкуру ремнями, посыпят солью и бросят в змеиную яму. В старой каменоломне под горой я хорошую яму видал, а змеи тоже здесь

водятся в достаточном числе.

– Как хочешь, но близ ямы этой течет источник мудрости. У него являлись мне духи и открывали все, что я знать хотел. К нему не подходи и из него не пей. Духи за меня отомстят тебе.

В это время подлетел сизый кречет и сел на плечо Мимира. Волшебник взял его к себе на руки.

– Прощай, товарищ, – сказал он. – Умираю я, умри и ты!

В одно мгновение он оторвал птице голову и снял с ее шеи кольцо с двумя жемчужинами. Одну он проглотил, другую взял тотчас вслед за первой в рот и ей плюнул Водану в глаза. Затем грохнулся мертвым.

– Бросать эту падаль собакам на растерзание! – вскричал царь. – Голову же отрубить и сделать из нее кубок.

Глаз царя налился кровью, и острая боль почувствовалась в нем. Водан, шатаясь, пошел в шатер. За ним последовал Зур-Иргак, промыл глаз и сделал перевязку, затем Водан отправился в шатер Фригг.

– Все время осады, – сказал он, – ни одной раны не получил. Бродяга, испугавшись лютой казни, себя отравил и на меня глазную болезнь нагнал. Вещество не едкое, а боль страшная, и глаз будто весь пухнет.

Эйра еще лежала. Опираясь на двух девушек, она встала и подошла. Стала называть Зур-Иргаку разные травы, по ее понятию могущие помочь. Фригг горько плакала. Так была омрачена полная победа над врагами.

Ночью с царем сделался жар и бред. Ему казалось, что он стоит у источника и Мимир предлагает ему испить воды мудрости и всезнания, если он ему добровольно отдаст в залог один из своих глаз.

К утру, после бессонной, но исполненной страшных видений и бессвязного бреда мучительной ночи, нагноение охватило весь глаз. Фригг, сама с рукой на перевязи, не отходила от него ни на мгновение.

Зур-Иргак сказал ей:

– Царица, боюсь, что опасность не для одного зрения этим глазом, которое уже потеряно. Может быть отравление крови и доблестный нас покинет.

– Этого быть не может! – зарыдала царица. – Спаси его, Зур-Иргак. Позволь вырезать глаз вон.

– Делай, что хочешь.

Это было сделано с величайшей быстротой. Вала и Эйра, настойчиво потребовавшая костыли, помогали. Больной уснул крепким сном и через сутки проснулся, не чувствуя ни боли, ни гнетущего состояния. Он ощупал себе голову.

– Зур-Иргак, – сказал он, – друг любезный, сними повязку и дай мне посмотреть на себя в зеркало. Мы победили, – обратился он к жене, – но были оба на волосок от смерти. Ты ранена, я изуродован.

Фригг наклонилась к нему и здоровой левой рукой обняла и затем поцеловала в потерянный глаз.

– Ты мне был мил, – сказала она, – когда гораздо сильнее

израненный лежал в Танаисе. И одним глазом ты будешь видеть больше, чем иные люди двумя. Как только рана моя на руке совсем заживет и я начну владеть этой рукой без боли и вреда, я сделаю тебе повязку из золотой тесьмы, а на месте глаза утвержу драгоценнейший из наших алмазов. Не печалиться о наших ранах надо, а радоваться нашей победе. У нас теперь есть земля своя, завоеванная, и от нее мы распространим свою власть на далекие края.

– И мы будем вам добрыми соседями и союзниками, – прибавил вошедший в шатер посадник Кондеж. – Мы, царь, все скорбели о твоём здоровье и радуемся от души, что не отравил тебя проклятый волшебник.

Через несколько дней Водан выходил к своим ратникам, смотрел размещение их на развалинах дотла сожженного города и приказывал готовить корабли к походу.

ЧЕРЧЕНИЕ КОПЬЕМ

Вопрос о занесении проказы был весьма важен. В одном из лесов под Танаисом было несколько семейств прокаженных, и Водану случалось видеть их отвратительные, изуродованные лица. Он спросил посадника, много ли попадаетея больных этой ужасной болезнью в этой стране.

– От этого хранят нас боги, – сказал Кондеж. – Но у карелов, квенов и прочей чуди прокаженные попадаютея. Мы давно слыхали, что Мимир пользовался ими для распространения заразы. Держал он их вдали от своих разбойников, но когда на кого прогневаея, то спускал, как бешеных псов. Доброе дело совершили мы, что этого изверга извели.

– Куда же мне девать людей, обреченных на верную, хотя медленную смерть? – спросил Водан.

– Здесь островов много, – посоветовал Кондеж. – Рассели их по островам. Во многих чудских селениях их убивают, как только заболеют. Но твои могут еще долго быть здоровыми и тебе службу служить. У нас же их просто из сел выгоняют,

и они в лесах строятся. Многие же, когда плохо придется – сами просят, чтобы их убили. Чаще всего траву болиголов пьют.

Обдумав это все, Водан собрал весь народ свой и повел такую речь:

– Победу мы одержали великую, заняли землю обширную, богатую лесами, полями и камнеломнями. Хищных карелов мы отогнали, и они к нам не подойдут, если мы крепко окопаемся в городах наших. И леса, и горы будут нам доброй защитой. Дорого стоила нам победа. Многих недосчитываемся мы. Одни пали со славой, убитые на поле брани. Другие получили тяжелые раны, от которых еще не все оправились. Многим при помощи ядовитых стрел отравили кровь, и им еще в будущем предстоит тяжелые испытания – мучительная болезнь и страшная смерть. Им всем отдаем острова, раскинутые по этому заливу и стоящие впереди выхода из него, кроме двух самых северных, стоящих ближе к берегу, отдельно возвышающихся среди озера, самого южного. На этих построим городки, и пусть живет на них охрана. Город восстановим на той же горе, где он был. Земли для хуторян и деревень во все стороны много. Забирай кто какую хочет. Пусть объявится, кто желает здесь остаться. Корабли и все припасы будут вам даны. Вождя выберете себе сами. Я его приму как брата и ближайшего помощника.

Избрали Эрменгильда, гота, отличавшегося во всех опаснейших делах и всегда дававшего на собраниях мудрые со-

веты.

– Жители островов пусть так же изберут себе главу, ведающего их нужды, а так же человека, умеющего лечить болезни. Заболевших же проказой и иными заразными язвами с островов не пускать, под страхом смерти. На берегу каждого из них дозволяется убивать безнаказанно.

Были выбраны лица из числа несчастных, заранее обреченных на столь грустный конец для устройства им временно менее тяжелой жизни.

– С прочими воинами мы пойдем на искание новых стран у широкого моря. Но всегда будем посылать друг к другу корабли и оказывать всякую помощь. Я царь над всеми и всем буду оказывать помощь всегда и во всем. Но каждый город пусть управляется своими выборными. Так и заживем – торжествуя над врагами и радуя славных убитых друзей наших подвигами, показывающими, что мы идем достойно по стопам их.

– Если боги щадили тебя на войне, – продолжал Водан, – но пришла старость, или болезнь, и ты чувствуешь, что дни твои сочтены, облекись в самые богатейшие твои доспехи, созови своих детей и всех родных своих, задай им пир из всего лучшего, что у тебя есть в доме, не щадя ни яств, ни меду, поучи их, как чтить богов и жить благо; затем обнажи грудь свою и руки, и концом копья вырежь на теле своем знаки священных рун, письмен таблицы, передаваемой мной почтенному вождю вашему Энманриху. Режь тело глубоко,

так чтоб все жилы были разделены пополам. Кровь из тебя будет течь и ты с молитвой к богам, вознесешься в Валгаллу.

Когда на скалы месяц свой блеск прольет
И на могильный камень роса падет,
Мы из холмов, о други, у вод воспрянем
И о грядущем в полночь шептаться станем.
И вы все чествуйте своих умерших со славой
И старайтесь во всем им подражать.

Речь эта произвела сильное впечатление. В тот же вечер Тотила, гот, начальник многочисленного отряда, созвал всех своих людей, сказал им поучения о доблестях воина, и, неумелой рукой, подражая очертанию священных рун Водана, вскрыл себе жилы. Рана, полученная от желтоперой стрелы, была простая царапина, и по уверениям Эйры, в нее не могло попасть отравы, так как стрела прошла прежде через очень толстое сукно, которое должно было стереть весь яд. Но Тотила говорил, что он должен подать пример. И его примеру многие последовали. Не прошло недели, как Водан и Эрманрих могли с удовольствием убедиться, что население подозрительных потребует себе не более двух островков в заливе, и островки эти были выбраны самые отдаленные.

В ночь смерти Тотилы, Водан увидел во сне Драгомира и Богучара, явившихся к нему вместе.

«Ты начинаешь, – сказали они ему, – идти по той стезе, от которой мы тебя стремились отвлечь. Ты лжешь созна-

тельно. Чтобы освободить народ свой от заботы о больных и о беспомощных, ты учишь их величайшему нечестию – самоубийству, забывая, что Единый волен в жизни и смерти каждого человека. Не прочно будет творение, как бы громки ни были дела людей твоих. Остановись, пока время есть».

Водан проснулся, обливаясь холодным потом. В то же утро прилетел к нему ворон с письмом от Драгомира.

«Сын мой, – писал ему старик. – Я умираю, и ты от меня более писем не получишь. Единый Всемогущий зовет меня и уготовал мне обитель по трудам моим. Что заслужил я, о том не мне судить, но во всем Его воля святая! Все от Него исходящее есть благо! Прошу тебя, сын мой, помни уроки высшей мудрости. Ищи только истины, а все остальное придается тебе. Истину ты мог найти у святой горы на Днепре. Ты ее не видел. Но ее увидят многие, и иной, более просвещенный, род совершит то, с чем ты совладать не можешь, так как ты ищешь только своей славы, а не истины. Дано тебе быть великим человеком, не ищи прослыть богом, ибо Бог Единый, и да простит Он тебе твою самонадеянность».

Сейчас же пущенный ворон вернулся без письма, но на шее его была тесемка, которую Водан узнал. Это была одна из завязок от одежды волхва. Кто ее навязывал, об этом Водан и не думал справляться, но он понял, что Драгомир покончил все расчеты с жизнью и переселился в иной мир, где, верно, ему уже открыта та истина, которой он всегда так искренно и так бескорыстно жаждал.

Уходившие с Воданом простились с остающимися. Пировали, высказывали друг другу сердечные пожелания. Корабли, предназначенные к продолжению плавания, двинулись к югу озера. С ними шли и корабли иноземные, остававшиеся все время при осаде и решившие соединить свою судьбу с делом остроградцев.

Эти последние горячо благодарили всех своих союзников и обещали им оказать, при первой нужде, такое же содействие. Но грустно на душе было Водану, победителю и основателю города, идущему на новые великие дела. Расставался он со многими друзьями, многих из них он безвозвратно потерял. Грустил он и о смерти учителя своего, мудрого Драгомира. Наконец он осознал, что его первые шаги, как законодателя, не одобрены высшими небесными силами, говорившими через уста старцев Богучара и Драгомира. И печальный покидал он северный берег Невоозера.

АЛЫЙ БОР

Осада карельского городка продолжалась лучшую часть лета. Бодрицкие и русские корабли несколько раз, по два, по три, уходили по своим торговым делам и заменялись новыми от своих же городов, так что помощь остроградцам не только не уменьшалась, а подчас и увеличивалась от прихода новых сил. Осень приближалась и надо было опасаться, что до выбора нового места придется опять зимовать в реке, или в закрытом заливе. Городов, подобных тем, которых было немало в стране кривичей, а еще более на озерах³⁷, не предвиделось. Об этом уже сообщали бодрицкие и русские купцы. Чтобы найти город, надо было идти прямо в море, спуститься к югу и направиться в стороны бодричей, лютичей и иных поморян. Водану же и его главным спутникам хотелось искать еще мест, удобных для поселения, и продолжать разведки по берегам озер, рек и морских заливов.

Насколько красивы северные мраморные и гранитные бе-

³⁷ Озерная страна была прозвана скандинавами Гардарики – страной городов.

рега Невоозера, настолько унылы южные, низменные, частью пустынные, частью поросшие сосной и елью. Более величественные леса появились у берега, когда вошли в пролив, соединяющий Невоозеро с морем. Здесь, кроме хвойных пород, встречалось много березы и дуба, очень украшавших местность, несмотря на отсутствие гор. Впрочем, около середины по долине пролива, при впадении в него реки, поднимались довольно красивые утесы желтовато-белого плитняка. Река, впадающая в пролив, замечалось очень много, особенно с южной стороны, и все казались довольно широкими и глубокими. К выходу в море пролив расширялся, так что с одного берега другой был едва виден. Зато посреди вод стало появляться множество больших и меньших островов, поросших густым лесом. Преобладали дуб и береза, достигшие поражающих размеров. Приближение осени придало их листве золотисто-красный оттенок. Росший по берегу кустарник переливался в еще более яркую пунцовую тень. Вечерние лучи освещали острова и берег и придавали всему виду волшебную пурпуровую окраску.

– Алы бор! – воскликнули славяне с кораблей.

Опытный Станимир выпянин предупредил Водана, что после этих островов начнутся небезопасные отмели и советовал ночевать в проливах, разделяющих острова.

– Мы их зовем Невскими, – говорил он, – а чудские народы – Тамминень-Сари, то есть Дубовыми, потому что здесь много дуба растет. Народа здесь мало живет. Больше стано-

вища охотников. Чаще всего сюда ходит чудское племя емь, хорошие звероловы, и с карелами подчас отважно дерутся, не пускают их на свой берег. Живут еще в малых городах, двора в два-три, и остроградские люди. Звериный промысел и рыбная ловля очень здесь хороши. Все за окопами живут. Иначе то емь, то карелы набежать могут. Здесь все лето по берегам располагаются часто и остроградские, и холмоградские, и славянские, и русские, и из многих иных городов. На зиму опять к себе домой с добычей уходят.

Пересвет предложил Водану осмотреть хотя бы большие из островов.

– Мнится мне, царь, – сказал он, – что на этом месте можно то же сотворить, что в городке Яромира на Волхове. Как там они могут запереть выход всем людям из своего озера, так и здесь готов замок висячий на все озера, сколько их там есть, а выход в море тут же. Его-то уже никто после нас не заградит.

– Выходы в море мы посмотрим, – сказал Водан, – а обойти острова я сам считал полезным. Если понравятся, то оставим несколько кораблей с людьми. Пока будем ходить дальше, могут окопанный стан с засекой, а не то и городок построить.

Русские и бодрицкие купцы пошли дальше. Один Станимир решил остаться с асами.

– Мы здесь еще можем зверя побить, – сказал он. – Груза на корабль еще могу взять много, а медведи здесь пушистые.

Здесь давно был охотник Ходча из Славянска. Каждый год, тридцать лет подряд, ездил в эти леса на все лето. Иногда возвращался, когда на Ловати и Шексне уже лед идет, а раз в Острограде замерз и зимовать должен был на чужой стороне. Первым богачом в своем городе сделался. Наши деда ему несметные кучи золота и серебра платили за его медвежьи да лисьи меха. О нем и теперь на всех озерах вспоминают. Теперь так же охотники Избор из Руссы, да Пулк рыжий, Дудор белый из еми, всем нашим купцам известны. Сколько шкур им ни закажи, в срок все до одной принесут. Стреляют без промаха, а Пулк так сунет левую руку медведю в пасть и тут же ему ножом жилу пополам, так что бурый и рыкнуть не успеет. Да, много охотников с нами торгуют, хотя с этими тремя никто не сравняется.

Водан разрешил корабельщикам и вождям, оставив везде необходимую стражу, людей распустить на охоту на три дня. Особо избранным он поручил осмотреть всю местность и обо всем ему сообщить.

Охота оказалась прекрасная. Уже с первого вечера отправившиеся в леса вернулись на суда у берега с добычей и с требованием коней и даже купленных для убоя волов, чтоб везти застреленных в лесах медведей и оленей. Лисиц красных, золотистых, черно-бурых и совершенно черных натаскали великое множество. На некоторых Станимир смотрел жадным взором и говорил: «Это римский товар! Это я никому не уступлю! Это я в Винете продам на корабли, идущие

в Италию». Соболей, горностаев, куниц, белок были свалены целые горы, и три дня добыча не уменьшалась. Станимир сыпал золото и серебро в кольца и кружках³⁸, и давал за все такие цены, что многие охотники сами удивлялись его щедрости. Давид бень-Иозеф все золото, которое у него было, так же променял на меха, жадно присматриваясь к действиям выпянина.

– Вот чудеса! – говорил он своим. – Там, на озере, карелов бил. Воин казался отчаяннее всякого гота и сармата, жизнь свою подвергал сколько раз самой явной опасности. А здесь торгует так, что, видно, заранее знает, сколько ему каждый обол принесет.

– Теперь от души отлегло! – радостно восклицал Станимир. – Добрые молодцы, и мои, и царские, довольно набили всякого зверя. В три дня мы сделали больше, чем иной раз удаётся за целый месяц. За платой не стою, потому что знаю, что все верну с избытком.

Осмотр местности так же очень расположил многих в пользу основания здесь города. Особенно Пересвет, Левко и Буревид настаивали на том, что вряд ли есть еще на свете такое хорошее место для мореплавателей и купцов.

– Это Пантикапея северных стран! – говорил Пересвет. – Кто здесь сядет, тот владыка озерной страны.

– Как озерные города не доглядели на Волхве сесть, – прибавлял Левко, – так волховцы до сих пор не доглядели здесь

³⁸ Монетах римских и малоазиатских.

утвердиться.

– А может быть, Острограда бояться? – заключал Буревид.

– Надо на среднем большом острове постройться, – говорил Пересвет. – А еще лучше на двух островах. Из камней на оба берега бить можно, если струны новые. А если построить еще по малому городку на каждом берегу, то никто не пройдет без нашего соизволения.

Водан выслушал все эти сообщения и сам много раз осматривал указанные Пересветом острова. Фригг со своими женщинами так же ездила на охоту и, в первый раз после болезни, натягивала лук и пускала стрелы по пернатой дичи. Не было границ ее восторгу, когда она убеждалась, что правая рука ее вполне сохранила прежние силы и гибкость. Богатство островов и побережья, и живописный вид лесов очаровал и царицу, и всех приближенных ее.

На третью ночь пребывания у островов, Водан имел сновидение. Повторилось то же, что являлось перед его глазами на Волхове, после беседы с Яромиром. Но в светлом облаке стояли рядом, держа друг друга за руку, Богучар с Драгомиром. Город же рос и распространялся и по островам, и по берегу, и поражал великолепием своих зданий. Так же удивляли громадностью и хитрой постройкой корабли, стоявшие на реке и плававшие по заливу. Храмов с крестами было множество. На море сражались. Водан с испугом узнал в сражающихся своих людей всех народностей. Затем увидел он среди города свое собственное изображение, украшавшее пло-

щадь. Сарматы его окружили, опрокинули, повергли в прах и разбили. Издали ему грозили, носясь над водой, Тотила и прочие, после его речей прочертившие себя копьем. Появился волк Фенрир и бросился на Водана, но его убили неведомые витязи. Готы, чудские племена, греки, римляне ходили, держа кресты в руках. Сарматы же владели городом, и с ними были люди и из Пантикапеи, Танаиса, Фанагории и Херсонеса, и с Днепра и с озер, и вятичи с Оки. Среди них стояли старцы с Днепровской горы, поучали их и благословляли крестом.

– Не на лжи, а на правде мир стоит! Понимаешь ли ты или нет? – раздались голоса Богучара и Драгомира.

И Водан, с головой горячеей, как от огня, обливаясь потом, вскочил с своего ложа.

«Я болен, – говорил он себе. – Яд в ране, верно, еще действует. Может быть, и охота, и походы меня утомили. Пусть Пересвет и его друзья делают здесь, что хотят. Мне выгодно иметь больше союзных городов. Но я пойду дальше. Я буду искать новых мест».

Он позвал Пересвета, Левка и Буревида.

– Друзья мои! – сказал он. – У вас средства есть устроиться. Вы сами довольно богаты. Своей волей пошли вы за мной, и я вам не перечу. Оставайтесь здесь, кто хочет. Стройте город. Союз заключим такой же, какой утвержден у нас с Эрманрихом. Кораблей у вас останется достаточно для первого времени. В здешних богатых лесах у вас найдется,

из чего построить и новые корабли, и я не сомневаюсь в том, что в жителях Алого Бора буду иметь верных и сильных союзников³⁹.

К Пересвету присоединилось около тысячи людей. Почти все были сарматы, и большая часть во время похода научилась и строению кораблей, и управлению ими. Станимир обещал им, что когда город будет построен, к ним еще переселятся люди с Волина, с Ругина и с Выспов, а так же из других поморских городов. Давно ищут они все места, где зверопромышленники и меховщики могли бы останавливаться и скупать товар, не боясь грабежей еми и карелов. Он просил поселенцев не отказать в приеме будущих гостей. Пересвет объявил, что люди Алого Бора будут очень довольны иметь опору в жителях сильных и богатых городов Поморянской страны, дружить с ними и вести мирную торговлю.

Водан радушно прощался с Пересветом и его товарищами.

За островами Алого Бора взморье расширилось в просторный залив, а берега возвышались в два хребта лесистых холмов. Менее чем в двух часах хода, среди залива, был длинный остров, состоящий из восточного холма и западной узкой косы.

– Вот еще замок, висящий на водном пути! – заметил Водан. – Не упустят его алоборцы! Сильны они будут! С озер-

³⁹ Альдейгиуборг (Алый Бор) находится на Неве, вероятно на островах при устьях; основан Одином или его спутниками. Город был не скандинавский.

ными они скоро сольются в один народ. А там, куда ни иди целыми годами, все народы одного языка. Это великая сила! С готами надо идти по ту сторону моря. Чудские народы неопасные соперники, и их подчинить своим науке, слову и искусству можно. А с людьми породы Яромира, которые ничего не боятся и ничем не смущаются и уже финикийские корабли научились строить, – надо дружить. Иначе они могут быть опасны. Пока Пересвет жив, я на него надеюсь. Нечего горевать об угольях, пока не остыл костер.

Чтобы вести царские суда по заливу до открытого моря, Станимир передал Водану одного из своих людей. Это был Тостен, старый опытный мореход из великого города Винеты на Волине острове, давно, впрочем, переселившийся на Выспы и давно плавающий на судах выпяньских купцов. Он вел корабли Водана, указывал берега, отмели и подводные камни, и рассказывал царю о крае, через который они шли.

– Залив этот зовем мы, – говорил он, – Невским, так как он только узким и не очень длинным проливом соединен с Невоозером. Чудские племена зовут его Суомень-Лахта, так как весь северный берег его населяют суомалайны или, по-нашему – сумь, чудское племя. А на южном берегу другое чудское племя – емь проживает. Народы эти дикие, гораздо хуже веси, муромы и карелов. В горах сумских есть такие, которые не держат коней и не умеют на них садиться, и сами кочуют из долины в долину, ночуя в шатрах из звериных шкур или в плетеных из сучьев шалашах. Питаются

травой и рыбой, а вместо меду пьют рыбий жир отвратительного вкуса. Одеваются в звериные шкуры и спят на сырой земле. Бьют они зверя стрелами с наконечниками из рыбьей кости. Железа они не умеют выделывать. Ножи у них кремневые. Я сам не раз менял у них один железный нож на десять соболей, а за меч тебе трех великолепнейших медведей дадут. Живут они кучками, в десяток или два человек. Каждый день оставляют несколько мужей для защиты жен и детей в стане, а все прочие идут на звериный промысел. Часто и ночуют в горах, зарываясь в снега. По берегам есть селения, построенные из дерева, с низкими домами под высокими шатровыми крышами. Эти имеют своих кузнецов и покупают у карелов железо. А у карелов железа много. В озерах собирают желтые камешки, похожие на бобы. Их карелы переплавляют на железо, а потом сумь обирают. Тянут с них за железо мехов сколько вздумается. Торгуют иногда с ними и наши мореходы, и озерные с Волхова, Шексны, Меты и Ловати. Но с них много не наживешь – очень бедный край. Часто бывает, что пойдет человек на охоту и не вернется. Или в пропасть свалится, или его сумь или емь проклятая арканом удавит и оберет.

– А молятся они как? – спросил Водан.

– Береговые, – отвечал Тостен, – как вся прочая чужь, приносят жертву Юмалу и Перкалу, а горные, убив медведя, кладут его тушу на кобылку из бревен так, чтобы она как будто стояла, и приносят ему жертвы и молятся ему. Они говорят,

что в каждом медведе Перкал живет. Если его убьешь, дух поселяется над шатром убившего и будет ему мстить, пока его не умилоствят жертвоприношениями. И в лес часть мяса убитых зверей бросают с молитвой Перкалу, на прокормление. А волки это все у них Перкаловы дети.

– А медвежатину они едят?

– Мясо они мало едят, больше рыбу, – сообщил Тостен. – Мясо больше Перкал с детьми своими поедают. Но медвежатину сырую едят после жертвоприношения, чтобы дух Перкала вселился в евшего и сделал его храбрым и неуязвимым на войне. По делам своим этот народ разбойник на разбойнике.

– И на большом пространстве живут эти народы?

– Сумь до полуночного моря, всегда покрытого льдом, где ночь по несколько месяцев кряду бывает, говорят иные мореходы. С юга у них Невский залив, или Суоман-Лахта, а с запада еще больший Северный залив, или по ихнему Кварка-Лахта. А за этим-то заливом уже другой чудский народ квены живут. У тех и оружие есть, и дома деревянные, они и торгуют, и предводителей имеют, которые перед нами себя царями именуют. Только это не цари, а смех один. А за емью латыши, ливы, куры, поруссы живут, до наших пределов – до Вислы реки. У них у всех один язык. Больше они обитают в трясилах и лесах большими деревнями. Все лихие наездники и храбрые воины. Оружие они у нас покупают, зато и часто с нами дерутся. Пчел разводят и мед пьют, из одного рода

имеют князя, а над всеми князьями стоит верховный жрец Криве. Что он прикажет, должно быть исполнено. Криве не умирает, говорят эти народы, а дух его переходит в другого избранного им человека. Тело же, старое или больное, уже ненужное, сжигается.

– Как сжигается? – удивился Во дан.

– Старый Криве, передав власть своему наследнику, ложится на костер, задыхается от дыма и сгорает. Иногда его тайком душат, но народ должен думать, что он сгорает живым и что пламенем душа его переходит в новое тело.

«Жестоко! – подумал Водан. – Мое черчение копьем менее бесчеловечно».

– А прочие старики как кончают жизнь? – спросил он Тостена.

– Их убивают дети, так же с молитвами и торжеством. Когда же случатся народное бедствие – голод, пожар, поражение на войне, тогда в деревне оставляют по жребию жен и дочерей, сколько надо для продолжения рода, а остальных приносят в жертву богам.

– Какие у них боги?

– Дубравы, вода, огонь, медведи, волки, зубры, олени и белый конь. Гром небесный они называют Перкунасом и приносят ему жертвы. Еще на юг от квенон есть поселения саксов. Они пришли тому назад лет двести пятьдесят на эти берега. Народ они доблестный и хорошие мореплаватели, вера их, как мне твои люди объясняют, та же, как и у готов.

– А скоро мы в открытое море выйдем? – осведомился царь.

– Скоро! – отвечал Тостен. – Мы море это Винетским называем, по городу Винете на Волине острове. А литовцы его Балтой называют.

«Ненавистное имя, – про себя подумал Водан. – Я должен завоевать и покорить все, что можно, из его берегов».

– Зовут они его так потому, что «балтос» значит по-литовски белый, а берег литовский весь из белого песка. А в северных заливах зимой еще и лед плавает, и берега обмерзают там сплошь часа на два пешего хода. У нас же льду не бывает, кроме рек, да и то более мелких. Зимы у нас довольно теплые. Для мореходства море наше наилучшее из созданных богами. Где гранитные скалы, там высокие берега; кроме того, есть множество заливов, где можно от ветра укрыться. А на горах и островах какие крепкие города строить можно! Города наши все окопаны, с глубокими рвами. На стенах есть камнеметы, которыми бросаем то камни, то бочки с горящей смолой, и они сжигают станы и корабли осаждающих. К нам боятся приступить даже самые отчаянные морские грабители.

– А море ваше бурное? – спросил Водан.

– Очень бурное! – сказал Тостен. – Осенью буря следует за бурей каждый день. Погода становится тогда пасмурная, а волнение разводится такое, от которого корабли по всем швам скрипят. В дальних морях, в великом Атлантике океа-

не, как его называют мореходы всех стран, волны крупные, а у нас волна хоть и мельче, да такая частая, что все молодые непривычные мореходы пластом лежат, больные. Если долго дует буря с моря, воду загоняет обратно в реки, и они разливаются. Некоторые из меньших Дубовых островов у твоего Алого Бора заливают весной и осенью совсем, а большие острова и берега проливов бывают под водой дня два, три, до высоты девяти локтей. Надо будет Пересвету оградиться высокими окопами и обложить их с нижней части камнем. Я это ему говорил. Часто еще на море пугают нас смерчи. Поднимается вода из моря и сольется с тучей водным столбом. Кто в него попадет, того корабль разобьет вдребезги и он погибнет. Перед сильным морским ветром тешит глаз и предостерегает заранее о буре северное сияние. Полнеба сияет и блестит серебром. Красиво, сердце разуется смотреть, а все же убавляешь парусов и, если берег близко, спешишь укрыться за островом или косой. Еще враги наши – туманы, весной и осенью. Иногда за три шага ничего не видно. Опасно наше морское дело, но славно оно. А прибыли дает столько, что в несколько лет, торгуя совершенно честно и никогда никого не обидев, богачом сделаться можно. И много богачей во всех наших городах. На серебре и золоте едят, в палатах убранных дорогими коврами обитают, на конях ездят, на которых глядел бы не нагледелся. Таково наше морское торговое дело.

ЧЕСТЬ ВЫШЕ СЛАВЫ

Вышли в открытое море. Скоро берега исчезли из вида. Перед глазами открывалась одна обширная серая водная равнина да небо, спускающееся краями прямо в воду. Ветер крепчал, и поднималось сильное волнение. Все женщины ходили бледные, не ели, жаловались на тошноту и головокружение. Скоро к ним присоединилось и много мужчин. Не прошло трех часов, как на каждом корабле больше половины людей лежало, и многие считали себя умирающими. Даже мудрый Зур-Иргак, всегда помощник всех страждущих, вытянулся на медвежьей шкуре и жевал какой-то горький корень, который он уже раздал многим больным. Но и ему, и всем прочим становилось только хуже. Он начал без устали ругаться на своем мало кому понятном языке.

Потом заговорил своим друзьям по-сарматски:

– В скольких боях и в каких опасностях бывал я. Берег меня Всевышний. Теперь я чувствую, смерть моя пришла! И только теперь понял я, почему финикияне приносят богам

своим человеческие жертвы. Море ожесточает сердца. Кто море узнает, тот и злого духа увядает.

– Это неверно, – заметил Ираклемон. – Греки говорят: «Кто в море бывал, тот искренно богам молился».

Греки и финикийцы люди, привычные к морю, по большей части вовсе не подвергались влиянию качки. То же было и с некоторыми сарматами из босфорских городов. За то все остальные долго продолжали представлять собой самое жалкое зрелище. На Водана, видимо, постоянные сотрясения и качка так же не действовали. Его мощное телосложение выдерживало испытание. Только он осушал кубок за кубком меду и ходил мрачный, избегая разговоров с кем бы то ни было.

В это время не раз менялся ветер, не раз налетали шквалы, производившие постоянно сильное смятение среди моряков. Опытность людей, избранных для управления кораблями, преодолевала все опасности. Особенно удивлял Тостен. Чем сильнее разыгрывалась буря, чем страшнее раскачивались суда, чем грознее ветер рвал паруса, – тем спокойнее казался этот всегда живой, словоохотливый и подвижный человек. Совершенно спокойно ставил он людей и громким твердым голосом отдавал приказания, но требовал, чтобы все исполнялось мгновенно, без задержки.

Буря стихла и сменилась ясной погодой, при умеренном ветре. Многие больные стали выздоравливать с поразительной быстротой. Наконец всех утешило несколько дней совер-

шенно хорошей, скорее летней, чем осенней погоды.

– Берег виден! – закричал стоящий впереди стражник.

– Никакого берега нет! – возгласил громко Тостен.

– Как нет? – удивился Водан и Ираклемон.

– Это водяные шутят! – отвечал Тостен. – Только стара шутка. Мы ее знаем и давно к ней привыкли. И берег-то я этот знаю. И в заливе этом раз на якоре стоял. А идем-то мы от него очень далеко.

– Может быть, Тостен и прав! – заметил Сцемебер. – У берегов Сицилии я видал такое же явление, только было еще любопытнее. Мало того, что видели мы Агригент там, где его никогда не было, а еще он нам весь кверху ногами показался, землей вверх, крышами вниз и гораздо выше моря в воздухе.

– А вот и теперь смотри! – сказал Тостен. – Корабль идет от берега, а взгляни вверх – еще там по воздуху другой такой же, парусами вниз, килем вверх плывет, и точь в точь как первый построен и вооружен. У нас так же часто дальние берега по воздуху поднимаются. Это все морской царь водяных посылает над мореходами шутить. Иной глуп и сядет на мель или на камень, иногда и совсем потонет.

Видение действительно скоро исчезло.

Погода продолжала стоять прекрасная. Встретили в море три лодки, нападавшие на другие две. Лодки были тяжелой постройки и неуклюже поворачивали. На них были люди, одетые в звериные шкуры, а некоторые в грубые пеньковые одежды. Они кидали друг в друга камня из пращей и

пускали стрелы. Водан послал Бераха и Лимнея разогнать их в разные стороны. Вид длинных, сталью заостренных, сильно оперенных и быстроходных стругов с прекрасной парусностью был достаточен, чтобы обратить в бегство всех сражающихся. Впрочем, одна из лодок подошла к вновь пришедшим, и одетый в волчью шкуру человек начал что-то объяснять. К нему присоединилось и еще две лодки, бывшие с ним, все пошли под охраной судов Водана. Два судна их противников ушли к востоку на всех парусах.

Тостен знал немного язык карелов, но наречие квенов настолько от него разнилось, что с обеих сторон понимали одно слово из десяти и то после многих переспросов. Один из квенов знал несколько слов саксонских, и готы их понимали, хотя произносили несколько иначе. Все пояснялось телодвижениями, звукоподражанием, указыванием предметов, находящихся под рукой; наконец, насыпали сырого песка на стол и начали на нем чертить палочками.

Выяснилось следующее: квены населяют целый огромный полуостров, гористый, богатый всякими произведениями природы, с лесами, изобилующими дичью, и реками, кишущими рыбой. На юге полуострова, сообщали квены, живут саксы, не так давно пришедшие. Квенов много племен и родов, и они все друг с другом воюют. Три лодки, идущие с преславным царем Воданом и взятые им под его покровительство, принадлежат доблестному предводителю Изэ Гюльфе. Он правитель мудрый и народ его любит. Но он

стар, а сыновей у него нет. Все были убиты в войнах. На него пошли пять предводителей соседних племен, жестокосердые и врагам страшные «изы». Осадили они племя Гюльфе, со всех сторон, разоряют да грабят его земли и топят его лодки. За помощь против грабителей Изэ Гюльфе окажет всякое содействие в своей стороне. Сам Гюльфе мудрый муж. Он любит принимать иноземцев и слушать их рассказы. У него есть сакс Гардеред, бежавший из своей земли, потому что убил там своего князя. Он купцов принимает и говорит с ними на их языках. Только саксов они не принимали долго, пока не умер сын того князя и не воцарился его племянник, который хотя убийства не простил, но родовой мести с тем ожесточением уже не преследует. А то Гардереду угрожало резание кровавого орла: ему должны были вырезать спину и выгнуть оттуда ребра в виде крыльев орла, собирающегося лететь.

Дрожь охватила всех слушающих или, вернее, смотрящих, так как квен пояснял мало кому понятный набор квенских, карельских и саксонских слов выразительным движением рук и примерным указанием над туловищем, то своим, то рядом с ним стоящего другого квена всех приемов резанья кровавого орла.

– До этого, кажется, и Мимир не додумывался, – прошептал Водан. – За встречу же с этими людьми хвала небесам великая! Идем к князю Гюльфе, – решил он.

Скоро открылся берег. По мере того как приближались

к нему, вид с моря становился все более и более великолепным. Высокие горы над морем были покрыты не только хвойным, как у суми, но и лиственным лесом, окрашенным осенью в самые разнообразные цвета. У берегов рассеянно было множество мелких островов и утесов с зеленеющими вершинами. Весь берег был изрезан узкими заливами. При некоторых жилище, такие открытые домики, как у веси и карелов. Из заливов не раз выезжали лодки, присоединявшиеся к трем лодкам, сопровождавшим отряд, и спрашивали бывших на них о том, что с ними случилось и каких это людей они ведут с собой. Другие же суда, явно догадывались, что идет неприятель, бежали поспешно или в открытое море, или в глубину заливов. Близ соединения пролива с озером показался остров, весь покрытый древними дубами, березами и другими лиственными деревьями. Приблизившись к нему, открыли, что здесь не один остров, а целых три, один большой и два маленьких, и что разделены они лишь узкими проходами. Кроме того, по проливу разбросано еще много малых островов. Далеко-далеко виднелись высокие горы, покрытые снегом, хотя осень только начиналась.

– Друзья Эрманрих и Пересвет, – сказал себе Водан, – увидим, кому небеса дали лучший удел. На этих островах так же, как на Волхове у Яромира да в Алом Боре, целый край запереть можно. Кто хозяин будет того озера, по которому сегодня пойдем, тот к себе незваных гостей уж наверное не пустит.

Подтверждение этого мнения получилось очень скоро. Хозяева пролива были Ваараллинен и Сивекайво. На озере же было их еще три – Гюльф, Линту и Сатасильмет. Сивекайво, при выходе асов из пролива в озеро, напал на них, но Водан разбил все его суда, послал на оба берега людей, которые перестреляли всех, сидевших там в засадах. Оставшиеся еще позади островов струги ловили пытавшихся бежать. Сивекайво сдался в плен Водану.

– Я тебя в подарок Изэ Гюльфу отвезу, – сказал предводитель асов.

– Хорошо! Вези! – отвечал квен, не дрогнув. – В цепи заковывать будешь?

– Я князей и вождей не заковываю, – сказал Водан, – если они этого особенно дурными делами не заслужили.

– Хорошо! – опять совершенно спокойно отвечал Сивекайво. – Меду дашь хоть рог?

– Хоть три!

– Отлично!

Поднесли пленнику наполненный рог. Он мгновенно, от рукоятки висевшего у правого бока ножа, снял серебряное украшение наподобие пуговицы, проглотил его и глотнул меду. Затем, бросив на половину еще наполненный рог, воскликнул:

– Еще меду, царь, не трудись подавать! Не надо! Гюльфу от меня кланяйся и пожелай ему поскорее околеть, Перкала прогневивши и Юмалу не молившись, – и упал мертвый.

– Народ плохо вооруженный, – сказал Водан, – мало сведущий в ратном деле и мореплавании. Но упрямый и смерти не боится. Редки дикари, подобные Зур-Иргаку, которые возвышенное учение воспринимают и отдают себя ему с той же беспредельной преданностью, с которой идут на бой с сильнейшим неприятелем, от которого ждут почти верную смерть. С квенами не Драгомиром, а Мимиром надо быть. Участи Прометея, приносящего свет небесный к диким пеласгам, я не желаю. Бальдр, воскресни и приходи судить вселенную, а пока ты покоишься сном, не дай чести любо-мудрого ученика вещего старца Драгомира и почитателя славного и столь мудрого отца нашего вещего Богучара затмевать солнце славы царя Водана. Да! У меня иногда, вместо Бальдра и Локи, волк Фенрир и Гела в сердце сидят! – воскликнул Водан. – Но честь и слава, честь и слава! Неужели они вечно будут идти в разрез одна с другой?

– Нет! – раздалось два голоса, вторящих один другому. – Честь выше славы. Если будешь всегда следовать велениям чести, то и слава придет. За славой гоняются многие, за честью лишь особо осененные. Слава ведет в долгие времена, честь ведет в вечность к престолу Единого.

Водан узнал голоса Богучара и Драгомира. Шатаясь, дошел он до своего ложа и зарыдал.

КНЯЗЬ ИЗЭ ГЮЛЬФЕ

Из пролива вышли в обширное озеро. Весьма извилистые берега его были изрезаны многочисленными узкими и глубокими заливами. Состояли они то из крутых скалистых берегов, покрытых лесом, то из отлогих полян, поросших высокой травой. В глубине одного из заливов на склоне горы были разбросаны низкие домики с высокими остроконечными крышами. Вокруг был вбит деревянный частокол и сделан довольно высокий земляной окоп. У входа в залив стояло несколько лодок, очевидно, неприятельских. Увидя приближение значительно превышающих их морских сил, они обратились в бегство и скрылись в одном из соседних заливов.

Жилище князя мало чем отличалось от хижин прочих квенов. Стены его были несколько выше. Кровля была устлана дерном, обросшим травой. Стояло рядом несколько срубов, соединенных крытыми ходами. Один из срубов не был разгорожен на отделения, а представлял более обширный по-

кой для пиров и приема просителей и гостей.

Князь Гюльфе был совершенно седой старик. Одежда его была из грубого сукна, но пояс украшен множеством медных пластинок. Он сидел на высоком кресле, выложенном медвежьей шкурой. По сторонам тянулись скамьи, так же обитые мехом. Рядом с креслом князя было поставлено другое, несколько ниже, для почетного гостя. По левую руку от Гюльфе стоял высокого роста седой старик, сакс Гардеред, с бритой бородой и длинными усами. По одежде он не отличался от квенов, среди которых давно обжился.

– Привет тебе, царь великий, – сказал Водану, через переводчика, Изэ Гюльфе. – Ты уже нас спас от одного врага. Злобный Сивекайво погиб. Ваараллинен и Линту расположились станом за заливом. Но они не посмели воспрепятствовать твоему входу в мой город. Сатасильмет и Леммин грабят моих людей в долине за горами. Не откажи мне в помощи. Вышли отряд против них и помоги нам разгромить осаждающих.

Водан объяснил Гюльфе, какими силами он располагает. Это было более чем достаточно, чтобы разогнать шайку всех четырех диких предводителей. Нападение на стан осаждающих он обещал сделать в ту же ночь. Суда, убежавшие при виде его кораблей, конечно, назад не вернуться и в залив не попадут. Завтра же будет выслано несколько кораблей для преследования скрывшихся в соседних заливах. Хорошо вооруженные люди Водана, между которыми были весьма хо-

рошо обученные ратному делу, очень скоро справились с квенами. Линту и Сатасильмет были убиты в сражениях, Вараллинен просил мира, а Леммин ушел в свои горы, потерпев большую убыль в людях. Не прошло месяца, как Гюльфе мог наслаждаться полным спокойствием среди своего племени. Город уже начал укрепляться новыми рвами и деревянными стенами с башнями, и кроме того, широкой и обширной засекой. Указания для всех этих работ давал Водан и люди его руководили всеми новыми сооружениями. Благодарности Изэ Гюльфе не было пределов. Заключение мира было отпраздновано целым рядом пиров.

– Говорят, царь, – сказал однажды Водану старый Изэ Гюльфе, – что ты мудрейший из людей.

– Мудр отец богов! – отвечал ему Водан. – Вещие девы мне многое открыли. Я пил из источника волшебной воды чародея Мимира и отдал ему в залог свой глаз. Голова Мимира по смерти его перешла ко мне и служит мне кубком. На дне его изумруд и, налив воды, я вижу все, что делается на этом свете. Боги дали мне гения-покровителя. Один ему имя. Он и вещие сестры, великие Норны⁴⁰, открывают мне судьбу людей и всего мира. Ты сам мудрый князь, и тебе я многое могу поведать. Садись и смотри на алмаз золотой повязки, покрывающей место глаза, оставленного у Мимира.

Гюльфе начал пристально смотреть на блестящий камень. Так же упорно вперил в него свой глаз Водан. Это продол-

⁴⁰ Богини судьбы у древних скандинавов.

жалось около четверти часа. Водан отвернулся от него, положил ему руку на голову, и сказал: «Проснись!»

Гюльфе упал перед ним на колени.

– Великие боги твои, царь Водан! – воскликнул он. – Скажи мне, сколько времени прошло после того, как они меня призывали?

– Этой тайны тебе не уразуметь, но ты видел то, чего другой не увидит в тысячи лет. Говори, хорошо ли ты помнишь все, что видел?

– Все запечатлелось в памяти моей! – воскликнул Изэ Гюльфе. – Отныне твои боги будут мои боги, а ты будешь моим сыном. Наследников у меня нет. Завоевывай страны, строй города, а все наследие отцов моих я передам тебе при смерти. А великим богам твоим построим храм и будем молить их о процветании страны и даровании нам побед.

– Удостоился ты зреть величайших богов, – сказал Водан. – За твое благочестие воздастся тебе. Помнишь ли, что они тебе говорили?

Солнце начинает чернеть, земля погружается в море,
Исчезают на небе сияющие звезды.

Дым клубится над огнем, разрушающим мир,
Исполинское пламя взвивается к самым небесам.

Я вижу: опять всплывает

Над морем земля, покрытая роскошной зеленью.

Там шумят водопады; в вышине носится орел

И со скал подстерегает рыбу.

Асы собрались на равнине Иде
И беседуют о могучем змее, обвивающем землю,
И вспоминают деяния старины
И древние руны могучего бога.
Асы вновь находят в траве
Чудесные золотые доски,
В начале времен принадлежавшие поколениям,
Вождю богов и его роду.
Жатва будет всходить без посева
Всякое зло исчезнет. Бальдр возвратится
И с Хёдом построит чертоги богов,
Обитель героев. Понимаешь ли ты или нет?
Дети двух братьев будут жить вместе
В обширном царстве воздуха. Понимаешь ли ты или нет?
Я вижу храмину светлого солнца,
Покрытую золотом посреди Гимли,
Там будут жить добрые народы
И наслаждаться вечным блаженством.
Является могучий в судилище богов,
Сильный, свыше всем управляющий.
Он изрек приговор, прекращает распри
И на веки устанавливает священные законы.

– Не так ли были их слова?

– Да! Да! Именно так говорили мне боги! – восторженно повторял Гюльфе. – Да! Да! Велики твои боги, и великий ты мудрец и чародей. Приступай к построению своего города когда хочешь. А храм чтобы был такой великолепный, какого

ни у одного народа нет.

Город начали строить через залив от селения Гюльфе. Строили всю осень. Прекратили работы на самые холодные зимние месяцы и с ранней весны начали строить вновь. Снег еще не везде стоял, когда город был вполне окончен. Квены дивились постройками пришельцев. Никогда они ничего подобного не видали. Дома были все высокие, с большими окнами. Каждая комната представляла отдельный сосновый сруб, но все были соединены внутренними ходами, и крыша над всеми была общая. В семейных домах девичья палата строилась несколько в стороне от прочих и была соединена с остальными покоем крытым ходом. Главным зданием во всех богатых домах была зала для пиров. У Водана в ней поместиться за столами, идущими вдоль стены, свыше трехсот человек. По обе стороны царского места возвышалось два столба, украшенные резьбой. Один был увенчан грозной бородатой головой Тора, бога войны, в оперенном шлеме, другой молодой длинноволосой улыбающейся головой светлого Бальдра, увенчанного цветами. Эти два изваяния изготовил грек Мелевсипп, и долго работал он над этими чудесами искусства, в которых сам себя превзошел.

Храм был построен на вершине горы, по склону которой расположились прямые, широкие, продольные и поперечные улицы. Он был весь каменный, с железной крышей, выкрашенной квадратами во все существующие яркие цвета. Малую, внутреннюю часть храма составлял молитвенный дом с

истуканом Тора, в доспехах, увешанным оружием и держащим в руке грозный молот свой, все дробящий, все сокрушающий. Вокруг этого помещения была обширная палата, в которой могли поместиться все жители строящегося города. В большие празднества предполагалось здесь не только поклоняться богам, но и пировать вокруг жертвенников. По склону горы, идущем в сторону обратную той, на которой строился город, была оставлена и расчищена священная роща. Среди нее был поставлен круглый белый камень для жертвоприношений. Обагрался он кровью соколов, белых коней, быков, козлов и баранов.

Первое жертвоприношение было совершено с великой торжественностью. Гюльфе всенародно преклонился перед Тором и собственноручно зарезал на жертвеннике в священной роще белого коня. Другого убил Водан. Присутствовали многие женщины из жен и дочерей асов и из квенов, но царицы Фригг среди них не было. Говорили, что она больна. В храм внесли и прибили к стенам медные золоченые таблички с изображенными рунами именами всех богов. Около них стали двенадцать избранных Воданом мужей. Из них десять были готы, один грек и один финикийнин. Зур-Иргак не только отказался вступить в число этих избранных, но не явился на празднество, сказавшись больным. Водан дал каждому по жезлу, испещренному рунами.

– Вы, благочестивые дроты, цари храма сего! – сказал им царь. – Вы охранители святыни, вы мои советники, вы бу-

дете писать по моим указаниям на деревянных досках законы, будете хранить их и истолковывать их согласно воле богов и откровениям, которые будете получать от них, всеблагих владык наших. Вместе с вами буду созывать народное вече и на вашу мудрость и повиновение воле богов надеюсь для просвещения темных людей. Богам угодно часто открывать свою волю, то одним владыкам и мудрецам, то всем людям. Вокруг храма построены поэтому не только ваши жилища, святые мудрые отцы мои, но еще и храмина большая для мудрых дев, обладающих даром предвидения, посещаемых вещими снами и беседующих с богами и духами стихий. Мудрая Вала станет во главе их и будет их начальницей и учительницей.

Девы окружили царя. Он дал им щит, на котором были изображены многочисленные руны, и такие же жезлы, как розданные дротам.

– Мудрая Вала! – сказал Водан старшей прорицательнице. – Ты еще молода годами, но много дали тебе в награду боги. Ты умеешь читать священные руны, а боги тебе в видениях многое открывают. Учи великой мудрости подруг своих и все вместе просвещайте людей, открывая им то, что боги позволяют открыть. Раздай каждой из них по жезлу с изображением священных рун, а щит повесь в нашей общей палате и читай на нем судьбу всех, кто к тебе будет обращаться.

– А ты, названный отец мой, блистательный князь Изэ Гюльфе, – обратился Водан к предводителю квеннов. – Велик

ты пред богами за то, что постиг их благодать и мудрое учение, данное от них людям. Я отныне твой сын, а мы все защитники твои. Да будет в этом храме твое место всегда первое, и да отдадут тебе народы наши хвалу, честь и поклонение, как верховному владыке. Город сей наимуем Сигтуна⁴¹. Спутники мои все помнят доблестного второго мужа моей матери Фредлава Сигге, бывшего мне за отца в молодые мои годы, храброго предводителя многих из вас, мужа честного и благочестивого. Да хранят его боги многие лета.

Народ восторженно приветствовал царя асов и князя квенон, поднял их на щиты и при громких криках понес в палаты Водана, где для почетных гостей было приготовлено пиршество. Всем же жителям города Сигтуна и селения квенон Гюльфе были так же запасены яства и питье на многочисленных столах, расположенных в поле, на опушке священной рощи.

⁴¹ Туна, по-русски тынь, по-немецки Zaun, по-английски town, острог, окопанное укрепление, ограда, город.

ЦАРИЦА ФРИГГ

От этих празднеств Водан вернулся в свои палаты торжествующий, но величайшее неудовольствие сменило его радость, когда его встретил один Авгил с несколькими приближенными.

– Царь! – объявил ему Авгил. – Царица не может к тебе выйти. У нее старые раны, полученные на войне, от северной, все еще холодной и ненастной весны разболелись. Она совершенно нездорова и просит тебя скорее кончить пиршество, на котором она присутствовать не в состоянии, и по окончании поспешить к ней.

– Сегодня такой великий день, – сказал Водан, – что и на смертном одре она могла бы себя приказать принести. Но да простит ее небо. Приду к ней тотчас по окончании столования.

Пир продолжался долго. Отсутствие жены испортило Водану все настроение. Он едва сдерживался, чтоб не показать присутствующим своего дурного расположения духа. Уже

наступила ночь, когда он отпустил гостей и прошел в покои царицы. Фригг еще не ложилась. Она сидела в глубоком кресле, полураздетая. Дважды раненная ее правая рука лежала на перевязи.

– Я тебя не встретила, – сказала она, – потому что больна. Удар ножа Балты и отравленная стрела Мимира дают себя чувствовать. Сегодня от раннего весеннего холода сильно страдаю. Пора было бы цветам цвести, а здесь еще морозы. Но ты мне скажи, что было там? Я порадуюсь с тобой.

– У потомков ты будешь богиней, а я буду богом! – провозгласил восторженный царь.

– Этому не верить я первым делом научу детей наших! – воскликнула Фригг.

– Ты против меня пойдешь?

– Против тебя и против всех мудрецов и волхвов твоих, которые тебя провозглашают творцом нового верования.

– Никогда я не думал, что дорогая моя Фригг, которой я жизнь отдал, за которую кровь проливал, не пойдет со мной рядом! – воскликнул удивленный Водан.

– И я этого не ждала, – сказала Фригг, обнимая его левой рукой. – Я не ждала, что ты, не только мудрый царь кочующего народа, не только богатырь, но еще ученик великого и вешего Драгомира, поучавшийся мудрости волхвов сарматских, персидских, иудейских, вавилонских и египетских, учредишь новое идолопоклонство, когда Эллада и Рим старым возмущаются и в богов прадедов своих более не верят.

– То Эллада и Рим, а то готы и квены! – возразил Водан. – Квены в меня и в тебя много веков еще верить будут. И из слияния квенос с готами может образоваться великий народ. И на нашем озере могут вырасти Афины!

– И в этих Афинах отдаленного будущего будут проклинать память выдававшего себя за бога.

– Странная ты женщина! – воскликнул муж. – Не радуется тебе моя слава, и для мрачной картины отдаленного будущего ты обращаешься даже к преданиям седой старины.

– Я женщина не странная, – сказала Фригг, – а любящая. Любила я тебя простым воином, любила вождем возвысивших тебя народов и буду тебя любить вечно, живая и мертвая, живого и мертвого. Конечно, сердце мое переполняется горечью, когда я представляю себе, как из тебя сделают пошмище, какое иные греки делают из своего Зевса. Я более тебя ревностно охраняю твою честь. Меня сказки о богах и витязях не увлекают, когда они явно лживы. От тебя слышала я высшее учение! – продолжала Фригг. – Ты ученик вешего Драгомира. Ты имел видения, и тебя посещали пророческие сны. Ты этим дикарям заведомо лжешь. Ты учредил совет лгунов, дротов, ты открыл училище лгуний и поставил во главе его обманщицу Валу, которая неспособна двух слов правды сказать.

– Ты меня к ней ревнуешь? – уязвленно спросил царь.

– Она молода и красива, знает все твои песни и изречения и слагает в стихах и свои! – отвечала спокойно, но не без

отголоска почувствованного оскорбления царица. – Но я не ревную. Я своего места жены никому не уступлю. Это правда. Но я так же знаю, что его никто у меня и отнять не может. Вещие девы только твое оружие, чтобы людей морочить. То же и дроты. Если ли между ними хоть один правдивый, добродетельный человек? Отчего нет среди них Зур-Иргака?

– Он даже на празднества не явился, отговариваясь болезнью, так же как и ты, – отвечал Водан.

– Почему? – горячо спросила Фригг. – Потому только, что мы двое тебя искренне любим и ценим твои высокие дарования. По той же дороге, по которой ты отныне пошел, какой ответ дашь ты будущим поколениям? Ведь ты царь и законодатель! Ты меня научил почитанию Всемирного Отца. Ты мне внушил смотреть на народных богов как на послушных вестников и исполнителей Его воли. Теперь же ты их возводишь на ту же высоту, на которую ставят своих богов греки и римляне.

– Все это может быть, но о делах надо судить по их плодам, а плоды мои – сила и слава и основание царства, которое может сделаться могущественным.

– Но сила и слава и могущество уменьшились ли бы, – спросила Фригг, – если бы ты оставался верным учению, которое тебе было преподано в юных твоих годах?

– Его народы Малой Азии, Греции и Рима не в силах понять! – отвечал Водан. – Где же просвещать им квенов.

– Я женщина, – сказала Фригг. – Я умею любить мужа,

ласкать детей, держать порядок в доме. Умею, когда надо, сесть и на коня и без страха сражаться с врагами. Но я часто вспоминаю твою беседу со старцами на горе близ Днепра, как ты мне ее передавал.

– Те люди совершенно не от мира сего! – сказал царь. – Они царства не создадут никогда.

– Но им ты впервые рассказал свою басню о Бальдре! Не тогда же ты ее измыслил? Мне хочется твою песню о Бальдре дополнить тем, что тайный голос мне говорит:

На юге слух идет о Бальдре ином;
Сын Девы, от Альфатера он прислан был
В сей мир для объяснения полных тайны рун
Его воинским кликом меж людей был мир,
Любовь была его светящимся мечом,
На шлеме же своем, серебряном носил
Он непорочность, будто голубицу.
Он Смиренно поучал и умер и простил.

– Не тому учила бы я, на месте вещательниц, – произнесла Фригг.

– Поэтому судьба людей и не должна быть в твоих руках!⁴² – с улыбкой сказал Водан. – Иначе все поселились бы в лесу Драгомира или на горе Днепровских старцев. Один Мимир

⁴² По верованиям скандинавов, Фригг знает судьбу всех людей, но ни установить, ни изменить ее не может. Поэтому с просительными молитвами к ней не обращались.

не пожелал бы тебе подчиниться и принялся бы разбойничать безнаказанно на суше и на море. Народы же от этого весьма не много выиграли. Молись же сама как веруешь, но нас, идущих к цели, не осуждай.

ПРОЩАНИЕ ДВУХ ВОЛХВОВ

Зур-Иргак несколько дней не показывался на глаза к царю. Наконец он явился. Объяснение с ним вышло гораздо более тяжелое, чем с Фригг.

– Царь, – сказал Зур-Иргак. – Я тебя оставляю. Ты меня отпусти, а со мной и людей, желающих разделить мою судьбу.

– Свой город основывать будете? – спросил царь.

– Деснобор со своими хотят идти на Высы или на Волин. Мы пойдем с ними, но может быть вернемся в родные степи по рекам Висле да Днепру.

– Значит, в союзе со мной не останетесь? – спросил царь.

– Не останемся! – отвечал Зур-Иргак. – Мы все не желаем присоединиться к отступничеству твоему от того, чему тебя учили люди мудрые и благочестивые, и не желаем преклоняться перед твоим истуканом готского Тора.

– Послушай, Зур-Иргак, – сказал Водан, обнимая волхва. – Ты человек мудрый, Я на тебя надеялся. Я хотел тебя

сделать первым после себя лицом в стране. Ты против меня возбуждаешь людей, ты даже восстановил царицу.

– Она женским сердцем многое понимает лучше, чем ты своим высоким умом, – отвечал Зур-Иргак. – Разговор я с ней имел и этого не скрываю. Так же люди, идущие со мной, от меня познали истину, хоть и не всю, но веруют, что идолопоклонство есть мерзость, а лжеучение твое нечестиво. За правду, царь, на меня не сердись.

– А Деснобор по-прежнему поклоняется золоченому мечу? – насмешливо спросил Водан.

– Мечу он не поклонялся, – отвечал Зур-Иргак, – а молится Тому, кто управляет и мечами, и руками, держащими эти мечи. Я молюсь, обращаясь к небу, к восходящему и заходящему солнцу, но ты знаешь, что ни солнцу, ни синему своду небесному я не молюсь. Ты уже завел истукана, жрецов, прорицательниц, словом все, чем тяготятся Греция и Рим. И это совершил не я, степной дикарь, а ты, мудрый Водан. На войне ты храбр, на суде справедлив. Бог тебе все дал. И что же? Ты учреждаешь идолопоклонство в своей стране. Сознайся сам, что это недостойно тебя, ученика вешего Драгомира. Давно я знаю твою мысль, что добро на земле умерло, а царит одно зло.

– Ты не прав! – воскликнул Водан. – Враги богов – великаны, злобный Локи и чудовища его дети. Мое идолопоклонство не возвеличивает ни злобы, как чудское, ни разврата, как греко-римское, – сказал царь.

– Ты сеешь все-таки ложные верования, – воскликнул Зур-Иргак. – Опомнись, царь. Как далеки твои измышления от того, чему нас учили.

– Нас учили сделаться мудрыми волхвами. Народ этому не научишь! – отвечал Водан.

– Ты, великий царь, теперь делай, что тебе подскажет твоя совесть, – сказал печально Зур-Иргак. – Я же пойду по велениям своей совести. Прощай, царь, мы с тобой больше в этой жизни не увидимся. Суди нас обоих Единый Всемогущий.

Водан отпустил его, не скрывая своего недовольствия.

Зур-Иргак со своими единомышленниками и Деснобор с сарматами, не желавшими поклоняться готскому Тору, сели на выпянский корабль, отправляющийся в Винету. Водан из своих царских палат видел их отбытие. Фригг была подле него.

– Вот еще люди тебя покидают за твое упрямство, – сказала она. – У царя Савромата уживаются люди всяких верований.

– И я никого не преследую! – заявил Водан. – Но в Сигтуне я желаю, чтобы воссияла звезда моей веры. Попросили бы они у меня, я бы им за городом отвел рощу, а если бы захотели, то могли бы и храм построить, хотя они предпочитают поклоняться небу под сводом небесным. Упрям не я, а Зур-Иргак. Он и мимо храма Тора, кажется, ходить не хотел.

Недовольный, царь ушел в свою спальню и лег, раздумывая о том, что краеугольный камень его здания, введение ве-

ры, обещавшей ему славу и силу над народами, отвергался именно людьми, которых он считал наиболее близкими к себе, и на которых надеялся, как на ближайших своих помощников.

Над ложем царя сели прилетевшие со двора оба ворона Драгомира. Давно не приходилось им летать в дальние страны. Светлое облако наполнило весь покой. Когда оно рассеялось, среди него стояли обнявшись, Богучар с Драгомиром. Вороны отлетели прочь от царя и сели на пол у ног того и другого призраков. Богучар заговорил первый:

– Я подсказал душе жены твоей слова о Бальдре с юга, который поучал и умер и простил. Он и воскрес, и торжествует, и завоюет скоро весь мир. О нем тебе говорили и Днепровские старцы. Она сердцем своим ищет истину, и ты не даешь ей возможности придти к ней. Ты сеешь ложь и взамен старой создаешь еще новую.

Драгомир продолжал:

– А Зур-Иргак, еще не вполне просвещенный всей истиной, добро сделал, восстав против твоих измышлений. Заслуга эта ему зачтется свыше. В своей жизни он еще многое увидит и узнает, но и после него род его много лет будет славен, хотя не все потомки его будут обладать его знанием и стремлением к истине.

Водан увидел большой город, окруженный каменными стенами, улицы его прямые, дома каменные, на площадях храмы на высоких стройных столбах, и изваяния на мрамор-

ных подножиях. На крышах многих храмов возвышались золоченые кресты. Город по постройке в общем все-таки напоминает и Танаис, и Пантикапею.

– Греческий город? – воскликнул Водан.

– Нет! Римский! Не так далеко от него и Рим.

Город окружает несметное число воинов. По одеждам и облику Водан узнает их. Вот сарматы в роговых доспехах, вот готы с сетками на головах, вот саксы в волчьих шкурах, вот и облеченные в кожи и меха степные дикари, безобразные, неуклюжие, но сражающиеся на своих конях, как будто приросли к ним. Среди них и Зур-Иргак, только он бороду сбрил и носит длинные усы. Он скидает свой крылатый шишак, голова его брита, кроме чуба, идущего вдоль всего черепа. На нем серебряные доспехи на груди, а рукава и часть ниже пояса из стальной кольчуги. Он надевает шлем и подъезжает к приземистому, сухожилому, но крепко сложенному мужу в золоченых доспехах, с медвежьим мехом на плечах.

– Зур-Иргак! – воскликнул Водан.

– Это не он, но потомок его! – слышит он ответ. – Не вопрошай о тайнах, тебе еще непонятных.

Город загорается. Римские войска разбиты и бегут. Падают под напором разноплеменных витязей город за городом. Рим уже близко. Вдали Водан уже видит его сквозь туманы с его семью холмами и многочисленными храмами, дворцами.

– Рим погибает! – восклицает он. – И меня при этом нет. Коня мне! Меч! Завоевать Рим не то, что подчинить себе

квенов! Да у вождя их мой меч, мой Гунгнир стальной⁴³. Я его вижу и узнаю! У него мое сокровище! Дикарь! Отдай мне его назад!

Но является старец в белом римском одеянии. На плечах у него золотом шитый узкий плащ. На голове золотая шапка, украшенная крестом из драгоценных камней. В руках у него крест, с изображением Распятого. Он его держит высоко над собой. Все останавливают коней и слушают речи старца. Человек с обликом Зур-Иргака и старый сарматский воевода и все вожди, по примеру их главного начальника, скрещивают руки на груди и преклоняют голову перед крестом, который держит в руке старец. Он благословляет их этим крестом и они поворачивают назад. Все войско их следует за ними. Жители осажденного города ликуют. По улицам идет множество народа с крестами и хоругвями. По радости их видно, что спасен их город и спасен Рим⁴⁴.

Голоса старцев раздались снова:

– Вождь и царь этого народа воитель страшный. Рим его боится. Народы его обожают. Но он сам не освободит от недостойного притеснения Рима все угнетенные племена, на их горе смерть поразит его раньше. Но по его стопам пойдут другие вожди, которые это великое дело совершат. Имя его Бич Божий, и вечно освобожденные от римского ига народы

⁴³ В данном случае автор не точен. Это имя, по «Младшей Эдде» и другим древнескандинавским источникам, принадлежало не мечу, а копью Одина.

⁴⁴ Св. Лев, папа Римский, и Атилла в Мантуе в 452 году.

будут чтить его память. Но Риму еще не время погибнуть, и Бич Божий перед Словом и Крестом Божиим отступает.

– И мой меч так же? Он никогда не отступал!

– И твой меч так же? На этот раз он отступает! Сила Креста выше силы твоего меча! Это и ныне понимает Зур-Иргак. Это сейчас перед тобой понял и отдаленный потомок его, советник великого и бесстрашного степного царя, самого Бича Божия. Поклонники сил природы к подножию креста придут раньше идолопоклонников. Теперь смотри еще! Город над рекой! Дома высокие и узкие каменные, крыши крутые, черепичные. Улицы узкие и кривые. Дома почти все в три, четыре и до пяти ярусов, с высокими, узкими окнами из разноцветного стекла. Царь в золотом венке, в пурпуровой одежде, обложенной белым горностаем, с нашитыми на нем черными хвостами, преклоняет колена перед крестом, поставленным на жертвенник в наибольшем из храмов. У него лицо похоже на Зур-Иргака, хотя он статен и довольно красив. Неужели из правнуков его будут цари? Он дает мудрые законы. Народ его перед ним преклоняется. Но вот он надевает доспехи, с ног до головы облекается в железо и садится на такого же, кругом закованного коня. Его окружают такие же стальные всадники. Они сражаются с разными народами и побеждают. И всюду их сопровождает так же облеченный в доспехи человек с крестом в руке и с изображением креста на груди и на шапке, утешающей раненых и благословляющий умирающих. И царь с ним часто беседовал как с дру-

ГОМ⁴⁵.

– Но это все будет по воскресении Бальдра! – воскликнул Водан.

– Он уже давно воскрес! – слышались голоса, и белый туман опять застлал опочивальню. Когда он рассеялся, Водан был один.

⁴⁵ Арпады царствовали в Венгрии с 890 по 1301 год и были гуннского происхождения. Гейза принял христианство в 973 году.

КВЕНЫ И ИОТЫ

Объяснение при расставании с Зурь-Иргаком было одно из последних неприятных для Водана. Князь Гюльфе скоро умер, и Водан был провозглашен его наследником. Власть его признали несколько соседних племен добровольно. Несколько других были без труда завоеваны. Страна начала покрываться хуторами и селениями, в которых, попеременно с квенами, обитали и пришельцы. Во все ссоры квенских предводителей между собой Водан всегда вмешивался, посылал отряды для занятия их земель и присоединял их к своим владениям. На озерах и в морских заливах строились корабли, и мореходы ходили к бодрицким и лютицким берегам, в Алы Бор и на Невоозеро. Храм Тора процветал. Видений Водану более не было, и он упорно преследовал свою задачу водворения нового верования. Фригг с некоторыми женщинами продолжала молиться всемирному Отцу у себя дома и не ходила в храм Тора. В нескольких приморских селениях были возведены торговые ряды, а в Сигтуне у приста-

ни был построен обширный гостиный двор. Торговля начала привлекать не только береговых, но и горных квенов из внутренних частей страны. Всех купцов царь принимал милостиво и помогал им во всем, чтобы они могли торговать с выгодой для себя и без опасения быть ограбленными при нападении морских разбойников. Слава царя Водана распространилась по всему побережью Винетского моря, а вместе с ней росло и благосостояние Сигтуны и приморских селений. Начали возникать хутора и селения даже в городах, и многие квены охотно переходили на оседлую жизнь, принимались за возделывание полей и разведение скота. Многие квены-рыбаки шли охотно служить на мореходные суда и даже поступали в морские дружины. Часты бывали и переселения саксов к готам и смешанные браки между ними. Зато многие сарматы, уходя морем в Винету, Любич, Щецину и иные города славянского языка, в них оставались и не возвращались в Сигтуну и приморские поселки.

Несмотря на недоверие Фригг к дротам, они все оказались людьми смышленными и точными исполнителями воли их властелина. Между прибрежными квенами оставалось весьма немного поклонников Юмала и Перкала, исполнявших свои обряды и жертвоприношения в лесах. В горах еще было много бродячих родов, не желавших подчиниться завоевателям и делающих на ближайшие мирные селения хищнические набеги, за которые они почти всегда платились разорением их становищ, а иногда и поголовным избиением. Для

укрощения этих грабителей пришлось на хребтах гор, проходящих вдоль всего полуострова, построить укрепленные городки и поселить своих ратников, под начальством надежных людей.

Распространяясь к северу страны, пришлось столкнуться с иотами. Это был народ крепкий, рослый и, в полном смысле слова, отчаянный. Они жили в землянках, в лесах и промышляли набегами на квенские поселения. Подобно прочим чудским племенам, иоты были разбросаны на громадном протяжении земли малочисленными родами и каждый род управлялся совершенно независимо своими старшинами. Все эти старшины были люди весьма сведущие в колдовстве, предсказаниях и во всех тайных науках. У каждого было много помощников, из числа которых только и мог быть выбран ему преемник. Они исцеляли и возбуждали болезни, гасили и разжигали любовь, в случае покражи открывали вора. Это достигалось заклинательными песнями, приворотными зельями, волшебными мазями. Мази эти составом своим напоминали употребляемые ведьмаками и ведьмами Лысой горы и содержали столь же ядовитые, одуряющие вещества. Особенную силу приписывали иоты костям мертвецов. Волшебники носили обыкновенно в мешках, где держали разные таинственные орудия, несколько таких костей. Они так же любили производить свои чары на кладбищах, в глухую полночь. Обыкновенно весь род советовался во всех трудных случаях жизни со своим старшиной и его

помощниками. Но были такие знаменитые вещатели, к которым обращались за советом и помощью люди самых отдаленных родов. Нередко для свидания с ними совершались далекие и трудные путешествия. Выше всех по искусству в чарах считались волшебники дальней Похиолы, от озер Энаре и Имандры, и с самых берегов Ледовитого Полуночного моря-океана, где солнце летом в полночь над морем носится, а зимой не восходит из воды. Эти вещуны, всегда одетые в меха, расшитые пестрыми тесемками и усыпанные бубенчиками, с черным жезлом в одной руке и звонкими бубнами в другой, творили дела поистине чудесные, и народ отдавал им почти божеские почести. Говорили, что колдуны Похиолы не только могут летать по воздуху и видеть, что делается на всех концах света, но еще по желанию выходят из своих тел дают их зарыть в землю на целые годы, бродят по земле тенями, а потом опять возвращаются в тело и оживляют его.

Иоты явились злейшими противниками не только завоевательным намерениям Водана, но и его усердию к распространению нового вероучения. На войска пришельцев и союзных с ними квенов делались жестокие нападения из засад, производились набеги на северные квенские селения, которые разрушались до основания; нередко и в мирное время похищались дети из домов и с поля, и судьба их оставалась неизвестной; убивали ли их иоты, или же воспитывали в своих семьях, согласно со своими верованиями.

Чтобы противодействовать иотским волхвам, Водан на-

чал каждое лето посылать при войске своем двух проповедников, по очереди, из своих дровов и одну из дев прорицательниц. В мирных селениях они учили согласно наставлениям царя. Иоты стали так же посылать своих учителей. Часто квенские деревни делались местом оживленных споров. Народ разделялся между двумя проповедниками, которые оба были сопровождаемы довольно многочисленной дружиной. Спор переходил в драку, а затем и в вооруженную свалку, оставлявшую на земле убитых и раненых. Все верования иотов были проникнуты страхом Перкала, и все колдуны их были его усердными поклонниками. Молились Иоты и Юмалу, но жрецы его не пользовались таким почетом, как вещины Злого Духа, и не вмешивались в управление страной. Они благословляли свадьбы и рождения детей, и на пирах пели для услаждения присутствующих, под звуки лежащей небольшой арфы, или, как они ее называли, кантелы:

Старый, славный Вейнемейнен
Восхитительно играет,
Звуки дивные выводит.
Точно так, когда играл он
У себя, в сосновом доме.
Откликался кров высокий,
Окна в радости дрожали,
Пол звенел, мощный костью,
Пели своды золотые.
Проходил ли он меж сосен,

Шел ли меж высоких елей,
Сосны низко преклонялись,
Ели гнулись приветно,
Шишки падали на землю,
Вкруг корней ложились иглы.
Углублялся ли он в рощи,
Рощи радовались громко;
По лугам ли проходил он,
У цветов вскрывались чаши,
Долу стебли поникали.

И мрачные иоты, при звуках кантелы и упоительных песен жреца Юмала, становились приветливыми и жизнерадостными. Некоторые из них, недовольные своими старшинами-кудесниками, переходили на сторону учеников Водана и переселялись в более южные квенские селения. Их движение вызвало переселение нескольких родов из Похиолы, под предводительством вождей, известных смелостью и чародейским могуществом. Вафтруднис и Левезулькуу были имена этих вождей-чародеев.

Эти чародеи и притом более смелые, чем квенские вожди, делали набеги не только на селения, но и на укрепленные городки. В одном из них, застигнутом врасплох, были захвачены в плен дроты Ульфил и Стурлерих и прорицательницы Вала. Вафтруднис велел их привести к себе, при всем народе допросил об их верованиях и изложил свои. «Ты не выйдешь отсюда, если ты не учнее меня!» – говорил он каждому из

них. И задавал им вопросы относительно всех их богов. Вала ему отвечала:

Отец ратей выбрал для меня колец и цепочек,
Дал мне вещие слова и пророческие песни,
И я озидала все миры.
Я видела сокровенную судьбу Бальдра,
Я видела, как лежал в роще горячих ключей
Гигантский труп злого Локи.
Мудрая много знает. Я вижу вдали
Сумерки владык, последнюю битву;
Братья будут сражаться, станут убивать друг друга,
Родственники разорвут кровные связи,
Мир полон зла и великого распутства,
Век секир, век мечей, век щитов, сокрушенных,
Век бурь, век волков пред падением мира,
Никто не хочет пощадить другого.

– Ты так много видела, – сказал Вафтруднис Вале, – что можешь больше ничего никогда не видеть. Выколоть ей глаза каленым железом.

– Глаза души моей будут продолжать видеть судьбу людей! – воскликнула прорицательница.

– Чтобы она пустых слов не болтала, – сказал вождь иотов, – вырезать ей и язык. Так же поступить и с обоими жрецами.

Жестокая казнь была тотчас совершена над всеми тремя. Изувеченные они были отправлены под стражей иотов в го-

родок. Лишенные возможности служить далее в храме Тора и оскорбленные надругательством иотского вождя, Вала, Ульфил и Стурлерих, тотчас по прибытии к своим в дом городского старшины закололись копьями.

Водан приказал устроить им торжественное погребение, а против Вафтрудниса послал более сильную рать и приказал его захватить живого в плен.

Вафтруднис был всенародно обезглавлен на площади перед храмом Тора в Сигтуне, голова же его выставлена на воротах городка, в котором умерли Вала, Ульфил и Стурлерих. Левезулькуу был так же вскоре схвачен и так же казнен после спора, в котором Водан потребовал от него всенародного проявления чародейской своей силы. Проповедь веры Водана продолжала распространяться по квенской земле, не только по побережью, по и внутри страны, а так же среди саксов, которым, как и готам, по душе пришлись воинственные сказания о доблестных подвигах богов-героев, в обещание, для храбрых, радостей.

МОРСКИЕ ДРУЖИННИКИ

Постоянные войны в горах страны закаляли людей Водана, как пришедших с ним, так и из присоединившихся к нему туземцев. По берегам было гораздо спокойнее. Береговые квены, легко освоившиеся с владычеством завоевателей, редко пускались в морские приключения. Между иотами так же встречались морские разбойники, но, в несколько лет, они были почти уничтожены. Суомы на плохих судах избегали уходить далеко от берега и редко появлялись у западных стран Винетского моря. Поэтому торговля в Сигтуне и прочих городах, основанных асами, процветала, и иноземные купцы приходили охотно. Между ними продолжали преобладать посетители из славянских городов Южного Поморья и из Озерной Страны. Многие же образовали самостоятельные дружины и ходили воевать с порусью, курами, ливами, леттами и емью, так же как Водан сражался с горными квенами и иотами. В Сигтуне оставалось лишь очень мало сарматских семейств и они принадлежали к более неимущим

и невежественным людям. Другие же, прославившиеся в боях и посвященные хоть в некоторые из тайн мудрости волхвов, не ладили с дротами и не доверяли девам-прорицательницам. Зато заслушивались они вещей учителей в Винете, на Выспах, на Ругине, в Острограде. Переселилось несколько волхвов и в Алы́й Бор. Водан не раз выражал недовольствие мореходам, приходившим из городов, где оказывалось много переселенцев из его бывших соратников. Потому увидя, что славянские города относятся к его поселению среди квенон не только невраждебно, а сочувственно и вполне дружелюбно и, при случае, всегда ему готовы помочь в защите берегов от морского разбоя, кончил тем, что к переселениям начал относиться с полной терпимостью. Понимание людей и умение пользоваться их настроением, всегда его отличавшее, подсказывало ему, что лучше иметь отдаленных доброжелателей за морем, чем противников и смутьянов у самого своего очага.

К самостоятельным городкам, основываемым дружинниками исключительно из преданных ему людей, Водан относился лучше. Им он посылал своих строителей как домов, так и кораблей, и снабжал их оружием и золотом. Он требовал только готовности их на помощь при всяком важном морском предприятии. Если случалось что-нибудь, требующее немедленной помощи, действовали все совместно. Если своих сил не хватало, обращались за помощью к союзникам. Люди были всегда удалые, всегда готовые подраться и попи-

ровать на приобретенную добычу.

Воюя с противниками, заранее неизвестными и в знании дела и в вооружении, дружинники должны были не уступать никому. Знакомство со стихиями они приобретали в постоянных походах. Оружия было привезено много прекрасного при переселении с юга. Такого оружия ни один из народов Севера не знал. По его образцу стали изготавливать его и все городки и селения морских дружинников. Корабли легкой постройки, стойкие в страшнейшие бури и быстроходные, как чайки морские; острые, крепкие мечи и копья, легкие кольчуги, удобные во всякую погоду доспехи, прочные щиты – все это давало морским удалцам преимущество над противниками.

Водан часто посещал молодцов, приходивших в пролив у Сигтуны, и очень заботился, чтобы они дружили с его людьми. И в боях, и в пирах люди разных языков были равны по силе и бодрости. Все одинаково повторяли, каждый на своем языке, излюбленные слова царя законодателя страны квенов:

Есть отвага в груди, ко врагу подойди
И не будет короток булат.
Как взиграет гроза, подыми паруса,
Под грозой душе веселей.
Пусть гремит, пусть ревет, трус, кто парус совет.
Чем быть трусом, погибни скорей.

– Велико наше море, – говорили между собой часто отважные мореходы. – По берегам же его проживает много народов. Но это море наше. Его мы никому не уступим. Города внутри страны могут браниться и мириться, но торговать, покупать, продавать и жить в общении с иноземцами будет лишь тот, что нам сумеет угодить. Мы варящем всех купцов со всего света, и, по чести, наше море, открывающее великий водный путь через весь мир от севера к югу, должно было бы быть именуемо Варяжским. На море мы все братья, на каком бы кто языке не говорил. От наших сил зависит благосостояние всех берегов и внутренних стран. Поэтому море наше принадлежит нам, а не какому-нибудь одному городу, даже самому прославленному.

Все дружинники-варяги, какого бы то ни было языка, всегда держались правила: защищать купцов, впрочем, чаще всего приходилось иноземных. Большинство же купцов были окружены ратными людьми, взятыми из тех же дружин и прекрасно вооруженными. Так поставили свои корабли, по примеру славянских купцов, скоро и многие готы и саксы из Сигтуны.

Северный берег пролива, соединяющего Сигтунское озеро с морем, начинал местами заселяться. На островах и на берегу были построены укрепленные городки. Во многих из них жили дружинники со своими семьями, но в ближайших к морю, защищающих проходы, ведущие к береговым пристаням, проживали одни холостые удалыцы и готовящиеся к

отправлению в море семейные, на время разлучающиеся с женами и детьми. В эти городки ни одна женщина не смела входить под страхом смертной казни. Там пели и постоянно помнили слова царя Водана:

Чти на суше мир дев. На судах нет им мест,
Будь то Фрейя, беги от красы.
Ямки розовых щек всех обманчивей рвов,
И как сети шелковы власы.

Получаемую при дележе добычи в морских походах часть большинство отвозили на берег к родным, а сами жили общинами, ели из общего котла и пили из рога, ходящего по столу в круговую. Дела решались общим совещанием, но кто не подчинялся решению всех, изгонялся из дружины с позором, а, в случае упорного сопротивления, бросался в воду, связанный по рукам и ногам с огромным камнем на шее. Все эти общины назывались Родслаг⁴⁶, и каждая именовалась, кроме того, в честь своего вождя основателя. Были Родслаг Авгила, Родслаг Улериха, Родслаг Вольфимера и прочие. Береговые же селения, где проживали их семьи, были построены по большей части при соленых промыслах, и старики, женщины, подростки, а так же воины, почему-либо не ушедшие в море, а оставшиеся зимовать, проводили время

⁴⁶ Roden – грести, Lagh – урочище, Rodslagh. Очевидно, при всем добром желании нет возможности произвести из этого слова что-нибудь похожее на Русь, как сделал ученый Шлецер.

в добывании и выварке соли. Продажа ее всем им доставляла средства к весьма безбедному существованию. В этом они следовали примеру славянских дружинников, которые так же, в свободное от походов время, промышляли солеварением. Этим же делом круглый год занимались их семьи.

Кроме Родслагов, было еще много городков по побережью и немало дружных пристаней. Город Эрманриха и Алый Бор были для царя Водана надежными союзниками, на которых он жаловаться не мог. Отважные люди нашлись и среди южного берега суомов. Они основали городок, в котором водворилась дружина Гельсинга, молодого и удалого гота, на преданность которого Водан вполне рассчитывал. Неподалеку от него жили и алоборские дружинники, в малом окопанном городище. Соседство населенных мест учащало сношения и укрепляло союз.

– Если установится единение среди славянских городов, – говорил Водан, – да если вся квенская страна признает мою власть, – мы будем в союзе силой, перед которой ничто не устоит. Рим повелевает народом, мы можем повелевать над морями, а моря суть пояс земли. Даже у греков Посейдон – родной брат Зевса и один из старших богов мироздания.

– Я тебе, царь, спою одну нашу народную песню, – сказал Водану квенский вождь Ваараллинен, отважный мореход, обратившийся в одного из преданнейших морских дружинников Водана. Из нее увидишь, чего мы достигнем, если потомки будут следовать нашим заветам.

И взяв кантелу, он запел грубым, несколько сиплым, истинно морским, но звучным голосом:

В люльке дитячко качалось,
Только кудри развевались,
День качалось, два качалось,
А когда настал день третий,
Как брыкнул ребенок ножкой,
Как брыкнул да потянулся,
Так с себя сорвал свивальник,
Выползал на одеяло,
Липову сломал качалку,
Все тряпье порастрепал он.
Видно, молодец он будет,
Знать, что быть ему удалым!
Стали молодцы тут думать,
Да и бабы все гадают:
Уж куда девать ребенка,
Как его бы погубить им?
Вот кладут его в кадешку,
Всунули ребенка в бочку,
Бочку скатывают в воду,
В море, в волны опускают.
Посмотреть потом приходят,
Через две ли, три ли ночи,
Утонул ли мальчик в море
И погиб ли он в кадешке?
Нет, не утонул в воде он,
Не погибнул мальчик в кадке!

Мальчик выбрался из кадки,
На хребте волны сидит он,
Медну удочку он держит
С шелковой лесой,
Удит он морскую рыбу
И морскую воду мерит.
Есть воды немножко в море,
На два ковшика там будет,
А коли еще померить,
Хватит чуточку на третий.

– Нравится ли, царь, тебе песня моя?

– Нравится, – сказал Водан. – Как такой песне не нравиться? Но друг мой, Ваараллинен, я, слушая тебя, думаю крепкую задумал. Кто будет богатырь, сидящий на хребте волны и мерящий море ковшами? Благодарение богам, расцвело мое царство, и надеюсь детям моим оставить державу могущественную. Велики и города славянские, и все доньше друзья мои. Как бы друг с другом они ни ссорились, нас они почитают и ищут нашего союза. Иоты избегают столкновения с нами. Суомы южных племен поняли, что не во вред им, а для защиты и помощи поселился среди них Гельсинг и его люди. О настоящем и близком будущем я не тревожусь. Но не может ли придти день, подобный тому, о котором ты пел? Каков должен быть богатырь, который не испугается, когда все пойдут против него? Такой богатырь может быть лишь тот, кто объединит много стран и народов.

– Не было ли, царь, недавно то же самое в нашем народе? – спросил Ваараллинен. – Не ты ли, царь, объединил многие племена? Живших в землянках ты научил строить дома, голодавшим после неудачной охоты ты показал, как возделывают поля и собирают жатву, мореходов обучил кораблестроению, завел везде искусства и ремесла. Раз к тебе присоединившиеся не пожелают никогда вернуться к прежней дикости.

– Но иоты предпочли удалиться и остаться под властью своих чародеев, голодая и холодая в курных хижинах и питаясь гнилой рыбой.

– И к ним, и к суомам, и к карелам могут прийти такие же мудрые владыки – учителя, как ты, и их нравы изменятся.

– И среди них восстанет богатырь?

– Я полагаю, царь, – сказал Ваараллинен, – что богатырь уже восстал, но это не город и не царство. Это союз наших морских дружинников, готов, славян, квенов, вместе взятых. Он еще в колыбели и растет, но свивальник уже сорван, скоро выползет он на одеяло, сломает качалку и все тряпье порастреплет. Тогда ему не долго будет и на хребет волн сесть и морями от берега до берега повелевать.

– Но знаешь, друг, – сказал Водан, – у нас говорится:

Чти власть! Разумно править одному дано;

Очей у ночи много, у дня одно.

Высокий перед высшим пусть смирится,

К чему без рукоятки клинок годится?

– На нашем полуострове ты клинок! – отвечал квен. – Твоему примеру последуют Винета, Свантоград, Алый Бор и другие города. Единение устранил зависть городов, а союз всех дружинников разных народов скрепит все, как известь скрепляет камни здания. Да если мы будем сильны на море – и завидовать-то некому будет.

– Видно суждено этому морю назваться Варяжским, – сказал царь. – Слово это на всех языках понятно. Славянские и иные озерные солевары зовут себя варягами, потому что зимой живут у варниц, а летом варяют на море всех иноземных мореходов. Об этом названии никто и спорить не станет.

ВЕЛИКИЙ СЪЕЗД В ВИНЕТЕ

Краса Винетского моря – славный город Винета на Волине острове. Высоки и крепки белокаменные зубчатые стены с величественными толстыми башнями. Залив весь наполнен кораблями всех племен, и на пристанях ни днем, ни ночью не прекращается движение народа, погрузка и разгрузка судов да отвозка товаров в склады и гостиные двory. Прочная и изящная постройка больших каменных домов вдоль широких, прямых улиц, великолепие храмов и гостиных дворов придает городу великую красоту.

Перед храмом Сварога в одно утро, пятнадцать лет спустя по выходе асов из Танаиса, вышли на переднее крыльцо шесть жрецов в белых одеяниях с синими, золотом шитыми плащами. Стали по три по обеим сторонам медного золоченого листа, утвержденного между двумя столбами с правой стороны от дверей храма. Все вместе ударили три раза по листу тяжелыми золочеными молотами. При дворе великого воеводы послышались три таких же удара, по такому же

медному листу. Жрецы у храма, воины у дома воеводы начали бить учащенно и гул ударяемой меди разнесся по всему городу. Народ стал сбегаться на площадь перед храмом. Скоро на ней сделалось так людно, что не то что конный, а даже пеший с трудом мог пробраться через толпу.

– Дай дорогу! – раздались возгласы городских стражников. – Едут!

Толпа стала расступаться. На гнедом коне, крытом богатой попоной с золотой сбруей, осыпанной алмазами, и гривой, унизанной жемчугом, появился седой, но рослый и бодрый старик с длинной белой бородой – пан великий воевода Винеты, мудрый Поток Велеславич. За ним, на конях же, двигались прочие городские выборные люди и многочисленные иногородние гости, все в богатых одеждах, блестящих золотом и камнями самоцветными. Особенно возбуждало всеобщее любопытство то, что гости эти едут вместе с великим воеводой, на вече и хотят говорить с народом, с великим городом Винетой. Великий воевода, городские выборные и иноземцы взошли по ступеням храма и расположились на скамьях, расставленных по обеим сторонам храмовых дверей, на высоком крыльце позади столбов, поддерживающих крышу. Воевода Поток начал речь:

– Панибратики, граждане винетские! Собрались в городе нашем люди, посланные от многих городов приморских. Предполагают нам союз и взаимную защиту от всяких хищников, на вред добрым людям, пенящих воды морские. Лю-

бо ли вам будет выслушивать их предложения?

– Любо, любо! Послушаем! – раздались со всех сторон голоса.

– Так и прошу первым сказать свое слово почтенному Буревиду, присланному от младшего, по времени строения, из городов славянского языка, от Алого Бора, что на Невском проливе.

Вышел вперед Буревид, такой же крепкий, добрый и удалой, каким он был в день выхода из Танаиса.

– Да хранят великий Сварог и все Свароговичи, боги могучие, славный город Винету и вас всех, людей волинских и узодомских. Я, Буревид, посланец от братьев моих алоборцев, от посадника нашего Пересвета и от тысячника Родислава, вам всем людям вольным винетским и тебе, великий воевода. Поток Велеславич, земно кланяюсь. Как говорил верно и правильно великий воевода, город наш из всех городов нашего языка наименее давно построенный. Есть у нас выселившиеся из разных соседних городов с рек и озер, но многие из нас пришли с юга, с Дона реки, прошли великим водным путем по Днепру, Ловати, Волхову и Невоозеру. Мы видели множество народов, живущих по всем этим рекам и говорящих все на одном славянском языке. Все народы боголюбивые, честные и храбрые. Поняли мы, какую силу взяли бы эти народы, если бы жили в единении, под одной крепкой властью, а не враждовали друг с другом. Видели мы еще другое. Нас шло много тысяч воинов с женами и детьми, и

где находили мы помощи и содействие, а где встречали и сопротивление, но победоносно преодолевали его, потому что шли мы в дружном единении. Вожди наши поддерживали один другого, а во главе всех стоял избранный богатырь и мудрец вещий Водан, ныне царь готов, саксов и квенон. Его уму подчинялись мы не страха ради, а видя его силу боевую и мудрость на советах. Он устроился на западном берегу Винетского моря, мы утвердились на восточном, вы истари занимаете южный. Друг другу не мешаем. Но то, что мы пришли в эти края без непреодолимых препятствий, не указывает ли, что когда-нибудь могут иные иноплеменники тоже придти в большем числе, и нам помешать в делах наших, если мы не будем готовы к дружному отпору. Но если мы будем не сильны для противодействия нашествия иноплеменных, если, вместо союза, мы будем жить во вражде, то могут придти те или другие иноземцы и, покорив нас, подчинить своим порядкам. Поэтому добро было бы нам обсудить условия союза между всеми приморскими городами, а так же оказать постоянную поддержку тем вольным морским дружинникам, которые сами уже находятся в прочном союзе между собой, а для городов всегда бывают самые надежные помощники.

– Разбойники они! Каждому из них прилично только, по воздуху ногами дрыгая, в петле болтаться! – раздались голоса в толпе.

– Врешь! Дружинники никогда не грабят тех, кто с ними

по чести поступает!

– Удалые воины они! Их надо всегда при себе держать! – слышалось в толпе.

– Панибратики! – громко произнес Поток. – Галдеть будете, никто не уразумеет, что кому из вас нужно. Хочет еще говорить так же посланный от нового города, что на Волхове.

Выступил молодой Дулеб, посланец Яромира посадника и людей волховских.

– Прибавить к сказанному почтенным Буревидом многого не могу. И Алый Бор, и наш город сидят так крепко, что нас не выгонишь, а пропустим мы водой лишь того, кого захотим. Да и народ у нас приучен слушать своих выборных и степенных. Но не то в больших городах, где род на род, улица на улицу, конец на конец постоянно с ножами друг на друга идти готовы. Союз да обсуждение споров на съездах людей от всех городов спасли бы города наши от многих бед. Что касается дружинников, то мы всегда ими пользуемся и сами им помогаем. И всегда в том благо находили.

– Известно дело, ворон ворону глаза не выклюет! – крикнул кто-то.

– Панибратики, – сказал воевода Поток. – Свое умное слово скажешь после, а теперь мы пока послушаем посланного царя Водана.

Вышел вперед посланник царя Водана, гот Авгил. Как человек белокурый, он еще менее постарел, чем сверстник его Буревид. Никак нельзя было сказать, что ему перевалило за

пятьдесят.

Он расправил белокурые усы и короткую бороду и заговорил на сармато-славянском языке:

– Царь Водан, повелитель готов, саксов и квендов, народу волинскому и узодомскому и городу Винете поклон и привет шлет, и великому воеводе благородному Потоку Велеслави-чу братские свои объятия, равно как и всем избранным людям города сего и этой страны. Поклон приношу вам всем и от народного тинга города Сигтуны и от всей страны нашей. Желания великодушного и мудрого царя нашего высказали от себя и своих людей благодарные Буревид алоборский и Дулеб волховской так хорошо, что прибавить ничего к их словам не могу. Новые и малые города все за нас. Старые и великие или колеблются, или явно не хотят присоединиться к нам. Им не люб союз с соседями, потому что они сами против каждого камень за пазухой держат. Им не любы дружинники потому, что на кораблях своих они представляют силу благоустроенную. Недаром наш царь Водан зовет вождей морских дружинников морским царям⁴⁷, и принимает их как равных себе. Сам он дел не вершит без совещания с дротами, храмовыми жрецами, и с народным вечем, тингом, но силу дружинников, при крепкой власти их вождей, он понимает и ценит. Мы с ними давно находимся в тесном союзе, так же как со многими озерными городами, и до сих пор извлекли себе из того одно лишь благо. Не благодаря ли нашему союзу

⁴⁷ Sjokonung или Viking.

уменьшились разбои у берегов квенов, иотов, суомов, эстов, ливов, куров и поруссов. Не вследствие ли его среди стран этих дикарей появились благоустроенные города, вокруг которых и самим этим иноплеменникам лучше живется? Не чернить нам союз надо, а расширить и распространить на все приморские города.

Общее голосование было в пользу союза. Не пожелало к нему присоединиться только несколько городов. Винета вошла в союз единодушным постановлением всех граждан. Дружинникам предоставлено право занимать земли и строить городки во всех странах, не принадлежащих городам союза, в этих городах торговать, не платя ни простойных у пристани, ни входных при ввозе. При одном условии, чтобы они были готовы всегда явиться на помощь по первому требованию каждого из городов союза. Съезды представителей союзных городов и дружин предположено созывать раз в год, летом, по очереди в каждом из союзных городов.

Приступили к чтению договора. Вдруг раздался громкий возглас старческого, но твердого голоса:

– Не позволим!

– Кто сказал: «Не позволим»? – спросил Поток. – Ты, Лип Будеевич?

– Я! – отозвался высокий седой старик в кафтане финикийской шерстяной ткани, с затканными серебряными травками и цветами и в алом, золотом шитом, плаще. Плащ и алая же шапка, украшенная огромной алмазной звездой, бы-

ли обложены дорогим соболиным мехом. Золотое ожерелье на шее и кольца на пальцах обеих рук сияли камнями поразительной красоты и ценности.

– Так изволь взойти на крыльцо храма к нам и сообщи народу, почему не позволишь. Право это есть за тобой! – возразил спокойно великий воевода. – Постановление веча уничтожается одним непозволением всякого гражданина. Таков исстари наш закон. Но если твое непозволение нашим панибратикам не по сердцу придется, да они тебя в залив нырнуть заставят, да если от этого кунанья тебе не поздоровится, ты уже не менее богам праведным не жалуйся. Не я буду виновник твоих бед.

– Ну! Добре! Скажу! – объявил Лип Будеевич, поднимаясь тяжелой поступью по ступеням храма. – Союз дело доброе, но за что давать дружинникам льготы по торговле. Важнее же всего то, что все мы заслушались озерных горожан, сидящих на пути, который они называют великим водным. Янтарная Двина или Невская вода с Волховом да Ловатью и волок до Днепра. Разве этот путь нам уж так нужен? Разве он один на свете? По-вашему морская торговля будто все и дружинники излюбленные сыны богов и людей. По моему надо помнить, что есть и другие водные пути. Лаба с Влтавой⁴⁸, Одра да Морава. По обоим путям прямо попадаем в Дунай, а оттуда в греческие земли и в Азию. Там морские дружинники не нужны.

⁴⁸ Молдава.

Возражать Липу вышел Гдан Рюрикович, богатый винетский купец, еще не старый человек, но уже наживший громадное состояние продажей янтаря в греческих и азиатских городах. По роскоши одежды он не уступал Липу.

– И по Лабе с Влтавой, и по Одре да Мораве я к Дунаю хаживал много раз, – объявил он. – Янтарь, жемчуг, камни драгоценные, золото и серебро этим путем возить и носить можно. Но волока для стругов и тяжелых грузов там нет и быть не может. Из Влтавы в Дунай рукой подать, да как через горы бойские переберешься? Так же из Одры в Мораву нелегко великие тяжести перетаскивать. Это не то, что янтарь или камни самоцветные, которые в котомке за плечами носишь через какие угодно горы, если при тебе меч, копье да лук со стрелами. Лучижане народ добрый и смирный, и очень янтарь любят. А бои да чехи сущие разбойники и всегда в горных ущельях из-за угла режут. Бои старые жители тех гор, сильнее и лучше вооружены; чехи, недавно пришедшие неведомо откуда, отважнее и ожесточеннее⁴⁹. С драгоценным товаром, при плохом оружии и без своих головорезов лучше среди них и не попадайся. Иначе как с целой ратью я и не хожу через их земли. А то одна встреча с этими подлецами убыточнее торговле, чем три кораблекрушения на море. А тебе, пан Лип, грешно небылицы панибратикам под сению великого Сварога рассказывать. Ты-то на Лабе да Влтаве торгуешь, и твои дворики крепкие, и в Липске и в

⁴⁹ Бои были покорны чехами и слились с ним в конце пятого столетия.

Будеевице я не раз видел и многократно в них ночевал. Не спорь со мной. Я в Будеевице видел твои кузницы, а в Липске твое чугунное и медное литье, и здесь видал твоих работников при деле, а вся поморская земля знает, что нет в Винете оружейника лучше панибратика Липа Будеевича.

– Вы меня, панибратики, не так поняли, – мрачно произнес Лип Будеевич, – я непозволение свое беру добровольно назад и прошу его мощь, пана великого воеводу Потока Велеславича, и всех панибратиков волинских и узодомских и всех гостей иногородних простить мое слово. Поддержим днепровский путь, но не забудем и лабский, и одрский, а единение славянское всегда дело доброе.

– В этом ты прав, панибратик Лип Будеевич, – сказал великий воевода. – На Лабе стража полабская всегда да будет крепка и да пошлют боги охранителям ее, бодрицким и иным граничарам, благодать и одоление над всеми врагами. Залабские люди могут научиться, вооружиться, даже вождей найти в римских землях Галлии, к которым они примыкают, а не то и в Италии, где не мало людей, готовых выселиться куда угодно. Об этом всем нам не раз повествовали мореходы разных стран. Тогда они будут для нас весьма опасны. Все залабские народы родичи готов и саксов и язык их все один на другой похожи. Люди они храбрые, вождям своим преданные, богов своих чтущие. Их лучше иметь друзьями, чем врагами. Тогда залабские люди не к нам устрелятся, а на новые места, где создавать надо, а не разрушать. Тогда дети

Славы, одноплеменные народы от Лабы до Дона и за Дунаем, до южных морей, могут соединиться в одном великом союзе и никого не бояться, ни даже великого Рима.

Союз, хотя и не столь величественный, как явившийся в мечтах великого воеводы Потока, был заключен. Дружинники-варяги получили право на существование, не считаясь морскими разбойниками. Вече винетское разошлось, весьма довольное успехом. Не менее довольные отплыли и инородные гости. Только несколько городов отказались от участия в союзе. Это были или стесненные в своем положении, как Щецин, понимающая необходимость не сегодня-завтра подчиниться Винете, или же мечтающие о великом захвате соседних земель, как Свантоград.

БАЛА И САРА

Водан царствовал долго над готами, саксами и над квенами, все более и более сливавшимися в один народ под влиянием дровов и дев-прорицательниц. Все они ценили мудрое правление царя.

Морская торговля и союзы со славянскими городами укрепились. Морские дружинники, как городские, так и вольные, зимующие в укрепленных собственных городах солеварнях, очистили море от бродивших по нем прежде морских разбойников. Не все города состояли в союзе, не все поддерживали дружинников-варягов. Но часто за это они терпели жестокие наказания. Щецин заставили подчиниться Винете, Холмоград заставили платить дань волховцам за вход в их реку, а Руссе да Славянску за выход в Ловать.

– Не мной создано это дело, – сознавался Водан. – Оно до меня назревало. Я к нему только присоединился вовремя. Боюсь только, что не так оно прочно, как бы я того желал. Рознь и зависть между городами все живет. Они долж-

ны кончить тем, что или соединятся под одной властью, или попадут под иго завоевателей, которые могут придти неожиданно из дальних гор и степей, как некогда пришли мы всех ссорящихся себе покорить. Если победители окажутся создателями, какими были мы, благо будет народам. Если же это будут грабители, то стонать будет вся приморская земля.

Но говоря это, он мог не удержаться делать уступки обычаям народов, из которых сложилось его царство. Завоевав полуостров иотов, он послал княжить над ними сына своего Скольда, за горами вдоль всего моря он рассадил князьями прочих своих сыновей. Начало будущего дробления, подобного существовавшему на славянском побережье, было положено. Но дробление это слишком вкоренилось в нравы готов, саксов и всех залабских народов, не допуславших, чтобы хоть один сын царя мог в свою очередь не быть царем.

Другое горе Водана в старые его годы было то, что иоты опять зашевелились. К ним часто присоединялись, в грабительских их набегах, и горные квены, еще не вполне отставшие от своей кочевой жизни диких звероловов.

Желая покончить с этими разбойниками, царь Водан собрал значительную рать и направил ее во все горные притоки иотов. Но иоты укрепились на высоких крутых утесах и многие из их городков взять приступом не было возможности. Лучшие вооруженные воины Водана одерживали верх в боях на более открытых местностях. Иоты нападали в узких ущельях и побивая врага камнями с высоты крутых уте-

сов, столь же часто оказывались победителями. Тем не менее, самому Водану удалось выгнать пришельцев из нескольких крепких положений. Обширную часть горного хребта и главных его отрогов расчистил мечом и огнем неустрашимый сын его Ингве-Фрей.

Раз иоты врасплох напали на царский отряд, шедший на соединение с двумя другими, высланными Ингве-Фреем. Готы были гораздо значительнее, и после нескольких часов боя иоты бежали в беспорядке, оставив на месте множество убитых и раненых. Но победителям дорого стоила победа. Старый царь лежал распостертый на земле с тремя стрелами, глубоко вонзившимися в живот.

Врач, осмотревший раны, приказал немедленно положить царя в лодку и везти в Сигтуну. Тотчас же был послан гонец к Ингве-Фрею, для извещения его о великом бедствии, постигшем народ. Стрелы были извлечены. Раны не угрожали, при хорошем уходе, близкой смертью, но в опасности их в будущем нельзя было сомневаться. Были повреждены и желудок, и печень. Река, близ которой происходило сражение, была на этом месте судоходна и впадала в море, близ Родслага Эрика. Поэтому доставить раненого в Сигтуну можно было скоро, не причиняя тяжких страданий. У Эрика были корабли большие и прекрасно построенные, с внутренним помещением, совершенно удобным для больного.

Несмотря на все меры, принятые врачом и на все его успокоительные пития и припарки, царь лежал в горячке и бреду.

Опять на него бросался волк Фенрир, опять зияла перед его лицом пасть змея Ермунганда, опоясывающего землю, опять грозили ему великаны. По морю плыл корабль, построенный из ногтей мертвецов и нагруженный такими же ногтями. Под ухом у него по очереди пели три петуха – золотой небесный, красный земной и черный адский. Среди всех чудовищ стояла прорицательница Вала. Лицо ее было бледно, на обнаженной груди зияла кровавая рана. Она открыла глаза свои, они, казалось, мучительно преследовали больного. Он хотел отвернуться, но белые, слепые глаза, широко раскрытые, и бледное лицо Вала все оставались прямо против Водана.

– Великий Альфодер, спаси меня от этих чудовищ! – воскликнул больной. – Пришли мне Одина, духа моего покровителя, пошли мне воскресшего Бальдра.

Чудовища исчезали, как в тумане, хотя очертания их все еще продолжали метаться где-то вдали.

Вала заговорила:

Солнце начинает чернеть, земля погружается в море.
Исчезают на небе сияющие звезды;
Дым клубится над огнем, разрушающим мир,
Исполинское пламя взвивается к самым небесам.
Но Бальдр ведь сражен, любимец всех богов.
А ты на поле страшной битвы смерть найдешь.
Не будешь ты храбриться, когда нападет на тебя
Волк, который проглотит отца побед.
И погибнет тот, который драгоценнее всех для Фригг.

Водан пытается встать и отогнать прочь от себя видение. Все члены его скованы, и он не может даже повернуться на своем ложе. Голос его не может дать звука. Он в бреду бормочет бессвязные слова, из которых можно только понять, что душа его полна безмерного ужаса.

Но вдруг образ Вали исчезает. Вместо ее слепых белых глаз на раненого смотрят два бархатных черных блестящих глаза и грустно улыбается красивое девичье лицо с болезненным румянцем на щеках, окруженное прядями густых черных волос.

Стройный стан девушки облечен в белые одежды, сияющие как ясный день.

– Сара! – восклицает Водан. – Сара из Танаиса! Ты умерла?!

– Я та, которую ты в юности звал Сарой, – отвечал ему нежный голос, – и то, что ты называешь смертью, постигло меня давно, когда ты только шел вверх по Днепру, для поселения в этих краях. Но еще никогда никто не умирал, и никогда никто не умрет. Смерти нет! В природе все изменяется, все возрождается, все оживает. Я, по милости Господа Всевышнего, дух добрый и исполняю Его веления. Не твой я покровитель, а жены твоей. Ты ее своим непомерным самолюбием вовлекал в беды, но ей много простится, потому что она не знала истины. Ты знал ее не всю, но гораздо больше ее. Ты хотел ее учить лжи и сделать из ее поклонницу Тора

и прочих ложных богов готских, которых ты переделал по внушению твоего безумного воображения. Ты все дары неба погубил, сделавшись творцом лжеучения и отдалив день, когда твои народы просветятся светом истины. Душа ее жаждет истины. Безумец, кайся и молись. Разве судьба людей в твоей власти или во власти твоих прорицательниц?

– Видит Единый Сущий, – бормочет царь, – что я это делал для блага народов.

– Старцы на горе у Днепра тебе говорили иное. Они хотели тебе показать свет, ты не захотел это узреть.

– Прости мне, Господь! Я сам не ведаю всей истины.

– Но ты ведаешь теперь то, что есть ложь. Ты еще проживешь достаточно, чтобы узнать истину и поведать о ней народу, опровергнув всю ложь, которую сеял.

– Могу ли я сам себя назвать лжецом?

– Да! Ты и есть ничто иное.

– А беспорядки среди народа! Ведь славой мудрости, которая идет обо мне, держу я его в руках! Нет, я не верю, чтобы ты была Сара. Ты опять Вала, принявшая другой образ, чтобы терзать меня перед смертью.

– Ни я, ни Вала тебя терзать не хотим. Мы обе – твоя совесть. Вала плод твоей лжи; я та истина, которую ты не хотел узнать, боясь, что она помешает твоим завоевательным стремлениям.

– Воистину ли ты Сара? Можешь ли мне открыть всю истину? Неужели я безвозвратно погиб?

– Всю истину ведает один лишь Бог! В Его лишь руках погибель и спасение! Но истину, мне открытую и твоему уму доступную, я тебе открою!

– Так ты действительно Сара? Но ведь истина твоя и отца твоего была не та же, что старцев на горе?

– Была не та, но сделалась та же самая. Узнай последние годы моей жизни. Тогда поймешь, и ум твой постепенно откроется для познания и уразумения. Когда ты и та, которую я считала готом Виллерихом, твоим другом, удалились из нашего Танаиса, я заболела сильнейшей горячкой. Много дней и ночей прошли в видениях грозных и мало для меня понятных. Окружающих я не узнавала, душа моя не жила на земле, хотя и была прикована к телу. Родители и близкие мои совершенно отчаялись в сохранении моей жизни. Но я в один день почувствовала себя лучше и стала медленно выздоравливать. Сны мои начали делаться спокойнее. Скоро после моего выздоровления отец и многие танайские евреи решили покинуть этот город, где не прекращались вооруженные столкновения евреев с персами, греками и сарматами. Мы переселились в Херсонес, на юге Тавриды. Родители надеялись, что перемена места и благорастворенный воздух того берега быстро восстановят мои силы. Действительно, скоро я была на вид бодра и духом, и телом. Родители мои и здесь пользовались тем же уважением, как в Танаисе. Меня любил молодой Салаеаил бень-Закхей. Как купец, он пользовался весьма почтенной славой среди всех народов нашего

города. Несмотря на молодость лет, вел он свои дела успешно и всегда согласно с самыми строгими правилами чести. Я его полюбила, и родители мои согласились на наш брак. Мы ждали расцвета полного счастья. Но болезнь моя вернулась, кашель и лихорадка делались все сильнее, иногда струйки крови орошали подушки моей постели. По ночам я не могла уснуть, перед глазами моими являлись ангелы в светлых одеждах и говорили мне, указывая на небо: «Иди за нами». Иногда небо разверзлось и у престола Всевышнего стояли все праведники, умершие от сотворения мира, и воспевали хвалу Богу Всемогущему. Во время этих бессонных ночей я не страдала, но силы мои быстро падали, и я заметно худела, хотя цвет лица казался прекрасным, а глаза блестели огнем. Сделавшись невестой Салаеаила, я очень подружилась с сестрой его Арианой, которая была на год моложе меня. Она охотно часть ночи просиживала со мной, а иногда оставалась и ночевать в нашем доме. В одну ночь, когда меня очень мучили кашель и бессонница, я сказала Ариане:

– Кажется мне, что я не доживу до счастливого дня свадьбы, здоровье мое такое слабое.

Она мне отвечала, обнимая меня:

– Это будет большое горе и брату моему, и нам всем, так горячо любящем тебя, и мы Бога молим постоянно, чтобы Он отвратил от нас такое несчастье.

– Страшно умирать! – воскликнула я.

– Пророк Осия сказал: «От власти ада Я искуплю их, от

смерти избавлю их. Смерть! Где твое жало? Ад! Где твоя победа⁵⁰. Безрассудные страдали за незаконные пути свои. Но воззвали к Господу о скорби своей, и Он спас от бедствия их»⁵¹. Если ты взываешь к Господу о скорби своей, Он спасет тебя и твоя смерть будет великое горе нам – по малодушию нашему, но тебе радость и блаженство, о котором ни ты, ни мы, все живущие на земле, и понятия себе составить не можем.

– Моисей и пророки говорят: «Будет день воскресения мертвых»! – говорила я. – Но этот день может быть и далеко, а до него что будет? И особенно страшно и горько умереть, когда видишь земное счастье перед собой!

Ариана мне возражала:

– Я знаю брата моего Салаеаила, как и ты его знаешь. Я лучше кого-либо понимаю, как он всю жизнь свою отдаст созданию счастья твоей земной жизни, и молю Бога, чтобы Он тебя, моя дорогая, для нас всех сохранил. Но что счастье мира сего перед царствием небесным!

– Но достойна ли я царства небесного! – восклицала я. – Я ведь и закон мало знаю, хотя читаю его каждый день. А добрые дела! Какие я могу делать при моей болезненности и беспомощности?

– Веруй и молись. Вера твоя спасет тебя. Люби Бога безгранично и люби ближнего твоего как самого себя. В этом

⁵⁰ Осия. XIII. 14.

⁵¹ Псалом CVI. 16 и след.

весь закон и пророки. Христос страдал и принял смерть на кресте за грехи человеческие. Христос спасет нас от смерти и осуждения. Веруй Христу Сыну Божию и будешь спасена на веки.

– Ариана! Откуда ты это знаешь? Кто тебе это говорил? Где ты это читала?

– Я тебе принесу завтра, и ты прочтешь сама! – отвечала она мне.

На другой день она мне принесла Евангелие, «Добрую Весть». Четыре книги, написанные четырьмя учениками Иисуса Христа, Богочеловека, Спасителя мира, о Его земной жизни и божественном учении. Имена их были: Матвей, Марк, Лука и Иоанн. Я поняла, что евреи напрасно ждут Мессию, когда Он уже пришел, и божественное дело искупления человечества уже совершилось. Потом дала она мне прочесть и послания других учеников Христовых: Петра, того же Иоанна, Иуды и Павла к своим друзьям и братьям во Христе, а так же написанное Лукой сказание о деяниях первых учеников Христовых. Я читала целые дни и целые ночи. Прочитав до конца, я перечитывала вновь отдельные места, прожигавшие мне сердце, как каленым железом. Спать я после того продолжала немного, но сон находил на меня крепкий. Отдых восстанавливал мои силы, так что весь день я чувствовала себя бодрее, и мои родители и я сама начали надеяться на мое выздоровление. О всем прочитанном я долго каждый день говорила с Арианой. Ты сам, Во-

дан, слышал о том учении на горе у старцев Феодора и Иустина, учеников Андрея, апостола Христова, и в рассказах северян и полян, слышавших их поучения. Мессия истинный Христос уже пришел и искупил грехи наши, смертью смертью поправ и сущим во гробе жизнь даровав. Он учил не тому, чему вздумал ты учить невежественных дикарей. Христос учил иному! Он обещал блаженство сознающим свои грехи и недостатки, плачущим о них, кротким и жаждущим правды, милостивым, чистым сердцем, терпящим притеснения за веру. Убийство грех великий, но и гнев – убийство духовное. От гневного человека Бог и молитвы не принимает. Христос учит любить и врагов своих и прощать обиды. Христос учит не клясться, потому что все во власти Божией, а не твоей, слово правдивого человека должно быть сильнее клятвы. По закону Христову и добро надо так делать, чтобы левая рука не знала, что делает правая; а кто осуждает другого, тот и сам осужден будет Всемогущим, потому что нет человека, которого не за что было бы осудить, ибо все люди грешники. Велика премудрость Божия, преподанная людям в учении Христовом. Но ты, Водан, считающий себя мудрейшим из сущих, этого и донныне не понимаешь.

Но я в те дни даром Святого Духа это поняла и вся отдавалась изучению новой для меня Премудрости. Я познала истину. Я давно предугадывала, что Арианой в жизни руководит не то, что нами. Узнав учение правды, я уверовала, стала учиться и мыслить. Ариана призвала одну святую женщину,

вдову Марей⁵², которая меня окрестила во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Я ожила, и все были убеждены, что я получила почти полное исцеление. Я одна чувствовала, что воздуха, даже в чистом поле и на берегу морском недостаточно для моего дыхания, что руки и ноги мои слабеют с каждым днем, что я постепенно худею и увядаю, хотя на лице моем все это было еще мало заметно. Но это меня не тревожило больше. Я чувствовала всем существом моим, что Бог простил мои грехи, осушил слезы моего покаяния и скоро меня призовет к Себе. Один вечер пришел мой жених со своей сестрой, оба особенно радостные. Дом свой он переделал по моему вкусу. Он просил назначить свадьбу через неделю. Я согласилась, мы рассуждали весь вечер с большим оживлением о нашем будущем счастье, и ни одного слова не было сказано, наводившего на мысли, которые мы считали печальными. Когда уходили, мы нежно обнялись, со словами: «До свидания, до завтра». Потом я ушла в мою комнату, там долго молилась и легла спать, прочитав главу Евангелия. Уснула я скоро и крепко. Никогда я так хорошо себя еще не чувствовала со времени моего заболевания. Вдруг меня окружил свет необычайный. Все, что было передо мной, светилось и блестело. Комната моя наполнилась сияющими образами ангелов. Я потеряла всякое чувство времени и расстояния. Во-

⁵² До XII-XIII века крещение новообращенных женщин совершалось вдовами престарелых лет, именуемых диаконисами.

круг меня пролетали миры, кипящие жизнью. Все окружающее меня сияло и блестело. Среди этой бесконечности я ясно видела свою комнату. На постели лежало мое тело с полуоткрытыми глазами и с блаженной улыбкой на устах, руки были скрещены на груди, и в правой был крест Христов, возложенный на меня старицей Мареюю при святом крещении моем. Вошли в комнату отец, мать, вся семья, все слуги, все бросились на колени вокруг моей постели, залились слезами и разразились рыданиями. Собрались друзья и родственники. Я умерла. «Господи, прими дух мой с миром и помяни меня, Христос, в царствии Своем», – был возглас моей души в последнее мгновение. Я не успела его выговорить словами живого человека, но душа моя взывала к Господу. И Господь Бог был милостив ко мне. Далее я тебе, еще живому человеку, о себе ничего не скажу. Если бы я и начала говорить, ты не мог бы понять, и на человеческом языке для многого и слов даже нет. Я видела всю глубину скорби родных и друзей. Много горевал обо мне жених мой, но год спустя женился на моей подруге, которую я всегда любила, красавице Ревекке. Она знала тогда истину только ветхозаветную, но горячо любила своего мужа, скоро подружилась и с Арианой и вверилась ей всей душой. Через несколько лет Салаеаил и Ревекка крестились, познав истину слова Божия. Менее двух лет после моей смерти Господь призвал к себе и моего отца Елеазара. Он не знал всей истины, но веровал твердо во все то, чему его учили. Он алкал и жаждал прав-

ды, не продавал своих суждений ни за золото, ни за похвалу и лесть. Бог, Судия всеправедный, благословил его за то и в жизни, и в смерти. Всегда я вижу, что делает твоя жена Фритт и что делаешь ты. Я молила Бога о спасении ее, когда она была ранена отравленной стрелой, я не раз говорила с ней в сновидениях вторым, внутренним голосом, нашептывающим каждому, неомраченному страстями человеку мысли истины. Тебе Богучар и Драгомир часто говорят этим голосом, но ты им не внемлешь. Она не знает Христа Спасителя, но она знает и еще более чувствует сердцем Единого Всемогущего Создателя. Она будет родоначальницей многих добрых жен, всецело живущих для родины, мужа и детей. Из них многие познают истину. Душа ее в руках Бога Всеправедного. Я о ней неустанно молюсь. Но ты в душе этой старался сеять мрак. Пока не поздно, молись и кайся и сознай свое безумие.

И светлый образ Сары исчез перед взорами Водана. Водан как бы пришел в себя и живо вспомнил облик этой, так преждевременно угасшей девушки, столь полной любви, и все дни, проведенные им в доме ее отца.

– Сара! Ты вся была любовь! – воскликнул он. – Тебя не могла не увлечь вера любви и всепримирения. Велик и праведен Альфодер, возвеличивший тебя среди дев земных. Ты достойная дочь Бальдра. Увидев тебя, я начинаю верить, что Бальдр воскрес.

– Смотри! – раздались голоса с неба.

Водан увидел над собой дивную картину. Разверзлось небо, и на престоле был Сидящий, сияющий, как драгоценнейшие камни, и вокруг престола радуга, переливающая всеми цветами. Видеть лик Сидящего Водан не мог, так ослепителен был свет, исходящий от него и от престола. Вокруг престола стояли толпы мужей и жен в белых одеждах, с золотыми венцами на головах. От престола исходили молнии, и горели перед ним светильники ярче солнца. А у ног Сидящего разливалось стеклянное море, подобное кристаллу. Среди множества мужей, стоящих у моря, Водан узнал Богучара, Драгомира, Зур-Иргака и Елезара бень-Охозию, несколько выше их и ближе к престолу в сиянии его лучей были Федор, Иустин и Сара. Где-то в другом месте у моря стоял Агафодор, беседующий с двумя старцами, в которых Водан признал по изваяниям, виденным в Танаисе, древних Сократа и Платона. Все они казались исполнены блаженства. Они все простирали к нему руки и громко возглашали:

– Не говори о Бальдре, плоде твоего бреда. Не Бальдр воскрес! Христос воскрес!

КОНЕЦ ВОДАНА

Корабль Енрика был хороший ходок под парусами, а ветер дул попутный. Раненый царь был доставлен в Сингуту в несколько дней. Фригг уже знала о поразившем ее горе. В первую же ночь ей во сне являлась Сара и сказала: «Твой муж ранен и умрет скоро». А Фригг снам таким верила, особенно когда видела Сару. Не прошло еще дня, как она получила письмо, принесенное на хвосте ворона, присланного из стана. Письмо подтверждало то же горестное известие, и царица предалась отчаянию. На всех башнях городских была выставлена стража и о всех появляющихся судах немедленно извещали несчастную царицу. Она сама вышла навстречу кораблю, как только он вошел в залив Сигтуны. Седые волосы ее были распущены и падали на плечи, лицо заливалось слезами. Когда же она увидела дорогого мужа, в несколько дней осунувшегося и совершенно расслабленного, ноги под ней подкосились, и она упала, рыдая, на руки сопровождавших ее женщин. Дни и ночи она просиживала у изголовья

умирающего мужа, не переставая заливаться слезами. Врачи около него хлопотали, но чувствовали, что их наука бессильна. Старая Эйра, сознававшая невозможность спасти властелина, которому она была так предана, рвала на себе волосы, плакала и рыдала, и проклинала тот день, когда она спаслась от яда Мимировых стрел. Однако богатырское сложение царя на время пересилило болезнь. Раны зажили, лихорадка уменьшилась, хотя и не совсем исчезла, и он оказался в силах вставать. Но это не было возвращение к здоровью. Внутренние страдания не прекращались, а сделались менее острыми, но за то постоянными. Есть Водан почти ничего не мог и худел изо дня в день. Силы его были подкошены. Фригг, сперва так радовавшаяся выздоровлению мужа, теперь не могла смотреть на него без слез, хотя старалась в присутствии его казаться веселой и поддерживать в нем надежды. Водан сознавал свое положение. Он призвал из Квенских гор сына своего Ингве-Фрея, и с ним и с дротами каждый день обсуждал государственные дела, знакомя наследника своего со всеми трудностями правления. Часто совещался он и с дружинниками, как готскими, так и славянскими, находившимися в Сигтуне. Он внушал им сознание необходимости поддержания союза и тесного единения между всеми приморскими городами всех трех берегов Винетского моря. Однажды он призвал Ингве-Фрея и сказал ему:

– Все братья твои идут к нам. Я их оповестил.

– Отец! – сказал Ингве-Фрей. – Твое здоровье улучшает-

ся. Ты еще поживешь.

– Знаю, что могу еще пожить немного, но позорной смерти на соломе не хочу. Много о ней я говорил людям, научал их ее презирать и только ее и бояться.

Пикой чертиться

Время приспело:

Конунгу⁵³ срам на одре угасать.

Кровью покрыться

Трудное ль дело!

Так же как жить, нам легко умирать.

Скоро съехались все сыновья царя, княжившие в разных уделах земель квенон, саксов и иотов.

Он созвал жену, детей, дровов, прорицательниц и дружинников, как береговых, так и морских. Совершили жертвоприношение в храме Тора, затем полдня пировали в царском дворце. Красивые, нарядные девы, увенчанные цветами⁵⁴, разносили кушанья и пития. Мед, пиво и вино заморское лилось рекой. Царь сидел мрачный. Он думал про себя:

Добро ли я делаю, что не исполняю то, что приказывали мне несомненно благие духи Богучара, Драгомира и Сары в видениях моих. Но могу ли я отказаться от того, чему учил так долго народ мой? Поверят ли мне теперь, если я загово-

⁵³ Царю.

⁵⁴ У скандинавов на торжественных пирах прислуга была исключительно женская.

рю иное, чем то, что проповедовал всю жизнь. Велика была наука Драгомира, тверд в веровании был Зур-Иргак, полна любви была Сара, но я разве дурному учил народ? От поклонения злым духам я их отвлек.

Внушив страх Гелы и презрение к смерти на соломе, я сделал людей храбрыми, а храбрецы мои помогли мне создать великую державу.

Не так уже далеко учение мое от того, чему веруют последователи Бога Феодора, Иустина и Сары и мудрецы, продолжающие проповедь Богучара, Драгомира и Зур-Иргака, или мыслители греческие, египетские, да персидские, а так же еще книжники еврейские. Но мой народ их бы не понял.

Если я ошибаюсь, прости меня Единый Всевышний, а дело свое я должен довести до конца и запечатлеть примером, чтобы знали потомки, что у меня слово с делом не расходилось.

Он сделал усилие над собой. Черты лица его приняли величественно спокойное выражение. Он велел возложить себе на голову венец и встав произнес:

Рог принесите!

Вечно будь в славе,

Север державный.

Мы в честь тебя пьем,

Зрелостью в жите,

Строгостью в нраве

Я дорожил, как и мирным трудом.

Тщетно с краями
Витязей диких,
Ми́ра искал я. Далече он был.
Перед стопами
Богов великих
Ждет меня кроткое чадо могил.
К вам я, о боги!
Прах исчезает.
К пиру зовет меня рог громовой
В наши чертоги.
Гостя венчает
Вечная радость, как шлем золотой.

И до дна осушив рог сицилийского вина, рукой он сделал знак, чтобы все удалились. Остались с ним только его жена и дети, и несколько приближенных, которых царь не отпустил от себя. Он обратился к детям:

В согласье братском правьте своей страной,
Пусть будет сила стражем земли родной.
Один безумец, дети, свой край гнетет.
Там немощен правитель, где слаб народ;
Жесткость только злобу в сердцах рождает,
А кротость к благородству, к добру склоняет.
Лишь в правде благо края и трона слава.

Наступило торжественное мгновение. Ингве-Фрей с глазами, полными слез, поднес отцу копье и подал в руки, пре-

клонивши колена. Водан обнял его и поцеловал со словами:
– Здравствуй на многие лета, царь Ингве-Фрей, верховный вождь и повелитель готов и квендов.

За ним получил благословение и царь иотов Скольд. Затем последовали прочие младшие братья князя. Желу Водан принял в свои объятия, сам поднявшись со своего престола.

– С тобой скоро увидимся, дорогая, – сказал он. – Не скорби, а гордись всем созданным перед твоими кроткими очами, для наших потомков, моей любовью к тебе, – и, подняв правую руку к небу, он прибавил:

Вот распахнулись
Двери Валгаллы,
Боги пришельцу
Длань подают.
Фрейр вьет в корону
Вождя колосья,
Фригг вплетает
В них васильки.

Фригг упала к ногам мужа и охватила его колени, заливаясь слезами и рыдая до изнеможения.

– Не пушу, не пушу! Ради Великого Бога не делай! – вопила она, задыхаясь.

Бесчувственную, ее подняли и вынесли из палаты пиров в ее собственный покой. Скандинавские скальды описывают

так, что произошло затем:

И вырезает
Руны Одина
Он глубоко на груди на руках,
Дивно блистает
У властелина
Кровь на серебряных лона власах.

Два старца из пришедших с царем из донских степей, доблестные вожди Генир и Лодур, став на колени, собрали в серебряные купели кровь, истекающую из перерезанных жил. Когда он начал совершенно бледнеть и глаза его закрывались, они наклонились к нему со словами:

– Царь! Идем за тобой! Не должно царю идти к богам одному, не сопровождаемому преданными слугами. – И тотчас копьями они перерезали себе так же все главные кровеносные сосуды.

Тело царя и тела его двух верных друзей были торжественно сожжены в священной роще Тора, при стечении народа и из всех соседних городков, и из приморских, и из горных селений.

Умер Водан, но дело его осталось. На полуострове квенон были государства, были города, были люди, читающие руны, была торговля и многочисленные корабли плавали по морям, окружающим эти страны. Народы, созданные завоеванием страны квенон асами, сохранили на веки память о сво-

ем основателе, богатыре, законодателе, вероучителе и поэте. Совершилось то, о чем вещий старец Драгомир предостерегал своего увлекшегося ученика. Присвоили ему то имя, которое он в некоторых песнях ради созвучия со своими именами сарматским и готским давал своему духу-покровителю – имя Одина. Через несколько поколений он в понятиях народов сместил с высокого первенствующего положения в Валгалле старого Тора, отца богов, и сам был признан отцом ратей, видимых образом Альфодера в осязаемом мире и повелителем Валгаллы и земли. По смерти Фригг и ей были возданы божеские почести, хотя она до конца жизни своей отказывалась поклоняться богам, созданным пылким воображением ее мужа. В молитвах своих она обращалась к неведомому Богу, о котором говорил ей муж, но которого она более чувствовала сердцем, чем понимала разумом. За это, вероятно, и сложилось о ней верование как о богине, знающей судьбу всех людей, но не могущей ей управлять, почему и все молитвы к ней имели характер славословный, а не просительный. Древний бог старых готв Тор занял в скандинавских верованиях более скромное место сына Одина и Фригг. Их же сыном сделали и Бальдра, а так же многих других богов. Верным оказалось предсказание и предупреждение Драгомира: «Зачем слыть ложным богом, когда Бог дал быть великим человеком».

КВОЛТИЦКАЯ ТРИЗНА

Великая была скорбь по всем берегам Винетского моря. Горевали готы, саксы, квены, иоты и оплакивали царя, создавшего среди них могущественную державу Сигтуны и процветающие княжества, в которых управляли по заветам отца его дети. Искренно разделили их скорбь и славянские города, и поморские, и озерные. Царь Водан был всегда союзником и правдивым другом всех стоявших за вольную торговлю на море, и защищал купцов всех городов от всяких нападений разбойников, какого бы они роду и племени ни были. На всех вечах поставлено было с идущими в Сигтуну купеческими кораблями посылать выборных из лучших людей своего города, чтобы выразить новому царю Сигтуны, Ингве-Фрею, скорбь о кончине славного царя Водана и просить царя, Ингве-Фрея, во всех сношениях с купцами и дружинниками славянских родов не отказаться от заветов своего отца и предшественника. Инге-Фрей понимал всю важность добрых отношений с соседними народами, смелыми и

предприимчивыми, он принял всех послов как нельзя лучше и обещал всем во всех случаях, где требует справедливость, помощь и содействие. Все же права, дарованные Воданом, как городским купцам, так и варяжским дружинникам, царь Ингве-Фрей подтвердил.

Много кораблей разных городов стояло летом у пристаней Свантограда, Щирца, Стопенькамня и Ругина. Были люди с Лады и Одры и со всего бодрицкого и лютицкого побережья, не мало прибыло и из Сигтуны. Поэтому не удивительно, что велико было стечение народа в Кволтице. Близ великого жертвенного камня был воздвигнут золотой шатер богини Матказеми, а вокруг на большом пространстве расстилался стан всевозможных посетителей. Богине принесено было в жертву множество коней, быков, овец. Более десяти семейств изъявили желание посвятить дочерей своим служению богине, но немые девы поднимали вверх три пальца и качали головой, а верховный жрец объявил, что могут быть приняты на воспитание только три девочки. Избрали из всех принесенных грудных детей двух самых красивых и здоровых, у которых и родители отличались красотой. Третью взяли глухонемую красотку семи лет. Над всеми тремя в золотой палатке богини было совершено торжественно вырезание языков особенно хитро придуманными ножницами, выхватывавшими языки сразу, после чего в убранный зеленью и цветами колеснице их отвезли в храм для лечения и воспитания. Не бывавшие еще никогда на Ругине острове не могли

преодолеть чувства ужаса после виденного обряда, но все не могли так же не дивиться великолепию одежды и убранства немых дев, а так же их красоте.

– Лет десять назад, – говорил один стопенькаменец, – таких красивых дев было только три-четыре при всем храме. Теперь они все сорок девять на подбор. А которая взглянет на тебя да приветливо улыбнется, круги в глазах заходят. А видали вы, панибратики, как они ласково улыбаются нам, малым людям, когда колосья Житного Деда да плоды земные да мед пчелиный раздают. За то богиня и дает нам все эти годы урожай и хлеба, и плодов, а пчелы везде роятся на диво. И торговые люди наши все богатеют. Домов каких во всех городах наших настроили! Велика матушка богиня наша Матказемя. Слава ей и хвала и честь ее девам, молитвенницам нашим.

Иноземный купец, судя по говору и одежде, из озерных, слушая эти речи, сказал своему товарищу:

– Торговля-то и у нас пошла за эти годы лучше, а у нас нет дев-арканщиц, удавливающих и топящих в озере людей. Мать сыра земля и у нас почитается, мы ей от ее же плодов приносим, да медом ее поливаем. Истуканов и храмов у нас тоже нет⁵⁵. Молим богов, глядя на небо и прикасаясь к земле. Глянь-ка, на девах под ожерельем сколько жемчугу навешано нитями. А знаешь ли ты, что это такое? Когда они со-

⁵⁵ Идолы и храмы появились у славян поздно, сперва у озерных, потом у днепровских.

вершают великое омовение богини или когда окончена какая-нибудь отделка в храме по украшению его, они невольников, исполнявших работы, дают арканом и топят в озере. Потом каждой выдается нить, на которую нанизано ровно столько жемчужин, сколько загублено за этот раз людей. Вот и посчитай на каждой все жемчужины, да и прикинь, сколько людей эти красавицы жизни лишили.

– Да! – отвечал товарищ, по-видимому, так же из озерных. – Хоть они и красивы, а в аркане ни у одной из этих упав⁵⁶ я не пожелал бы побывать, как они мне ни улыбайся. Торговля более пошла и у нас, и у всех с тех пор, как морских разбойников уменьшилось, да города поменьше друг с другом воевать стали.

– С неладями не скоро покончишь, – подтвердил слушавший приятель. – Уразумели, что если род на род постоянно ходить будет, может и иноземец вовсе безродный набежать, который всех на поток и заберет.

– Это и у нас поняли. Особенно с тех пор, как варяги в союзы собираться стали, да города съезды раз, а не то и два в год делать начали, чтобы о делах общих судить и рядить.

– То-то, братик, и есть! – воскликнул русс. – Чаше будут съезды, теснее будет дружба. Во всем нашем краю стало везде лучше: торговля оживилась, города расти стали, и земледельцы и городские ремесленники многому научились. И откуда все это взялось?

⁵⁶ Красавиц.

– А причина, – продолжал русс, – та, что прежде города друг друга меньше знали, хотя и воевали, и торговали. Теперь квенов наши деды не узнали бы. Так многому они у пришельцев научились. Дома строят, плугом пашут, в доспехах на конях мечами сражаются, кожу, да ткани выделывают, – даже своим богам храмы воздвигают. Людей нашего языка пришло из Дона так же очень много и расселились они по нашим городам да и свои начали строить. И Алый Бор воздвигли, и на Волхве их много село. И все люди ратные и на всякое дело искусные. Варяги делались хозяевами моря и разбойным делам на море был почти положен конец. Верую я, друже, что все это сотворили великие боги, да не ради топления удавленников, а ради славы всего нашего побережья. А наши потомки, верую я крепко, и не такие дела узрят.

В кремле Стопенькамня послышались удары в золотой лист. В ответ им забили листы и в храме Матказеми, и в Заградском городище. Зазвенели и колокольчики серебристые у священного источника дев-прорицательниц. Все закончилось сорока девятью громкими и отчетливыми ударами из храма Матказеми. Народ стал тесниться около жертвенного камня, против палатки богини. Стечение народа начало еще увеличиваться. По всем дорогам потянулись колесницы, запестрели толпы пеших и кучки всадников. Жители всех окрестностей, бывшие на празднике богини не каждый день, теперь все поднялись, зная, что им сообщат нечто важное. Скоро и на море появилось множество судов, идущих с се-

вера и с юга, к Стопенькаменским пристаням.

Из нарядных шатров вышли великий воевода стопенькаменский Одьекар⁵⁷ со своими подручными воеводами и старостами; староста ширский Стрез и староста заградский Каммяк. Рядом с ними заняли места перед жертвенным камнем две немые девы, сияющие красотой и роскошью белых одежд с яркой отделкой, в драгоценных уборах из золота с камнями самоцветными. Собрались в полном составе и девы-прорицательницы от священного источника, в роскошных одеждах, увенчанные золотыми венками, с цветами из дорогих камней. Вышел вперед великий воевода Одьекар.

– Панибратики, люди ругинские и иногородные. Поведаю я вам грустное слово. Прибыл к нам благородный посол из земли готов и квенов, из мощного города Сигтуны. Там скорбит дух народный. Здесь предстоящий его мощь, друг наш Адельрих, привез мне печальную доску, писанную великими царями, соседями нашими Ингве-Фреем и Скольдом, и иными князьями северного побережья. Отец их, доблестный Водан, царь Сигтуны, скончался. Царь Ингве-Фрей обещает продолжать с нами те же дружеские отношения, и мы все не сомневаемся, что он будет нам верным другом, так же как Скольд, царь иотов, и все прочие северные князья. Но верь нам, благородный Адельрих, что скорбь наша велика и глу-

⁵⁷ Это же имя носил в V веке прозванный греками и римлянами Одоакром. Одьекар (откликающийся, от одьек – эхо) сын Яздяконя, князя щиров, верховный вождь герулов, разрушитель западной Римской Империи и король Италии (476). С этим именем тождественно чешское Оттокар.

бока. Повелитель твой был истинный друг наш, он внес в пустынные края севера жизнь, которую там не знали, он много помог нам очистить моря от разбойников. Он воистину был первым великим варягом на море Винетском. Панибратики! Коленопреклоненно помолим богов о великом награждении в лоне их, за все доблестные дела его, великого царя Водана.

Весь народ стал на колени, подняло руки к небу и запел молитву за умершего царя, друга и помощника во всяком благом предприятии. Верховный жрец Спекар заговорил:

– Редко молятся славянские народы о людях, молящихся не нашим богам. Но Водан чтит великого Сварога и всех свароговичей мощных. Царь Водан был наш друг нелестный, необманный. Не со времени ли прихода царя Водана, покорения им квенон и основания Сигтуны особенно расцвела вся торговля Винетского моря? Торговали наши города и прежде, воевали с морскими разбойниками и до него, были и встарь морские дружинники и удалые варяги. Но царь Водан все устроил и все укрепил. Он много сделал для нас, заботясь лишь о своих. Он научил многих из наших доверчиво относиться к варягам. Он первый заговорил о необходимости съезда, в первый раз состоявшегося в Винете. После этого съезда, знаете все, сколько создано союзов и насколько уменьшилось усобиц и распрей между городами, а так же почти прекратились морские разбои. Сколько переселилось в наши города сарматов из донских городов! Все это были люди искусные в ремеслах и не боящиеся труда. Дети

же их вполне наши люди. Много благ принесло нам пришествие тех народов в страну квеннов. Но и сами квенны стали другими. Для нас они теперь сделались мирными соседями, а прежде мы должны были вечно быть на страже и остерегаться их набегов. Правильно назвал великий воевода, брат и друг мой Одьекар, умершего Водана царя первым из великих варягов. Совершим же по нем великую тризну и просим отпировать память, хотя и иноземного, но доброго, честного варяга всех наезжих наших гостей. Посланника же от царей Ингве-Фрея и Скольда и от князей – братьев их, с товарищами его, а так же всех славных варягов дружинников, которых много вижу в этом собрании, просим сесть за почетный стол.

Верховного жреца Спекаря заменили три девы-красавицы, от священного источника, прорицательницы судьбы людей, Пенькна, Власта и Кохана. Пенькна заговорила первая:

– Льется вода алмазная, стеклу подобная, из священного родника богов. Журчит вода святая, и я слышу голос богов великих свароговичей. Им ведомо прошедшее, настоящее и будущее. Где дети чтут отцов словами из древней речи, где мысль, где сердце горячо бьется, смерти не страшась, за свободу родного края, где все дышит братской любовью, там и есть Славянский мир. Вовеки живите города славянской речи в мире и свободе, прославляйтесь перед светом, угождайте небесам.

Кохана продолжала:

– Боги великие повелели деве Козане восстать и поведать

братьям и сестрам слова истинные. И видит дева Кохана в странах полуночных океан, покрытый льдами, и великое море Винетское. На полдень видит она пять морей теплых⁵⁸ и по берегам их зреют плоды слаще меду и восходят жатвы без посева. На восходе расстилается опять океан, которому не видно ни конца, ни берегов. А на закате текут серебристые воды Лабы-реки, да горы Задунайские спускаются к самому Синему морю. Но слушайте все! Везде раздается одна речь – речь славянская, и при сладостных звуках ее трепещет сердце девы-славянки. Дикие кочевники подчиняются воле сынов Славы и поучаются у них, принимая их язык и нравы. Верные братской любви города возвеличиваются и под сильной властью сливаются в единое великое. Рим великий, старый владыка народов, падает во прах под ругинской десницей со щирским мечем⁵⁹. Мир спасен от нашествия дикарей сынами Славы.

– Дева Власта восстань, – продолжала третья дева. – Возвести братьям и сестрам слова богов всеведущих. Велик мир Славянский, нет часа, когда бы солнце не освещало одной части его. Велики моря Славянские, и никто не посмеет безнаказанно посягнуть на их владык. Все посягнувшие погибнут. Люди сражаются и бесстрашно умирают за правду их слов и за угнетаемую неразумными людьми веру свою. На

⁵⁸ Адриатическое, Архипелаг, Мраморное, Черное и Каспийское.

⁵⁹ Одьекар (Одоакр), покоритель Рима, был родом из ругинского племени щиров.

Дунае богатыри, обливаясь кровью, грудью стоят за родину, гибнут не сдаваясь и изгоняют диких насильников. Много раз сжигаемый, много раз стертый с лица земли, много раз переименованный имя Алый Бор, как алая заря сияет на небесах красой северных морей, заливая все своим светом. На ноги восстаньте, в тесном братстве соединитесь, сыны Славы! Язык наш будет жить, родина наша не падет, славянство будет владыкой полмира, не порабощая, а освобождая народы.

Тризна началась с вечера, но продолжалась три дня. Прибыло множество посетителей и из Свантограда, и из Ругина, и из Щирца, и из меньших городов Ругина острова. В первый день, прежде чем сесть за стол, Спекар обратился к Адельриху и к трем вождям славянских варягов: Ратмиру, Брониславу и Удону⁶⁰:

– Гости дорогие, прошу вас выйти вперед и подойти к палате великой богини, отверстой для молитвы, которую мы совершим.

Прочитав молитву при стечении всего коленопреклоненного народа, он ударил три раза в ладоши. Из рядов немых дев вышли четыре, держащие каждая в руке по венку из цветов. Один был связан синей лентой с сапфировой застежкой, другой – красной с рубинами, третий – зеленой с изумрудами, четвертый – желтой с топазами. Каждая дева имела те же цвета и камни в отделке белой одежды и в уборе. Венки бы-

⁶⁰ Предок князей Мекленбургских.

ли ими одеты на Адельриха, Ратмира, Бронислава и Удона. Каждая из них затем поцеловала в уста чествуемого вождя и благословила его наложением руки на его голову. После того Спекар так же обнял и поцеловал каждого из них. Жрицы вернулись на свои места. Верховный жрец пригласил прочих сигтунцев и славянских варягов подходить по одному к одной из жриц и все были увенчаны венками цветов с лентами.

– А хорошо говорили девы от священного источника! – восторженно сказал остроградец.

– Еще бы не хорошо! Разве ты не чувствовал сердцем, что не они говорили, а сами боги их устами? Много я вещей людей на моем роду слышал, да бывал грех и не всему их сказанию верил. А сегодня нет слова, которое бы мне сердце не прожгло. Так ни разу и мысли не пришло, что может что-либо совершиться иначе. В каждом слове так и чувствуется вдохновение божественное.

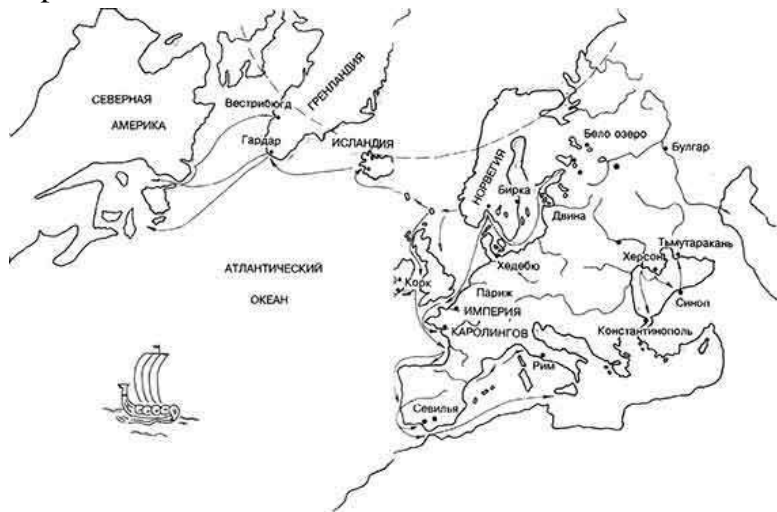
– Да, братец! – задумчиво произнес остроградец. – Дивное видели мы и слышали в сей день.

«На ноги восстаньте, в тесном братстве соединитесь, сыны Славы. Язык наш будет жить, родина наша не падет, славянство будет владыкой полмира, не порабощая, а освобождая народы».

КАРТЫ IX-XI вв.

Карта 1. Походы викингов.

Карта 2. Исландия.

